

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 11 (180) ноябрь 2025

В НОМЕРЕ:

Володина С. В.

Интерпретация принципа доверия
Конституционным Судом Российской Федерации

Паночкин А. М.

Трансформация производства в суде второй
инстанции при осуществлении постсоциалистического
транзита (на примере уголовного судопроизводства
Республики Болгарии)

Шахназаров Б. А.

Особенности правового режима
персональных данных и больших данных в КНР

LEX RUSSICA



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИНИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Высшей школы экономики.
Почтовый адрес: Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия “Яблоко”».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашиповская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности проректора по научной работе Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.
Почтовый адрес: 2-я Звенигородская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 123022.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
Почтовый адрес: Азовская ул., д. 2, корп. 1, г. Москва, Россия, 117638.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620066.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 01.12.2025
Объем 21,27 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Sector for Environmental Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics (HSE).
Mailing address: Myasnitskaya ul., d. 20, Moscow, Russia, 101000.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Acting Vice-Rector for Research of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Mailing address: 2nd Zvenigorodskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 123022.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Research Fellow of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
Mailing address: Azovskaya ul., d. 2, b. 1, Moscow, Russia, 117638.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620066.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

01.12.2025
Volume: 21.27 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

- Пакшин П. К.** Смежные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом: философско-правовой анализ замены критерия творчества на критерий инвестиций 11

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Володина С. В.** Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации 19

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Косырева М. С.** Трансформация публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации 29

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Моисеева А. В.** Частные медицинские организации как объекты внутреннего государственного финансового контроля 40

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Черпак М. Д.** Развитие института компенсации за нарушение исключительных прав в позициях Конституционного Суда Российской Федерации 47

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Медведева М. А.** Гендерный подход в статьях Особенной части УК РФ 61
- Росляков В. Д.** Уголовно-правовая политика в сфере экономики: обзор изменений законодательства в 2024 г. 72

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Корнакова С. В.** Тайна, конфиденциальная информация и конфиденциальность в контексте защиты информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства 81

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Соловьев А. А.** Криминалистическое понятие эмоции страха 91

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Скобликов П. А.** Анализ проекта всеобъемлющей конвенции ООН против киберпреступности в контексте соблюдения прав пострадавших 99
- Нугманова А. Н.** Защита прав человека в международных инвестиционных правоотношениях: поиск баланса интересов сторон 113

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Наку А. А., Амирасланов Р. Р.** Правовые аспекты
разноскоростной интеграции в ЕС и ЕАЭС: опыт и перспективы 122

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Панокин А. М.** Трансформация производства в суде второй инстанции
при осуществлении постсоциалистического транзита
(на примере уголовного судопроизводства Республики Болгарии) 135

- Шахназаров Б. А.** Особенности правового режима
персональных данных и больших данных в КНР 147

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

- Макарова Л. А.** Основные и дополнительные последствия
неосновательного обогащения (на примере сферы теплоснабжения) 157

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

- Босык О. И.** Трансформация высшего юридического образования
в условиях цифровой экономики и внедрения искусственного интеллекта 169

Contents

PHILOSOPHY AND ETHICS OF LAW

- Pakshin P. K.** Related Rights in AI-Generated Works: A Philosophical-Legal Study on Replacing the Creativity Standard with an Investment-Based Standard 11

STATE AUTHORITY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Volodina S. V.** Interpretation of the Principle of Trust by the Constitutional Court of the Russian Federation 19

STATE ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Kosyreva M. S.** Transformation of the Public-Law Framework for Ensuring the Information Sovereignty of the Russian Federation 29

FINANCIAL LAW

- Moiseeva A. V.** Private Medical Organizations as Objects of Internal State Financial Control 40

INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION

- Cherpak M. D.** The Development of the Institute of Compensation for Infringement of Exclusive Rights in the Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation 47

CRIMINAL LAW

- Medvedeva M. A.** The Gender Approach in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation 61

- Roslyakov V. D.** Criminal Law Policy in the Economic Sphere: An Overview of Legislative Amendments in 2024 72

CRIMINAL PROCEDURE

- Kornakova S. V.** Secrecy, Confidential Information, and Confidentiality in the Context of Protecting Information about the Private Life of Participants in Criminal Proceedings 81

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Solovev A. A.** Forensic Concept of the Emotion of Fear 91

INTERNATIONAL LAW

- Skoblikov P. A.** Analysis of the Draft UN Comprehensive Convention against Cybercrime in the Context of Respect for the Rights of Victims 99

- Nugmanova A. N.** Protecting Human Rights in International Investment Relations: Finding a Balance of Interests 113

INTEGRATION LAW

- Naku A. A., Amiraslanov R. R.** Legal Aspects of Multi-Speed
Integration in the EU and the EAEU: Experience and Prospects 122

FOREIGN EXPERIENCE

- Panokin A. M.** Transformation of Proceedings in the Court
of Second Instance during the Post-Socialist Transition
(as in the Case of Criminal Proceedings in the Republic of Bulgaria) 135

- Shakhnazarov B. A.** Features of Personal Data and Big Data
Legal Regime in the People's Republic of China (PRC) 147

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

- Makarova L. A.** Main and Additional Consequences
of Unjust Enrichment (as in the Case of Heat Supply Sector) 157

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

- Bosyk O. I.** Transformation of Higher Legal Education in the Context
of the Digital Economy and the Introduction of Artificial Intelligence 169

Смежные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом: философско-правовой анализ замены критерия творчества на критерий инвестиций

Аннотация. Статья посвящена обоснованию необходимости правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, посредством смежных прав. Рассматриваются пути снижения правовых рисков создания результатов интеллектуальной деятельности с помощью технологий искусственного интеллекта, и проводится философско-правовой анализ выдвинутой гипотезы — замены творчества на инвестиции в качестве критерия охраноспособности. В соответствии с авторской концепцией философско-правовым основанием замены критерия творчества может выступать экстраполяция категории Man M. Хайдеггера на искусственный интеллект в парадигме коммуникативной теории права. Искусственный интеллект не следует наделять правосубъектностью, а критерий творчества должен быть замещен критерием инвестиций, в связи с чем правовую защиту посредством предоставления смежного права следует распространить и на созданные искусственным интеллектом результаты интеллектуальной деятельности, именуемые Man-творчеством.

Ключевые слова: искусственный интеллект; результаты интеллектуальной деятельности; интеллектуальная собственность; интеллектуальные права; нейросети; машинное обучение; промпты; философия права; философско-правовой анализ; философские основания; правовая природа; правосубъектность.

Для цитирования: Пакшин П. К. Смежные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом: философско-правовой анализ замены критерия творчества на критерий инвестиций // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 11–18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.011-018.

© Пакшин П. К., 2025

* Пакшин Павел Константинович, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
ppk-center@mail.ru

Related Rights in AI-Generated Works: A Philosophical-Legal Study on Replacing the Creativity Standard with an Investment-Based Standard

Pavel K. Pakshin, Postgraduate Student, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
ppk-center@mail.ru

Abstract. The paper substantiates the necessity of providing legal protection for the results of intellectual works created by artificial intelligence through the mechanism of related rights. It examines ways to reduce legal risks associated with the creation of intellectual property using artificial intelligence technologies and offers a philosophical and legal analysis of the proposed hypothesis, namely, replacing the creativity criterion with the investment criterion as the basis for protectability. According to the author's concept, the philosophical and legal foundation for replacing the creativity criterion may be found in the extrapolation of Martin Heidegger's category Man to artificial intelligence within the paradigm of the communicative theory of law. Artificial intelligence should not be endowed with legal personality, and the creativity criterion should be replaced by the investment criterion. Consequently, legal protection through the granting of related rights should also be extended to AI-generated results of intellectual activity, which the author refers to as Mancreativity.

Keywords: Artificial intelligence; results of intellectual activity; intellectual property; intellectual rights; neural networks; machine learning; prompts; philosophy of law; philosophical and legal analysis; philosophical foundations; legal nature; legal personality.

Cite as: Pakshin PK. Related Rights in AI-Generated Works: A Philosophical-Legal Study on Replacing the Creativity Standard with an Investment-Based Standard. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):11-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.011-018.

В настоящее время цифровые технологии всё больше проникают в жизнь каждого из нас. При этом развитие технологий искусственного интеллекта бросает вызов традиционному правопониманию и поднимает ряд нетривиальных вопросов: во-первых, является ли искусственный интеллект субъектом или объектом права; во-вторых, кто является автором результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом; в-третьих, кто будет нести ответственность за юридически значимые деяния, совершенные искусственным интеллектом. Развитие технологий искусственного интеллекта оказывает влияние на общую теорию права и правовую политику, а также является предметом внимания политиков. Президент России В. В. Путин отмечает: «С внедрением искусственного интел-

лекта... человечество начинает новую главу своего существования»¹, а Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко справедливо заявляет о необходимости определить «четко, что такое искусственный интеллект»².

Чтобы ответить на вопросы, приведенные выше, используем функциональный подход и попытаемся разобраться, ведет ли себя искусственный интеллект как традиционный субъект права — человек. В целях лучшего понимания проблематики рассмотрим ситуацию, где пользователь, аналогично случаю со служебным произведением или авторским заказом, как работодатель или заказчик дает искусственному интеллекту как своему сотруднику или подрядчику конкретные указания по выполнению работы. Тогда творческое вмешательство человека происходит на начальном этапе работы,

¹ Путин назвал искусственный интеллект новой главой в жизни человечества // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82> (дата обращения: 21.04.2025).

² Лукашенко призвал развивать искусственный интеллект, но не забывать и о людях // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/lukashenko-prizval-razvivat-iskusstvennyy-intellekt-no-ne-zabyvat-i-o-lyudyakh.html> (дата обращения: 21.04.2025).

причем чем более подробные и точные инструкции были даны искусственному интеллекту, тем больше вероятность признания авторства за человеком. Логичен и обратный вывод: чем меньше инструкций поступало от человека и чем больше искусственный интеллект проявлял автономность, тем выше вероятность... признания авторства за искусственным интеллектом.

Действительно, в случае с минимальным контролем человека мы оказываемся перед дилеммой: либо признать за искусственным интеллектом некоторую правосубъектность (пусть и правосубъектность *suī generis* по аналогии с юридическим лицом в теории фикции), либо счесть результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, неохраноспособными (хотя они по свойствам идентичны результатам интеллектуальной деятельности человека). В настоящее время основным риском использования технологий искусственного интеллекта при создании произведения является невозможность правовой охраны такого произведения. Кроме того, искусственный интеллект может в процессе работы нарушить интеллектуальные права иных лиц. Помимо нарушения прав интеллектуальной собственности, созданный с помощью искусственного интеллекта объект может просто не соответствовать действительности и вводить в заблуждение, а также нарушать законодательство о персональных данных. В этой связи очевидно, что существующие правовые конструкции должны быть адаптированы к новым цифровым реалиям. В. В. Перькова верно констатирует, что результаты интеллектуальной деятельности «не могут закрепляться за искусственным интеллектом из-за отсутствия у него какой-либо гражданской правосубъектности»³.

Для сравнения рассмотрим иностранный опыт. Швейцарское законодательство, например, защищает только интеллектуальные творения с индивидуальным характером (ст. 2(1) Закона об авторском праве Швейцарии). Тра-

диционно в европейских правовых порядках права автора неразрывно связаны с правами личности (разд. 13 Закона Германии об авторском праве, ст. L121-1 Кодекса интеллектуальной собственности Франции, разд. 20(1) Закона Австрии об авторском праве, ст. 8 Закона Италии об авторском праве, ст. 9 Закона Швейцарии об авторском праве).

Констатируя нерешенность вышеуказанных вопросов, необходимо отметить, что выйти из порочного круга поставленной проблемы во многом не удастся из-за господствующей субъектно-объектной парадигмы правовой действительности. Такая субъектно-объектная парадигма не учитывает одной существенной особенности: любой объект, помимо существования в объективной действительности как «вещь-в-себе» (*Ding an sich*), по И. Канту, существует и в виде отражения в сознании человека — феномена. Г. Гегель критиковал концепцию «вещь-в-себе» И. Канта, считая ее нелогичной и утверждая, что мысли и реальность не могут быть разделены. К. В. Патырбаева, рассматривая взгляды Г. Гегеля на субъект и объект, отмечает: «По Гегелю, подлинная реальность — это единство субъекта и объекта». Что касается правовой мысли, то существование дихотомии «объект — субъект» было также очевидно далеко не для всех правоведов: некоторые ученые, в частности Г. Шварц, считали саму идею субъекта прав неудачной и несостоятельной, предлагая вместо этого использовать категорию «правовая цель» (*Rechtzweck*), где любая сущность с юридической точки зрения является объектом юридической опеки (*Objekt der rechtlichen Fürsorge*)⁴.

Дело в том, что под понятием юриспруденции скрываются два направления. Юриспруденция как экспертная деятельность имеет дело с общественными отношениями (что роднит ее с социологией), которые подпадают под нормативно-правовое регулирование. Юриспруденция как наука вырабатывает теоретические

³ Перькова В. В. Правовые проблемы, связанные с задействованием искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности // Закон и власть. 2023. № 2. С. 47.

⁴ Привод. по: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_12.html (дата обращения: 21.04.2025).

конструкции (что сближает ее с философией), с помощью которых мы познаем правовую реальность. А. В. Ильин разделяет аналитическую юриспруденцию, особенностью которой является «упор на необходимость доказательства выдвинутых положений», где зачастую используется методология, выработанная философией, и юриспруденцию дескриптивную, предполагающую «описание накопленных юридических фактов, юридических проблем», что характерно для экспертной деятельности⁵.

Важно указать, что философия не первый раз вырабатывает концепции, которые юриспруденция в дальнейшем берет на вооружение. А. Е. Писаревский отмечает, что философия выполняет функции «экстраполяции универсалий» и «формирования теоретического обобщенного образа мира»⁶. Очевидно, что решение проблемы искусственного интеллекта также требует выработки теоретической модели для его познания в правовой реальности, что, в свою очередь, предопределяет обращение к философии.

Вместе с тем философско-правовые основания должны иметь, несомненно, практический характер. Рассматривая историю развития правовой мысли, мы видим, например, что Р. Иеринг, отрекаясь от «юриспруденции понятий» (*Begriffsjurisprudenz*), приступает к разработке «юриспруденции интересов» (*Interessenjurisprudenz*). В работе «Цель в праве» («*Der Zweck im Recht*») ученый стремится дать праву социологическое обоснование. В. Л. Кулапов справедливо отмечает, что «функциональный подход к исследованию государственно-правовых явлений» неразрывно связан с государством, неспособным «выполнить своего назначения без использования права, которое

оформляет, направляет и обеспечивает исполнение всякого социально значимого решения»⁷.

Очевидно, что дихотомия «объект — субъект» не отвечает требованиям нашей концепции. При этом в качестве альтернативы традиционному восприятию М. Хайдеггер предлагал оперировать понятиями *Dasein* и *Man*. По мнению философа, сама по себе «категоризация бытия через призму субъекта и объекта является ошибочной, поскольку внедряет рациональное объяснение в нерациональные проявления жизненных форм». С. С. Русаков отмечает: «Хайдеггер модифицировал трансцендентальную субъективность». В формулируемом М. Хайдеггером понятии *Dasein* наблюдаются «разрушение трансценденции» и «отказ от идеи защиты автономности человека-субъекта»⁸.

В целях рассмотрения оснований применения *Dasein* и *Man* в праве обратимся к коммуникативной теории права. А. В. Поляков отмечает, что «только постклассические подходы к пониманию правовой реальности способны дать целостную картину права как “живого” социального явления». Автор определяет правовую коммуникацию как «правовое взаимодействие субъектов, которое возникает на основе социальной интерпретации правовых текстов, предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении»⁹.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что экстраполяция понятий *Dasein* и *Man* на юриспруденцию поможет познать правовую природу искусственного интеллекта и обосновать замену творчества инвестициями в качестве критерия охраноспособности. С точки зрения философии *Dasein* вопрошает о том, зачем он существует, в то время как *Man* явля-

⁵ Ильин А. В. О юридической науке и юридическом ремесле // Закон. 2024. № 9. С. 94.

⁶ См.: Писаревский А. Е. Юридическая герменевтика. Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2004.

⁷ Кулапов В. Л. Основные принципы функционального подхода при исследовании государственно-правовых явлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 43.

⁸ Русаков С. С. Ранний Хайдеггер и проблема соотношения субъекта и *Dasein* // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 145.

⁹ Цит. по: Архипов С. И. Коммуникативная теория права А. В. Полякова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 4. С. 23.

ется механическим имитатором, не задумывающимся о своем бытии. По мнению А. Г. Дугина, искусственный интеллект и является *Map*. Он отмечает: «Искусственный интеллект, робот — это же *Map* Хайдеггера!» И. А. Иванюшкин на основании тезиса А. Г. Дугина определяет искусственный интеллект как «лишенное всякой онтологии техническое нечто»¹⁰.

Попробуем рассуждать от противного. Если мыслить категориями «субъект — объект», то получается, что раз человек совершает юридически значимые действия и искусственный интеллект способен к этому, значит, оба они функционально являются субъектами. Если же смотреть не через призму правосубъектности, а через призму *Dasein*- и *Map*-принадлежности, то истинной правосубъектностью обладает только человек. Используя категории *Dasein* и *Map*, полагаем, что понятие истинной субъектности неприменимо к искусственному интеллекту как к *Map*. Искусственный интеллект является механической имитацией творчества, т.е. речь идет о *Map*-творчестве. Кроме того, истинное *Dasein*-творчество традиционно охраняется авторским правом, в то время как *Map*-творчество как имитация должно охраняться правом смежным.

А. В. Пушкарёв отмечает: «Искусственное, соединенное с естественным, предполагает “потенциальное бытие” в качестве предпосылки осуществления творческих смыслов и гарантов творческого бытия»¹¹. В системах искусственного интеллекта искусственное соединяется с естественным следующим образом: сама система представляет собой искусственное явление, а данные для обучения и запрос пользователя (промпт) — явления естественные. Можно сказать, что искусственный интеллект обеспечивает коммуникацию между авторами исходных данных и пользователем, формулирующим запрос. В этом случае наиболее близкой кажется аналогия с базами данных, только искусственный интеллект идет дальше, создавая новые данные на

основе изученных. Не затрагивая традиционно сложившееся представление о правосубъектности, в соответствии с нашим подходом следует заменить критерий творчества критерием инвестиций (по аналогии с инвестиционными базами данных) при создании результатов интеллектуальной деятельности.

В рамках нашей концепции необходимо выделять два вида творчества: 1) *Dasein*-творчество, при котором результат первоначально возникает в голове человека-творца (отражающийся в праве через критерий творчества, такой результат интеллектуальной деятельности охраняется авторским правом); 2) *Map*-творчество, при котором результат создается с помощью математической имитации интеллектуальной деятельности *Dasein* (отражающийся в праве через критерий инвестиций, такой результат интеллектуальной деятельности охраняется смежным правом). В соответствии с нашей концепцией *Map*-творчество, вопреки господствующей в Российской Федерации позиции, всё же должно быть охраноспособно, причем в рассматриваемой парадигме смежное право на результат *Map*-творчества должно принадлежать *Dasein*, т.е. человеку, который создал условия для получения конечного результата. Таким образом, в качестве оптимального решения *de lege lata* предлагается предоставление смежного права по аналогии с инвестиционными базами данных.

В подтверждение нашей концепции отметим, что работа искусственного интеллекта зависит от данных, на которых он обучается, причем источником размещения этих данных в цифровом виде является человек. Искусственный интеллект представляет собой «цифрового гонца», который, обрабатывая поток больших данных, обеспечивает коммуникацию между *Dasein*, однако вместе с тем, в отличие от *Dasein*, сам не вопрошает о своем бытии (ему неважно, для чего он существует и выполняет команды).

¹⁰ Иванюшкин И. А. Искусственный интеллект: перспективы социокультурных трансформаций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». 2019. № 4 (32). С. 15.

¹¹ См.: Пушкарёв А. В. Философские основания искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2017.

Наша теория подтверждается и с технической точки зрения, поскольку при потреблении в целях обучения данных, созданных другим искусственным интеллектом, первый искусственный интеллект деградирует¹². Мы видим, как на качестве работы искусственного интеллекта сказывается отсутствие в коммуникативной цепочке *Dasein*, пусть даже и имплицитно. В связи с этим приходим к подтверждению нашей гипотезы, что для *Map*-творчества критерий творчества целесообразно заменить критерием инвестиций. Также отметим, что должны быть выработаны четкие правила, регулирующие использование искусственного интеллекта в коммерческих условиях для получения дохода, охватывающие вопросы о том, как можно применять результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, и как полученный доход должен быть распределен между вовлеченными сторонами¹³.

В настоящее время, когда результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, неохраноспособны, доказательство участия человека в создании результата интеллектуальной деятельности, пусть там и использовались технологии искусственного интеллекта, на практике помогает добиться охраноспособности такого результата. Так, Арбитражный суд г. Москвы в решении по делу от 30.11.2023 № А40-200471/2023 в ответ на незаконное использование ответчиком видеоролика, созданного с помощью технологии *deepfake*, признал личный творческий вклад в создание видеоролика: *deepfake* «сам по себе не свидетельствует» о том, что «видеоролик доступен для свободного использования (без согласия правообладателя), или о том, что группа лиц, обеспечившая написание сценария видеоролика, видеосъемку, его аудиосо-

провождение, не внесли личный творческий вклад в создание видеоролика и не признаются его авторами». В 2023 г. Интернет-суд г. Пекина в деле *Li Yunkai v. Liu Yuanchun* признал сгенерированные искусственным интеллектом изображения результатами интеллектуальной деятельности и производением искусства, основываясь на антропоцентрическом концепте. Верховный кассационный суд Италии также призвал определять «процент использования цифрового инструмента в отношении творческой работы»¹⁴. По нашему мнению, подобный казуальный путь должен быть трансформирован в системный подход, заключающийся в замене критерия творчества критерием инвестиций.

Что касается изобретений, то в качестве переходного положения в поиске решений *de lege lata* немецкий Федеральный патентный суд (*Bundespatentgericht*) принимает доверенное человеческое изобретательство *sui generis*: заявка по-прежнему должна формально называться изобретателем человека, однако вместе с тем может пояснить, что изобретательские действия были выполнены системой искусственного интеллекта¹⁵. Несмотря на излишнюю сложность и формальность, подход доверенного человеческого изобретательства приемлем как переходное решение до тех пор, пока патентное законодательство не будет изменено. Однако основной нерешенной проблемой в таком случае является определение изобретательского уровня: невозможно выработать четкий критерий патентоспособности без понимания того, какие требования следует предъявлять к изобретениям, созданным искусственным интеллектом, в целях отсекаания малоценных изобретений.

Резюмируем: хотя вклад разработчиков имеет решающее значение для появления системы

¹² Коллапс ИИ: чем грозит самообучение на искусственных данных // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/648b13b39a794753f2305d5b> (дата обращения: 21.04.2025).

¹³ *Watiktinnakorn C., Seesai J., Kerdvibulvech C.* Blurring the lines: how AI is redefining artistic ownership and copyright // *Discover Artificial Intelligence*. 2023. Vol. 3. Art. Num. 37. URL: <https://doi.org/10.1007/s44163-023-00088-y> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁴ *Corte de Cassazione, Sezione I Civile* [2023].

¹⁵ *European Patent Office, J 0008/20 — 3.1.01 & J 0009/20 — 3.1.01, 4.3.7*; *Federal Patent Court, 11 W (pat) 5/21, II.2.c.*

искусственного интеллекта, без финансовой и организационной поддержки их усилия вряд ли могли бы привести к этому. Целесообразно поддержать предложение П. А. Каштановой, сделанное в развитие идей П. Ролинсона, Е. А. Ариевича, Д. Е. Ермолиной и В. О. Калятина, о введении в ГК РФ нового объекта смежных прав¹⁶ (по аналогии с инвестиционными базами данных, пример которых уже разбирался).

Соглашаясь с подходом А. И. Балашовой о том, что «за основу потенциального правового регулирования могут быть взяты правовые режимы объектов, не имеющих автора (наиболее подходящим является режим фонограмм), или произведений, перешедших в общественное достояние, обнаруженных публикатором»¹⁷, С. А. Милюков приходит к выводу о «перспективности специального правового режима не охраняемых авторским правом сгенерированных объектов». Объекты, созданные искусственным интеллектом, он предлагает поместить «в рамки института смежных прав», выступая за установление смежных прав «лица, использующего ИИ, на оригинальные сгенерированные объекты, внешнюю форму которых создает ИИ, реализуя замысел пользователя»¹⁸. Что касается охраноспособности созданных искусственным интеллектом объектов в целом, то с нашей точкой зрения, в частности, согласна Е. В. Евтеева, которая заключает, что «нет оснований полагать, что интерес к таким объектам будет ослабевать или угасать со временем»¹⁹.

В этой связи очевидно, что исследования в данном направлении должны быть продолжены. В будущем необходимо разработать правовую основу, фокусирующуюся на доступе, использовании, в том числе совместном, личных и неличных данных для общего блага, обеспечивая при этом надлежащую защиту конфиденциальности и эффективные средства защиты людей от вреда, возникающего в результате обработки данных. Необходимо определить правовые краеугольные камни для улучшения доступа, использования, в том числе совместного, личных и неличных данных. В связи с трансграничностью передачи данных важен аспект права, применимого к системе искусственного интеллекта, использующей для обучения исходные данные из различных юрисдикций. С точки зрения международного частного права данный вопрос до сих пор также не решен.

Таким образом, экстраполируя в соответствии с нашей концепцией категорию Map философии М. Хайдеггера на искусственный интеллект в парадигме коммуникативной теории права, мы подтвердили свою гипотезу. Искусственный интеллект не следует наделять правосубъектностью, а критерий творчества должен быть заменен критерием инвестиций, в связи с чем правовую защиту посредством предоставления смежного права следует распространить и на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, именуемые Map-творчеством.

¹⁶ Каштанова П. А. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). С. 121.

¹⁷ Балашова А. И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 3 (41). С. 198.

¹⁸ Милюков С. А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта, как объекты авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). URL: <http://ipcsmagazine.ru/articles/1799896/> (дата обращения: 21.04.2025).

¹⁹ Евтеева Е. В. Охраноспособность объектов, созданных искусственным интеллектом: теоретическое обобщение // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 3 (37). С. 111.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Балашова А. И.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — № 3 (41). — С. 190–206.
2. *Евтеева Е. В.* Охраноспособность объектов, созданных искусственным интеллектом: теоретическое обобщение // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 3 (37). — С. 97–111.
3. *Ильин А. В.* О юридической науке и юридическом ремесле // Закон. — 2024. — № 9. — С. 93–95.
4. *Каштанова П. А.* Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — № 1 (39). — С. 120–132.
5. *Кулапов В. Л.* Основные принципы функционального подхода при исследовании государственно-правовых явлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2022. — № 2 (145). — С. 34–45.
6. *Милюков С. А.* Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта, как объекты авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — № 1 (47). — URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1799896/> (дата обращения: 21.04.2025).
7. *Перькова В. В.* Правовые проблемы, связанные с задействованием искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности // Закон и власть. — 2023. — № 2. — С. 46–49.
8. *Русаков С. С.* Ранний Хайдеггер и проблема соотношения субъекта и Dasein // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 2. — С. 143–151.
9. *Тихонова С. В.* Идеиные истоки развития российской коммуникативной теории права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — № 2. — С. 25–47.
10. *Watiktinnakorn C., Seesai J., Kerdvibulvech C.* Blurring the lines: how AI is redefining artistic ownership and copyright // Discover Artificial Intelligence. — 2023. — Vol. 3. — Art. Num. 37. — URL: <https://doi.org/10.1007/s44163-023-00088-y>.

Материал поступил в редакцию 21 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Balashova A. I. Pravovoy rezhim rezultatov deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta: edinstvo i differentsiatsiya podkhodov // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2023. — № 3 (41). — S. 190–206.
2. Evteeva E. V. Okhranosposobnost obektov, sozdannykh iskusstvennym intellektom: teoreticheskoe obobshchenie // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2022. — № 3 (37). — S. 97–111.
3. Ilin A. V. O yuridicheskoy nauke i yuridicheskom remesle // Zakon. — 2024. — № 9. — S. 93–95.
4. Kashtanova P. A. Perspektivy pravovoy okhrany proizvedeniy, sozdavaemykh s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta v Rossii // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2023. — № 1 (39). — S. 120–132.
5. Kulapov V. L. Osnovnye printsipy funktsional'nogo podkhoda pri issledovanii gosudarstvenno-pravovykh yavleniy // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2022. — № 2 (145). — S. 34–45.
6. Milyukov S. A. Obekty, sozdannye s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta, kak obekty avtorskikh i smezhnykh prav // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. — 2025. — № 1 (47). — URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1799896/> (data obrashcheniya: 21.04.2025).
7. Perikova V. V. Pravovye problemy, svyazannye s zadeystvovaniem iskusstvennogo intellekta v sozdanii rezultatov intellektual'noy deyatel'nosti // Zakon i vlast'. — 2023. — № 2. — S. 46–49.
8. Rusakov S. S. Ranniy Khaydegger i problema sootnosheniya subekta i Dasein // Izvestiya Tuls'kogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. — 2024. — № 2. — S. 143–151.
9. Tikhonova S. V. Ideynye istoki razvitiya rossiyskoy kommunikativnoy teorii prava // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. — 2023. — № 2. — S. 25–47.
10. Watiktinnakorn C., Seesai J., Kerdvibulvech C. Blurring the lines: how AI is redefining artistic ownership and copyright // Discover Artificial Intelligence. — 2023. — Vol. 3. — Art. Num. 37. — URL: <https://doi.org/10.1007/s44163-023-00088-y>.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.019-028

С. В. Володина*

Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются особенности интерпретации и применения принципа доверия Конституционным Судом РФ. Правовая категория доверия используется Судом при оценке отношений между органами публичной власти, гражданами и публичной властью, государством и институтами гражданского общества, правовых отношений между гражданами. Сформулирован вывод о том, что Конституционный Суд рассматривает доверие как правовое состояние между субъектами правоотношений на основе ценностей, принципов и положений Конституции РФ. Юридикологическое определение принципа давалось Судом имплицитно, на основании ценностей, закрепленных в преамбуле, принципов и положений гл. 1 и 2 Конституции РФ. В правовых позициях Конституционного Суда принцип доверия определен конституционной ценностью основ конституционного строя и служит критерием оценки законодательства. Юридикологическую основу принципа доверия составляет правовая определенность, которая заключается в требованиях формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности норм, в согласованности положений в системе действующего правового регулирования. Судом сформулирован ряд иных требований к законодательству, составляющих юридическое содержание принципа. Принцип доверия применяется Конституционным Судом к конституционным и иным отраслевым правоотношениям, выступает критерием оценки действующего законодательства, судебной и правоприменительной практики.

Ключевые слова: принцип доверия; Конституционный Суд РФ; конституционная доктрина; ценности; интерпретация; правовые позиции; правовая определенность; требование; законодатель; правоприменитель.

Для цитирования: Володина С. В. Интерпретация принципа доверия Конституционным Судом Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 19–28. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.019-028.

© Володина С. В., 2025

* Володина Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
volodina_sv@inbox.ru

Interpretation of the Principle of Trust by the Constitutional Court of the Russian Federation

Svetlana V. Volodina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
volodina_sv@inbox.ru

Abstract. The paper analyzes the features of interpretation and application of the principle of trust by the Constitutional Court of the Russian Federation. The legal category of trust is employed by the Constitutional Court in assessing relations between public authorities, between citizens and public authorities, between the state and institutions of civil society, and in legal relations among citizens. The author concludes that the Constitutional Court views trust as a legal state between the subjects of legal relations, grounded in the values, principles, and provisions of the Constitution of the Russian Federation. The legal-substantive definition of the principle has been formulated by the Constitutional Court implicitly, based on the values enshrined in the Preamble, as well as the principles and provisions of Chapters 1 and 2 of the Constitution of the Russian Federation. In the Court's legal standings, the principle of trust is defined as a constitutional value forming part of the foundations of the constitutional order and applied as a criterion for evaluating legislation. The juridical-substantive basis of the principle of trust consists of legal certainty, which entails requirements of formal definiteness, precision, clarity, and unambiguity of the content of norms, as well as coherence of provisions within the system of current legal regulation. The Court has also articulated a number of other requirements for legislation that constitute the legal content of the principle. The principle of trust is applied by the Constitutional Court to constitutional and other sectoral legal relations and serves as a criterion for assessing existing legislation, judicial practice, and law-enforcement practice.

Keywords: Principle of trust; Constitutional Court; constitutional doctrine; values; interpretation; legal positions; legal certainty; requirement; legislator; law enforcer.

Cite as: Volodina SV. Interpretation of the Principle of Trust by the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):19-28. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.019-028.

Конституционному Суду РФ принадлежит особая миссия в разработке понимания доверия в российской правовой системе и принципа доверия как одного из основополагающих конституционных принципов. Активное применение данной категории, как и принципа доверия, в нормоконтрольной практике Суда свидетельствует о ее важности для российского права и правоприменительной практики. Следует подчеркнуть, что интерпретация правового содержания категории доверия и конституционного принципа доверия осуществлялась Конституционным Судом РФ задолго до вступления в силу Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования

публичной власти»¹, закрепившего принцип взаимного доверия государства и общества (ст. 75.1).

Особое значение для уяснения интерпретации Конституционным Судом РФ принципа доверия имеет доктрина правопонимания, основанная на соединении юридического позитивизма и юснатурализма. По мнению В. Д. Зорькина, текст Конституции РФ предопределяет выбор Суда в пользу человекоцентристской доктрины правопонимания². «Естественно-правовые принципы, — отмечает Б. С. Эбзеев, — нашедшие отражение в структуре демократического Основного закона, не только конститутивны, поскольку составляют фундамент демократической Конституции и определяют его основное

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

² Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. М. : Норма, 2017. С. 40.

содержание, но имеют регулирующее значение»³.

«Опираясь на конституционно-правовую доктрину *правового закона*, — пишет Н. С. Бондарь, — Конституционный Суд РФ стремится к сбалансированному сочетанию естественно-правовых и позитивистских начал в национальной конституционно-правовой системе... Конституционный Суд РФ признает существование так называемых *неформальных источников права* и, в частности, активно оперирует при осуществлении конституционного контроля общими принципами права и правовыми принципами, а также *конституционными ценностями*, вытекающими в том числе из *духа Конституции*»⁴.

При разрешении конкретных дел о конституционности положений нормативных правовых актов Конституционный Суд РФ раскрывает содержание конституционных принципов и норм, оценивает проверяемое положение нормативного акта в системной связи с конституционными положениями. «Конституционный Суд РФ толкует конституционные нормы при рассмотрении любого дела, — утверждает Г. А. Гаджиев, — в том числе и по запросам органов государственной власти, и по жалобам частных лиц на нарушение конституционных прав»⁵.

Интерпретация проверяемого положения (нормы) Судом осуществляется посредством выявления его содержания, а также различных смысловых аспектов, придаваемых судебной и правоприменительной практикой. Конституционный Суд РФ принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, которым он наделяется официальным и иным толкованием, в

том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов (ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»)»⁶.

Отсюда следует важная составляющая конституционной доктрины, формируемой Конституционным Судом РФ, которая заключена в исследовании формально-догматического содержания проверяемого положения (нормы), выявлении конституционного смысла, устранении неясности и установлении должного понимания нормы для всех субъектов права. «Без правовой догматики, — отмечает К. В. Арановский, — не построить связанных правовых представлений, например деление права по отраслям. Без формальностей почти недостижимо согласие в правовых понятиях, ожиданиях и намерениях (кроме самых простых) и невозможна нормотворческая, правоприменительная деятельность, вообще профессиональная юриспруденция»⁷.

Общий методологический подход в нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда РФ заключается в оценке проверяемых положений (норм) и выявлении их конституционного смысла во взаимосвязи с ценностями, принципами и положениями действующей Конституции России. В конституционной доктрине Суда данный подход именуется ценностно-методологическим. «Ценностный подход объективно необходим при выявлении духа Конституции, — подчеркивает Н. С. Бондарь, — что получает подтверждение в практике Конституционного Суда РФ, который активно задействует аксиологический потенциал Конституции как

³ Эбзеев Б. С. Философия российского конституционализма : очерки. М. : Проспект, 2023. С. 108.

⁴ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, Инфра-М, 2011. С. 172–173.

⁵ Гаджиев Г. А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000–2002 годов) // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 13.

⁶ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 09.11.2020) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁷ Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 23.

для самой по себе оценки проверяемых норм на конституционность, так и для формирования своих правовых позиций»⁸.

Существенно для понимания ценностного подхода Суда в рамках проверяемых на соответствие Конституции РФ положений законодательства следующее мнение: «Ценностно-методологический подход, предполагающий оценку оспариваемых положений, действий как способных или не способных существенным образом положительно или негативно влиять на макроправовые, макросоциальные процессы (тенденции), используется Конституционным Судом РФ при соотнесении проверяемых положений не только с феноменом общественного доверия, но и с другими явлениями подобного масштаба. В их числе те общерезультирующие критерии социального взаимодействия, которые в их эталонном значении отражены в конституционных принципах справедливости, равенства, соразмерности, конституционно значимых целях защиты прав и свобод, обеспечения правопорядка, иных конституционных конструкциях»⁹.

Важно подчеркнуть: ценностный или аксиологический метод, наряду с телеологическим и формально-правовым, лежит в основе конституционной доктрины, формируемой и развиваемой Конституционным Судом РФ.

В интерпретации Конституционного Суда РФ «доверие» выступает в качестве правовой категории. Смысловые и юридико-содержательные аспекты доверия как неотъемлемой составляющей конституционной доктрины раскрываются Судом в ходе осуществления нормоконтроля в

рамках конкретных дел. Наиболее общий подход Суда в понимании доверия заключается в признании его правовым состоянием между субъектами правоотношений на основе ценностей, принципов Конституции РФ.

В постановлениях Конституционного Суда РФ указано на необходимость обеспечения «взаимного доверия властей» (постановление от 18.01.1996 № 2-П)¹⁰, «доверия к органам правосудия» (постановление от 28.11.1996 № 19-П)¹¹, «доверия граждан к государственной власти» (постановление от 17.07.1998 № 23-П)¹², «доверия к закону и действиям государства» (постановление от 24.05.2001 № 8-П)¹³, «доверия к публичной власти» (постановление от 22.04.2013 № 8-П)¹⁴, «взаимного доверия и уважения граждан и государства» (постановление от 26.06.2010 № 14-П)¹⁵, «взаимного доверия общества и государства» (постановление от 17.05.2024 № 23-П)¹⁶, «взаимного доверия между субъектами экономической деятельности» (постановление от 20.06.2024 № 31-П)¹⁷. Таким образом, правовая категория доверия применяется Судом при оценке отношений между органами публичной власти, гражданами и публичной властью, государством и институтами гражданского общества, правовых отношений между гражданами.

Доверие как общая модель отношений субъектов в правовом, демократическом, социальном, федеративном государстве с республиканской формой правления сопоставляется Судом с законодательством, судебной и иной правоприменительной практикой в рамках нормоконтрольной деятельности. «Конституционный

⁸ Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М. : Юрист, 2013. С. 27.

⁹ Кокотов А. Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 101.

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409.

¹¹ СЗ РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

¹² СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3801.

¹³ СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276.

¹⁴ СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292.

¹⁵ СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3552.

¹⁶ СЗ РФ. 2024. № 22. Ст. 3037.

¹⁷ СЗ РФ. 2024. № 27. Ст. 3914.

Суд, — подчеркивает В. Д. Зорькин, — будучи одним из наиболее значимых инструментов сопряжения юридической формы и реального содержания российской действительности, снимая противоречия между конституционным текстом и социально-правовой практикой посредством адекватных правовых форм, прилагает существенные усилия в целях поддержания в обществе необходимого уровня доверия к публичной власти»¹⁸. Конституционный Суд РФ рассматривает доверие как сущностную основу отношений для обеспечения конституционного правопорядка.

По авторитетному мнению В. Д. Зорькина, принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства был впервые сформулирован Конституционным Судом РФ в постановлении от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона “О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей” в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой»¹⁹. Раскрывая содержание принципа, Конституционный Суд РФ указал, что изменение законодателем ранее установленных условий предоставления жилищных субсидий, оказывающее неблагоприятное воздействие на правовое положение лиц, нуждающихся в этих субсидиях и рассчитывающих на их получение, должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности, в частности посредством установления временного регулирования, в тече-

ние некоего разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям, в том числе при решении вопроса о выборе места жительства и работы²⁰.

Положение о сохранении разумной стабильности правового регулирования означает, что деятельность законодателя должна быть предсказуемой, чтобы граждане были уверены в законодательно признанном статусе, закрепленных правах и гарантиях их реализации, установленных действующим законодательством, и могли предвидеть последствия, совершая правомерные действия. Требование к законодателю о недопустимости произвольных изменений в действующую систему норм означает запрет на такие изменения, которые объективно необоснованны, заключаются в одностороннем отказе государства от обязательств в рамках длящихся правоотношений и приводят к нарушениям основополагающих конституционных принципов равенства и справедливости, ухудшению правового положения граждан²¹.

Признавая право федерального законодателя на изменение ранее действовавших правил, Конституционный Суд РФ указал на обязанность законодателя по установлению временного регулирования, некоего разумного переходного периода, для того чтобы граждане могли адаптироваться к вносимым изменениям и предвидеть свои обусловленные новыми правилами правовые возможности. Это означает, что принятый закон, заменяющий ранее действовавший, изменяющий статус гражданина, его права, должен содержать положения, устанавливающие определенный период, в течение которого осуществляется переход от прежнего правового состояния гражданина к новому²².

Из правовой позиции Конституционного Суда РФ в части обоснования принципа поддержания доверия к закону и действиям госу-

¹⁸ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 135.

¹⁹ Зорькин В. Д. Указ. соч. С. 81–82.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П.

²² Так, в постановлении от 15.02.2016 № 3-П Конституционный Суд РФ, основываясь на принципе поддержания доверия к закону и действиям государства, во взаимосвязи с принципом правовой определенности, а также учитывая специфику регулируемых отношений (изменение правил исчисления сроков исковой

дарства следует, что аксиологическая характеристика принципа раскрывается во взаимосвязи с конституционными ценностями и принципами (ч. 1 ст. 1, ст. 2, ч. 2 ст. 6, ст. 18, ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ). Необходимо отметить, что в том же пункте 4 постановления от 24.05.2001 № 8-П Суд указывает на нарушение конституционного принципа равенства (ст. 19), но не включает его в систему аксиологического обоснования. Кроме того, Суд почему-то не отметил взаимосвязь принципа доверия с принципом социального государства (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ). Между тем признанные в постановлении нарушения прав относятся к сфере социальной политики, и именно на него ссылались в жалобах граждане.

В целом имплицитно сформулированный Судом принцип поддержания доверия к закону и действиям государства получил аксиологическое обоснование во взаимосвязи с основополагающими принципами конституционного строя, определяющими деятельность государства и ценность прав человека, прежде всего с принципами равенства и справедливости²³. Следовательно, в трактовке Суда принцип поддержания доверия к закону и действиям государства является частью системы принципов основ конституционного строя России.

Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства активно применяется Конституционным Судом РФ в ряде последующих постановлений и определений. Стоит отметить, что в решениях Суда данный принцип получает дополнительные юридико-содержательные характеристики и конституционное обоснование.

В постановлении от 29.01.2004 № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона “О трудовых пенсиях в Российской Федерации”

в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан» Конституционный Суд РФ указывает на недопустимость придания обратной силы закону, который ухудшает положение граждан и означает, по существу, отмену для этих лиц права, приобретенного в соответствии с ранее действовавшим законодательством и реализуемого ими в конкретных правоотношениях²⁴.

Суд там же уточняет, что действия законодателя как отвечающие положениям Конституции РФ о правах и свободах, на основе данного принципа, должны соответствовать законным ожиданиям граждан относительно того, что приобретенное на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано. Следовательно, придание обратной силы закону, ухудшающему правовое положение граждан, рассматривается Судом как нарушение принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Конституционный Суд РФ в том же постановлении подтверждает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации основано на принципах правовой справедливости и равенства, которые предполагают правовую определенность и связанную с ней предсказуемость законодательной политики. Несмотря на отсутствие системного обоснования, Судом фактически указано на взаимосвязь этих принципов с принципом поддержания доверия. Так, например, в более позднем постановлении от 23.04.2004 № 9-П применение данного принципа обосновывается Конституционным Судом РФ исходя из принципов справедливости и равенства наряду с прин-

давности по особым обстоятельствам), признал переходный период продолжительностью менее четырех месяцев недостаточным, а соответствующее регулирование — неконституционным (СЗ РФ. 2016. № 8. Ст. 1167).

²³ На взаимосвязь принципа доверия с принципами равенства и справедливости Конституционным Судом РФ указано во многих последующих постановлениях и определениях. См., например: постановления от 08.04.2014 № 10-П; от 19.01.2016 № 2-П; от 19.04.2018 № 16-П; от 12.02.2025 № 7-П; определения от 11.05.2006 № 118-О; от 19.06.2007 № 476-О.

²⁴ СЗ РФ. 2004. № 6. Ст. 450.

ципом правового государства и положением о социальном государстве²⁵.

В постановлении от 23.04.2013 № 8-П Суд, ссылаясь на преамбулу Конституции, подчеркивает, что составляющий основу взаимоотношений личности и публичной власти конституционный принцип взаимного доверия требует обеспечения государством уверенности граждан в том, что выборы как одна из высших форм непосредственного выражения народом своей власти достигают цели²⁶.

Для понимания юридического содержания принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства существенное значение имеет следующая правовая позиция: «Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал и неоднократно подтвердил правовую позицию, согласно которой изменение законодателем (в том числе посредством временного регулирования) ранее установленных правил должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики в социальной сфере»²⁷. Из данной правовой позиции следует, что правовая определенность и предсказуемость законодательной политики рассматриваются Судом в качестве неотъемлемой части содержания принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Конституционный Суд РФ изложил критерии, которым должно отвечать положение закона,

указав на определенность, ясность, недвусмысленность содержания нормы. Полагаем, данное требование распространяется не только на федеральные законы, но также на акты иных нормотворческих органов. Соответственно, указанным критериям должны отвечать все нормативные правовые акты, в какой бы форме они ни принимались²⁸. Отметим, что правовая определенность получает обоснование с позиции принципов равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ) и верховенства закона (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ).

Важно подчеркнуть, что правовая определенность, в интерпретации Суда, является частью содержания принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Она выступает общим критерием оценки закона. Наиболее значима правовая определенность положений, устанавливающих правовой статус субъекта правоотношений, права и обязанности человека, а также конструкций составов правонарушений. Несоблюдение законодателем (нормотворческим органом) требований правовой определенности может приводить к неблагоприятным для лица последствиям, выражающимся в нарушении прав, произвольном изменении его статуса, чрезмерным ограничениям прав в правоприменительной практике. Соответственно, это подрывает доверие к законодательству и решениям органов публичной власти.

Отметим также указание Конституционного Суда РФ на необходимость соблюдения законодателем требований правовой определенности, которая выражается наряду с формальной определенностью, точностью, ясностью, недвусмысленностью норм в согласованности положений

²⁵ СЗ РФ. 2004. № 19 (ч. II). Ст. 1923.

²⁶ СЗ РФ. 2013. № 18. Ст. 2292.

²⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края “О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края” в связи с жалобой гражданки М. С. Колесниковой» // СЗ РФ. 2018. № 15 (ч. V). Ст. 2237.

²⁸ В ряде постановлений Конституционный Суд РФ указывает, что правовое регулирование должно отвечать требованиям ясности и непротиворечивости. Понятие «правовое регулирование» в рамках дел относится к законам и иным нормативным правовым актам. См., например: постановления от 27.06.2013 № 15-П; от 23.12.2013 № 29-П; от 22.04.2014 № 12-П; от 04.06.2015 № 13-П.

в системе действующего правового регулирования²⁹.

Конституционный Суд РФ уточняет, что требование определенности правового регулирования предполагает понятность механизма его действия субъектам соответствующих правоотношений из конкретного положения или взаимосвязанных положений. Суд допускает, что необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута с помощью даваемых Верховным Судом РФ разъяснений по вопросам судебной практики, целью которых является устранение неопределенности нормы. При этом должен соблюдаться принцип поддержания доверия граждан к закону³⁰.

Конституционный Суд РФ указывает на необходимость соблюдения этих требований не только законодателем и иными нормотворческими органами, но также Верховным Судом РФ, дающим разъяснения по вопросам судебной практики. Следовательно, требования правовой определенности распространяются на судебную практику в аспекте обеспечения ее единства.

Предсказуемость законодательной политики как содержательная часть принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства заключается в том, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты, т.е. в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства

право будет уважаться властями и будет реализовано³¹.

Принцип доверия к закону, по мнению Конституционного Суда РФ, включает требование к законодателю о недопустимости придания обратной силы закону, ухудшающему правовое положение гражданина, отмены ранее приобретенных прав. Реализуя исключительное право на придание закону обратной силы, законодатель обязан учитывать специфику регулируемых правом общественных отношений. Придание закону обратной силы может осуществляться преимущественно в интересах личности в отношениях, возникающих между ней и государством в публичной сфере (уголовное, налоговое, пенсионное регулирование) (постановления Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П, от 26.12.2002 № 17-П, от 29.01.2004 № 2-П, от 28.01.2020 № 5-П; определения Конституционного Суда РФ от 25.01.2007 № 37-О-О, от 15.04.2008 № 262-О-О и др.).

Таким образом, принцип доверия применяется Конституционным Судом РФ к конституционным и иным отраслевым правоотношениям, выступает критерием оценки действующего законодательства.

Особо следует обратить внимание на формулирование принципа доверия Конституционным Судом РФ. В правовых позициях Конституционного Суда РФ изначально принцип доверия формулируется как «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства». После поправок 2020 г. наряду с этой формулировкой в решениях Суда исполь-

²⁹ П. 4.2 постановления Конституционного Суда РФ от 19.01.2016 № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28.06.2014 № 188-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования” в связи с запросами Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области» // СЗ РФ. 2016. № 5. Ст. 762.

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука» // СЗ РФ. 2014. № 1. С. 79.

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 26 Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ “О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представи-

зается выражение «принцип взаимного доверия государства и общества». Отметим, что данный принцип применяется к тем же сферам правоотношений (социальной, жилищной, административной, уголовной и др.), что и ранее обозначенный принцип (например, постановления Конституционного Суда РФ от 01.03.2022 № 9-П, от 30.03.2023 № 12-П, от 23.04.2024 № 20-П, от 26.09.2024 № 41-П, от 29.04.2025 № 18-П).

Анализ интерпретации и применения принципа доверия Конституционным Судом РФ позволяет сделать следующее заключение.

Конституционный Суд РФ рассматривает доверие как правовое состояние между субъектами правоотношений на основе ценностей и принципов Конституции РФ. Во многих решениях он указывает на необходимость обеспечения не только доверия граждан к государственной власти, но и взаимного доверия властей, доверия между обществом и государством, между субъектами экономической деятельности. Отсюда следует, что данная правовая категория применяется Конституционным Судом РФ при оценке отношений между органами публичной власти, гражданами и публичной властью, государством и институтами гражданского общества, правовых отношений между гражданами. Состояние правового доверия охватывает как публично-правовые, так и частноправовые отношения.

Разрабатывая доктрину и догму современного российского права, Конституционный Суд РФ сформулировал принцип доверия. Юридико-содержательное определение принципа давалось Судом имплицитно, на основании ценностей, закрепленных в преамбуле, принципов и положений гл. 1 и 2 Конституции РФ. Ценностное и функциональное значение принципа доверия получает обоснование через его взаимосвязь с другими конституционными принципами системы основ конституционного строя России, прежде всего с принципами равенства и справедливости. В правовых позициях Конституционного Суда РФ принцип доверия определен

конституционной ценностью основ конституционного строя и применяется в качестве критерия оценки законодательства.

Изначально в постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ принцип доверия формулируется как «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства». С принятием поправок 2020 г. к Конституции РФ наряду с этой формулировкой в решениях Суда используется выражение «принцип взаимного доверия государства и общества» и применяется к тем же сферам отношений, что и ранее обозначенный принцип.

Юридико-содержательную основу принципа доверия составляет правовая определенность, которая заключается в требованиях формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности содержания норм, в согласованности положений в системе действующего правового регулирования. Важно подчеркнуть, что правовая определенность как юридико-содержательная часть принципа поддержания доверия распространяется Конституционным Судом РФ не только на действия законодателя и иных нормотворческих органов, но и на деятельность Верховного Суда РФ, иную судебную и правоприменительную практику.

Содержательной частью принципа являются другие существенные требования к действиям законодателя: сохранение разумной стабильности правового регулирования; недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм; недопустимость придания обратной силы закону, ухудшающему правовое положение гражданина, отмены ранее приобретенных прав. Придание закону обратной силы может осуществляться преимущественно в интересах личности в отношениях, возникающих между ней и государством в публичной сфере (уголовное, налоговое, пенсионное регулирование). Полагаем, вышеуказанные требования распространяются не только на федерального законодателя, но также на законодателя субъекта РФ и иные нормотворческие государственные

тельных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. М. Моренко» // СЗ РФ. 2013. № 21. Ст. 2692.

органы. Таким образом, применяемый Конституционным Судом РФ принцип доверия устанавливает ограничения дискреционных полномочий законодателя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 658 с.
2. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. — М. : Юрист, 2013. — 176 с.
3. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. — М. : Норма, Инфра-М, 2011. — 544 с.
4. Гаджиев Г. А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда РФ 2000–2002 годов) // Журнал российского права. — 2003. — № 1. — С. 9–17.
5. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. — М. : Норма, 2017. — 592 с.
6. Кокотов А. Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 5. — С. 97–108.
7. Эбзеев Б. С. Философия российского конституционализма : очерки. — М. : Проспект, 2023. — 496 с.

Материал поступил в редакцию 8 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aranovskiy K. V. Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede. — SPb.: Yuridicheskiy tseentr-Press, 2003. — 658 s.
2. Bondar N. S. Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiviya. — M.: Yurist, 2013. — 176 s.
3. Bondar N. S. Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiviya. — M.: Norma, Infra-M, 2011. — 544 s.
4. Gadzhiev G. A. Konstitutsionnyy printsip samostoyatel'nosti sudebnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii (na osnove resheniy Konstitutsionnogo Suda RF 2000–2002 godov) // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2003. — № 1. — S. 9–17.
5. Zorkin V. D. Konstitutsionnyy Sud Rossii: doktrina i praktika: monografiya. — M.: Norma, 2017. — 592 s.
6. Kokotov A. N. Konstitutsionnyy printsip doveriya v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. — 2014. — № 5. — S. 97–108.
7. Ebzeev B. S. Filosofiya rossiyskogo konstitutsionalizma: ocherki. — M.: Prospekt, 2023. — 496 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.029-039

М. С. Косырева*

Трансформация публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена особенностям и основным характеристикам трансформации публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. На основе рассмотрения базовых моделей регулирования отношений в киберпространстве обоснована тенденция к суверенизации. Сделан вывод о влиянии суверенизации на трансформацию публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации. Раскрыты основные подходы к определению содержания государственного суверенитета в информационном пространстве. Проанализирована трансформация конституционно-правовых основ информационного суверенитета в связи с внесением поправок в Конституцию РФ. Обозначены основные направления преобразования публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве в документах стратегического планирования. Отмечены расширение и детализация положений данных документов на основе правового регулирования базовых групп общественных отношений, составляющих предмет информационного права, а именно отношений, связанных с использованием информации (информационных ресурсов), информационных технологий и систем.

Ключевые слова: информационный суверенитет; публично-правовое обеспечение; информационное пространство; киберпространство; суверенизация; информационно-коммуникационные технологии; юрисдикция; информационная безопасность; суверенитет; цифровизация.

Для цитирования: Косырева М. С. Трансформация публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 29–39. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.029-039.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00764.

© Косырева М. С., 2025

* Косырева Мария Сергеевна, ассистент кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
mariya.s.krylova@gmail.com

Transformation of the Public-Law Framework for Ensuring the Information Sovereignty of the Russian Federation

Mariya S. Kosyreva, Lecturer, Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mariya.s.krylova@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the analysis of specific features and key characteristics of the transformation of public-law support for the state sovereignty of the Russian Federation in the information space. Based on an examination of fundamental models for regulating relations in cyberspace, the author substantiates the development of a trend toward sovereignization. A conclusion is drawn regarding the influence of the sovereignization trend on the transformation of public-law support for the information sovereignty of the Russian Federation. The paper describes the main approaches to defining the content of state sovereignty in the information space. The transformation of the constitutional and legal foundations of information sovereignty in connection with amendments to the Constitution of the Russian Federation is analyzed. The author identifies the principal directions of transformation of public-law support for state sovereignty of the Russian Federation in the information space as reflected in strategic planning documents. Attention is given to the expansion and specification of provisions in strategic planning documents based on the legal regulation of core groups of social relations that form the subject matter of information law, namely relations connected with the use of information (information resources), information technologies, and information systems.

Keywords: Information sovereignty; public-law support; information space; cyberspace; sovereignization; information and communication technologies; jurisdiction; information security; sovereignty; digitalization.

Cite as: Kosyreva MS. Transformation of the Public-Law Framework for Ensuring the Information Sovereignty of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):29-39. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.029-039.

Acknowledgements. The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation; project No. 24-18-00764.

Введение

В современных реалиях развития информационно-коммуникационных технологий суверенитет в информационном пространстве становится одной из основных составляющих внутреннего государственного суверенитета. Это обусловлено несколькими факторами. Так, с развитием технологий расширяются возможности их функционального применения, а также растет количество пользователей таких технологий; кроме того, трансграничный характер киберпространства усложняет осуществление государством правового регулирования соответствующих общественных отношений. Данные факторы провоцируют риски для государственного суверенитета в информационном пространстве, т.к. позволяют оказывать неблагоприятное воз-

действие как на широкие слои населения, так и на государство в целом. Это приводит к тому, что в настоящее время наблюдаемая во всем мире тенденция к суверенизации правового регулирования киберпространства проявляется в трансформации государствами публично-правового обеспечения информационного суверенитета.

В отношении Российской Федерации данные закономерности осложняются текущей геополитической ситуацией, в рамках которой киберпространство может использоваться недружественными государствами для нанесения ущерба государственному суверенитету России, в том числе путем проведения психологических и когнитивных операций. В подобных условиях развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от

деструктивного информационно-психологического воздействия признаются ключевым национальным интересом России в информационной сфере¹.

Суверенизация правового регулирования киберпространства

Специфичность киберпространства, являющегося значимой частью информационного пространства, оказывает существенное влияние на публично-правовое обеспечение внутреннего государственного суверенитета. Так, трансформация обеспечения органами публичной власти информационного суверенитета России напрямую связана с тенденцией к смещению правового регулирования отношений в киберпространстве к внутригосударственному регулированию.

В целом по мере развития цифровых технологий и их внедрения в различные области государственной и общественной жизни происходит закономерное изменение концептуальных подходов к правовому регулированию киберпространства. Среди них наиболее популярны в научной литературе три регуляторные модели: саморегулирования (самоуправления), государственного регулирования, международно-правового регулирования².

В соответствии с основанной на принципе невмешательства моделью саморегулирования и

самоуправления в киберпространстве (одним из радикальных обоснований этой теории можно считать утопическую нигилистическую концепцию относительной автономии киберпространства Дж. Барлоу³) сеть Интернет выступает как «отдельная форма бытия суверенных цифровых виртуальных личностей, вне юрисдикции государств и правительств»⁴. Ввиду этого данная модель предполагает невозможность установления в киберпространстве государственного суверенитета.

В то же время модель государственного регулирования предполагает, что функцию регулирования киберпространства берет на себя государство, обеспечивая безопасность, стабильность и развитие цифровой среды⁵. Закономерно, что данная модель наиболее взаимосвязана с публично-правовым обеспечением государственного суверенитета, т.к. она реализуется в границах определенного государства.

Международно-правовой подход, в свою очередь, основываясь на глобальной природе компьютерной сети Интернет, постулирует необходимость ее регулирования посредством международного права⁶. Эту точку зрения поддерживают и ученые, рассматривающие глобальное информационное пространство как сферу реализации права на информацию и других международно-признанных прав и свобод человека, обосновывая тем самым режим

¹ См.: пп. 4 п. 25 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² См. подробнее: *Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation* // *Virginia Journal of International Law*. 2002–2003. Vol. 43. P. 605–673.

³ *Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace*. 1996 // URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴ *Еникеев Б. Н. Размышляя о цифровизации (между анамнезом и эпикризом)* // Информационное общество: пределы и риски — прошлое, настоящее, будущее : материалы V Международной научной конференции «Гуманитарные Губкинские чтения» (Москва, 3 апреля 2020 г.) / отв. ред. О. М. Смирнова ; ред.: М. Б. Балычева, Н. П. Рябчун. М. : Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2020. Ч. 1. С. 19.

⁵ См. в контексте адаптации государства к технологическим изменениям реальности: *Талапина Э. В. Права человека и цифровой суверенитет* // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. № 6. С. 10–15.

⁶ *Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation* // *Virginia Journal of International Law*. 2002–2003. Vol. 43. P. 605–673.

такого пространства в качестве объекта международно-правового регулирования⁷.

На практике данные регуляторные модели не существуют изолированно друг от друга и, как правило, применяются не обособленно, а одновременно, в определенном сочетании. На фоне развития информационно-коммуникационных технологий и цифровой трансформации общества происходит всё большее ограничение практической применимости классической интерпретации модели саморегулирования киберпространства, популярной на заре распространения интернет-технологий. В то же время получившие распространение в конце XX — начале XXI в. глобализационные подходы, которые закономерно были связаны с усилением международно-правового регулирования, в настоящее время сменяются возвратом к национально-правовому (внутригосударственному) регулированию⁸. Таким образом, одним из проявлений отмечаемой учеными тенденции к суверенизации (постсуверенизации)⁹, пришедшей на смену противоположному, характерному для глобализации процессу — десуверенизации, является смещение регулирования киберпространства к традиционной внутригосударственной модели.

Содержание государственного суверенитета в информационном пространстве

Можно в полной мере поддержать А. А. Ефремова, который, анализируя содержание инфор-

мационного суверенитета в источниках российской юридической доктрины, выделяет два подхода к его пониманию: юрисдикционный, основанный на определении юрисдикции государственных органов в отношении субъектов и объектов информационных отношений, а также технократический подход, который базируется на определении угроз государственному суверенитету Российской Федерации через угрозы информационной безопасности¹⁰.

Категория юрисдикции государства в информационном пространстве тесно связана с территориальным аспектом государственного суверенитета ввиду виртуальной природы киберпространства. Как отмечает Л. В. Терентьева, «одним из серьезных информационных вызовов стало противоречие между трансграничным характером киберпространства, с одной стороны, а с другой — обладающими территориальными параметрами категориями суверенитета и юрисдикции государства, которые реализуются в пределах государственных границ»¹¹. Это предполагает возможность расширения понятия территории государства путем условного включения в него новых пространственных единиц, в том числе киберпространства. Следовательно, для киберпространства всецело справедлив тезис об осуществлении государством в пределах своей территории и в сфере действия своего суверенитета полной юрисдикции, исключая деятельность публичной власти другого государства¹².

⁷ Савельев Д. А. Права человека в области информации: международно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 7–8.

⁸ Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 202.

⁹ См., например: Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 13 ; Шлычков В. В., Батайкин П. А., Нестулаева Д. Р. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности России в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 8. С. 972–986.

¹⁰ Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 81.

¹¹ Терентьева Л. В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // Lex russica. 2019. № 4 (149). С. 140.

¹² Терентьева Л. В. Указ. соч. С. 147.

Основой технократического подхода к пониманию содержания информационного суверенитета Российской Федерации является категория информационной безопасности, под которой подразумевается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»¹³.

В этом направлении также прослеживается важность территориального аспекта, ведь неблагоприятное информационное воздействие может осуществляться трансгранично, зачастую скрытно, не требуя тщательной подготовки. Данные характеристики оказывают влияние на традиционное понимание государственных границ. Кроме этого, возможность эффективного противодействия подобной форме агрессии также имеет ограничение, обусловленное тем, что жертвы атаки могут не осознавать, что находятся под информационным ударом¹⁴. Специфичность подобных угроз требует разработки комплексных мер юридической регуляции, что придает информационной безопасности критическое значение для обеспечения суверенитета государства в информационном пространстве.

Трансформация конституционно-правовых основ государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве

В соответствии со ст. 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции РФ¹⁵ государственный суверенитет распространяется на всю территорию России и заключается в самостоятельности, независимости и верховенстве государственной власти, полноте законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимости в международном общении, а также представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус¹⁶.

Благодаря конституционным поправкам 2020 г. были расширены конституционно-правовые основы обеспечения внутреннего государственного суверенитета. Например, появилось новое положение об обеспечении Российской Федерацией защиты своего суверенитета¹⁷, дополняющее часть 2 ст. 80 Конституции РФ, согласно которой к полномочиям Президента РФ относится принятие мер по охране суверенитета. Кроме того, к элементам конституционно-правового механизма обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации можно причислить введение запрета на вмешательство во внутренние дела государства («Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного

¹³ Пп. «в» п. 2 Указа Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

¹⁴ См.: Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Инфотропик Медиа, 2024.

¹⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

¹⁶ См.: п. 2.1 постановления Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

¹⁷ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства»¹⁸).

Несмотря на то что Конституция РФ не содержит прямых упоминаний информационного пространства, многие нововведения, посвященные суверенитету, имеют непосредственную смысловую связь с данной областью. В частности, получила развитие норма о защите территориальной целостности России, в рамках которой теперь на конституционном уровне установлен запрет на призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности России («Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия... направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются»¹⁹). Также можно отметить положения о защите исторической правды («Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»²⁰), о сохранении исторических традиций и единства («Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохра-

няя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»²¹), о развитии и воспитании детей («Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим»²²). В реализации всех указанных направлений значим информационный фактор.

Усиление тенденции к суверенизации, наблюдаемое в России в условиях новых вызовов и угроз, выражается также в развитии нормы о преваливании Конституции РФ над истолкованными в противоречии с ней решениями межгосударственных органов²³. И. Н. Барциц трактует данное уточнение ст. 79 Конституции РФ как меру самозащиты российской правовой системы, принятую в условиях ряда решений международных судебных инстанций, продиктованных антироссийскими политическими интересами²⁴, в том числе в случаях искаженного истолкования общепризнанных прав и свобод человека в информационной сфере²⁵. Несмотря на выход Российской Федерации из Совета Европы в 2022 г. и, соответственно,

¹⁸ Ст. 79.1 Конституции РФ.

¹⁹ Ч. 2.1 ст. 67 Конституции РФ.

²⁰ Ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ.

²¹ Ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ.

²² Ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ.

²³ См.: ст. 79 Конституции РФ ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

²⁴ Барциц И. Н. Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) // Государственная служба. 2020. № 1. С. 40.

²⁵ См., например: постановления Европейского суда по правам человека от 29.06.2021 по делу «Ежов и другие против Российской Федерации» (жалоба № 22051/05) ; от 04.07.2023 по делу «Николай Глухин против России» (жалоба № 11519/20).

из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, вышерассмотренная норма упрочила фундамент конституционной идентичности России и обеспечения ее суверенитета.

Трансформация публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве в документах стратегического планирования

Основные направления публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации корреспондируют базовым группам общественных отношений, составляющих предмет информационного права, а именно отношениям, связанным с использованием информации (информационных ресурсов), информационных технологий и информационных систем. При этом проявляется тесная связь публично-правового обеспечения информационного суверенитета с категориями юрисдикции государства и информационной безопасности. Рассматривая в качестве примера указанной закономерности документы стратегического планирования, можно отметить, что, например, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. обозначена необходимость формирования информационного пространства знаний, предполагающего, в частности:

— обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, расширении кругозора, получении качественной информации и новых компетенций;

— создание российских информационно-коммуникационных технологий, для того чтобы Российская Федерация и ее граждане могли получить новые технологические преимущества,

иметь доступ к информации, использовать и обрабатывать ее, приобретать знания, формировать новые рынки и обеспечивать на них свое лидерство;

— развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации, для того чтобы граждане, организации, органы публичной власти России могли иметь свободный доступ к информации на всех этапах ее создания и распространения²⁶.

Кроме того, трансформацию публично-правового обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации в документах стратегического планирования иллюстрирует обновленная Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Если сравнить действующую Стратегию 2021 г. с предыдущей, принятой в 2015 г., то можно заметить кратное увеличение количества положений, затрагивающих обеспечение информационного суверенитета, их расширение и детализацию, выделение в разделе IV, посвященном обеспечению национальной безопасности, обширного блока «Информационная безопасность»²⁷.

В качестве национального интереса Стратегия определяет не просто развитие информационного пространства, но его развитие на началах безопасности, в том числе защиту от деструктивного психологического воздействия на российское общество посредством информационно-коммуникационных технологий. Фундаментальное значение информационной безопасности также подтверждается ее включением в перечень стратегических национальных приоритетов России. В свою очередь, целью обеспечения информационной безопасности согласно Стратегии выступает укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве²⁸.

В обновленной Стратегии также указывается на увеличение вероятности возникновения угроз безопасности российского общества в ин-

²⁶ См.: п. 24, 35, 27 Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

²⁷ См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212 ; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

²⁸ См.: пп. 4 п. 25, п. 26, 56 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

формационном пространстве. Это происходит в условиях поступательного развития информационно-коммуникационных технологий, всё чаще используемых для вмешательства во внутренние дела Российской Федерации с целью подрыва ее государственного суверенитета. В Стратегии предлагается путем реализации государственной политики в информационной сфере противодействовать обозначенным угрозам, обеспечивая информационную безопасность, в том числе в национальном сегменте сети Интернет, что иллюстрирует связь технократического и юрисдикционного подходов к определению содержания информационного суверенитета²⁹.

Документом стратегического планирования, призванным развить положения Стратегии национальной безопасности в информационной сфере, является Доктрина информационной безопасности³⁰. Однако действующая Доктрина была утверждена в 2016 г. и в значительной степени устарела, особенно с учетом динамичности развития сферы информационно-коммуникационных технологий, а также новых угроз информационной безопасности, возникших перед Российской Федерацией в текущей геополитической обстановке.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденная в 2024 г.³¹, также показывает тесную взаимосвязь категорий информационного суверенитета и информационной безопасности. В частности, Стратегия обозначает опасность использования экстремистскими и иными антиобщественными организациями современных информационно-коммуникационных технологий. Для привлечения новых членов в свои ряды, а также для организации и координации преступной деятельности данные организации прибегают к сетевым, мультимедийным технологиям. Кроме того, онлайн-технологии применяются такими

организациями антиобщественной направленности для распространения экстремистской идеологии и финансирования своей преступной деятельности.

Немаловажным направлением дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации выступает использование информационных технологий для деструктивного психологического воздействия на российское население, в частности на молодежь. При этом указанная деятельность нередко осуществляется спецслужбами иностранных государств в рамках психологических и когнитивных операций против населения Российской Федерации. С учетом увеличения масштаба подобных информационных угроз перечень направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму, реализуемых именно в информационном пространстве, был в значительной степени расширен³². Смещение военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу государства отмечается также и в Военной доктрине Российской Федерации³³.

В свою очередь, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к возрастанию значения уровня технологического развития государства как основополагающего фактора обеспечения информационного суверенитета. Так, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации определяет в качестве одного из приоритетов получение научных и научно-технических результатов, создание отечественных наукоемких технологий, обеспечивающих противодействие различного вида угрозам, в том числе деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию, киберугрозам, и иным источникам опасности для общества, экономики и государства, укреп-

²⁹ См.: пп. 4 п. 48, п. 49, 56, пп. 5 п. 57 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

³⁰ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646.

³¹ Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8669.

³² См.: п. 18, 21, 29, 36 Указа Президента РФ от 28.12.2024 № 1124.

³³ См.: п. 11 Военной доктрины Российской Федерации, утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // Российская газета. 2014. № 298.

ление обороноспособности и национальной безопасности страны в условиях роста гибридных угроз³⁴. При этом Концепция технологического развития на период до 2030 г. акцентирует внимание на таких ключевых целях развития технологий, как способность воспроизводства на национальном уровне критических и сквозных технологий, переориентирование экономического роста на инновационную составляющую, обеспечение устойчивости отечественных производственных систем. Для претворения в жизнь указанных целей технологического развития необходима организация в Российской Федерации полного инновационного цикла, который должен осуществляться на основе российских линий разработки технологий. Это требует комплексной и системной реализации приоритетных проектов, направленных на обеспечение технологического суверенитета в основных отраслях экономики³⁵. Данные положения выделяют технологическое развитие России как одну из гарантий ее государственного суверенитета, в том числе в информационном пространстве.

Кроме того, необходимость технологической независимости отечественной информационной инфраструктуры отмечается в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Стратегия постулирует важность отечественных технологических разработок, на основе которых должна быть выстроена конкурентоспособная информационно-телекоммуникационная инфраструктура. Кроме того, указывается на необходимость обеспечения информационной безопасности, обусловленную усилением военно-политического давления на Российскую Федерацию со стороны недружественных государств. Прежде всего это относится к территориям, граничащим с недружествен-

ными государствами, где требуется обеспечить условия социально-экономического развития и качество жизни, способствующие сохранению населения³⁶.

В силу широкого распространения и возрастающего значения информационно-коммуникационных технологий в современном обществе проявления трансформации публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве в документах стратегического планирования не ограничиваются приведенными примерами. Однако они в достаточной мере иллюстрируют тенденцию к суверенизации соответствующих процессов, расширению и детализации направлений юридической регуляции, определяемых субъектами публичного управления для достижения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве.

Заключение

В трансформации публично-правового обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве находит отражение общемировая тенденция к суверенизации правового регулирования киберпространства, на фоне которой снижается применение таких преваляровавших ранее регуляторных моделей, как саморегулирование и международно-правовое регулирование. В России необходимость данного преобразования подкрепляется новыми вызовами и угрозами, стоящими перед страной в современных геополитических условиях.

Основой рассматриваемых трансформационных процессов являются расширение и детализация положений об информационном

³⁴ См.: пп. «ж» п. 15, пп. «д» п. 21 Указа Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

³⁵ См.: ч. 2 разд. IV, разд. VIII распоряжения Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

³⁶ См.: разд. IV, VIII распоряжения Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 2. Ст. 74.

суверенитете в плоскостях юрисдикции государства и информационной безопасности. Немаловажное значение для усиления правового обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве имела конституционная реформа благодаря укреплению конституционно-правового фундамента внутреннего государственного суверенитета. При этом широкий массив документов стратегиче-

ского планирования иллюстрирует ключевые направления развития правовой и институциональной основ обеспечения информационного суверенитета, которые корреспондируют базовым составляющим предмета информационного права: общественным отношениям, складывающимся в области оборота информации (информационных ресурсов), использования информационных технологий и систем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барциц И. Н. Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) // Государственная служба. — 2020. — № 1. — С. 33–42.
2. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. — М. : Инфотропик Медиа, 2024. — 352 с.
3. Еникеев Б. Н. Размышляя о цифровизации (между анамнезом и эпикризом) // Информационное общество: пределы и риски — прошлое, настоящее, будущее : материалы V Международной научной конференции «Гуманитарные Губкинские чтения» (Москва, 3 апреля 2020 г.). Ч. 1 / отв. ред. О. М. Смирнова ; ред.: М. Б. Балычева, Н. П. Рябчун. — М. : Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2020. — 429 с.
4. Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2020. — 418 с.
5. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 1. — С. 201–215.
6. Савельев Д. А. Права человека в области информации: международно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2002. — 21 с.
7. Талапина Э. В. Права человека и цифровой суверенитет // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — № 6. — С. 10–15.
8. Терентьева Л. В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // Lex russica. — 2019. — № 4 (149). — С. 139–150.
9. Шлычков В. В., Батайкин П. А., Нестулаева Д. П. Суверенизация как механизм эффективного обеспечения экономической безопасности России в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей // Экономика и управление. — 2024. — Т. 30. — № 8. — С. 972–986.
10. Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation // Virginia Journal of International Law. — 2002–2003. — Vol. 43. — P. 605–673.

Материал поступил в редакцию 19 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bartsits I. N. Pereosmyslenie sootnosheniya mezhdunarodnogo i natsionalnogo prava na rubezhe epoch (o popravke v statyu 79 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii) // Gosudarstvennaya sluzhba. — 2020. — № 1. — S. 33–42.

2. Gosudarstvo, obshchestvo i lichnost: puti preodoleniya vyzovov i ugroz v informatsionnoy sfere: monografiya / N. S. Volkova, A. A. Efremov, S. M. Zyryanov [i dr.]; otv. red. L. K. Tereshchenko. — M.: Infotropik Media, 2024. — 352 s.
3. Enikeev B. N. Razmyshlyaya o tsifrovizatsii (mezhdru anamnezom i epikrizom) // Informatsionnoe obshchestvo: predely i riski — proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gumanitarnye Gubkinskie chteniya» (Moskva, 3 aprelya 2020 g.). Ch. 1 / otv. red. O. M. Smirnova; red.: M. B. Balycheva, N. P. Ryabchun. — M.: Izdatelskiy tsentr RGU nefti i gaza (NIU) imeni I.M. Gubkina, 2020. — 429 s.
4. Efremov A. A. Informatsionno-pravovoy mekhanizm obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2020. — 418 s.
5. Efremov A. A. Formirovanie kontseptsii informatsionnogo suvereniteta gosudarstva // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. — 2017. — № 1. — S. 201–215.
6. Savelev D. A. Prava cheloveka v oblasti informatsii: mezhdunarodno-pravovye aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2002. — 21 s.
7. Talapina E. V. Prava cheloveka i tsifrovoy suverenitet // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2020. — № 6. — S. 10–15.
8. Terenteva L. V. Territorialnyy aspekt yurisdiktsii i suvereniteta gosudarstva v kiberprostranstve // Lex russica. — 2019. — № 4 (149). — S. 139–150.
9. Shlychkov V. V., Bataykin P. A., Nestulaeva D. R. Suverenizatsiya kak mekhanizm effektivnogo obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh usileniya geopoliticheskoy i geoekonomicheskoy turbulentnostey // Ekonomika i upravlenie. — 2024. — T. 30. — № 8. — S. 972–986.
10. Mayer-Schönberger V. The Shape of Governance: Analyzing the World of Internet Regulation // Virginia Journal of International Law. — 2002–2003. — Vol. 43. — P. 605–673.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.040-046

А. В. Моисеева*

Частные медицинские организации как объекты внутреннего государственного финансового контроля

Аннотация. Контрольно-надзорная деятельность органов Федерального казначейства имеет целью поддержание финансовой дисциплины при расходовании средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. В статье рассмотрено понятие финансового контроля, очерчен круг объектов внутреннего государственного финансового контроля. На примере результатов контрольно-надзорной деятельности органов Федерального казначейства в сфере расходования средств обязательного медицинского страхования и вытекающей из нее судебной практики обозначены проблемные вопросы, возникающие при отнесении получателей бюджетных средств к объектам внутреннего государственного финансового контроля. Рассмотрены доводы органов Федерального казначейства и объектов контроля по вопросу правомерности осуществления контрольных мероприятий в отношении частных медицинских организаций. Отмечена необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов при расходовании средств обязательного медицинского страхования, а также важность контрольных мероприятий Федерального казначейства в аспекте соблюдения социальных прав граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовый контроль; Федеральное казначейство; объект внутреннего государственного финансового контроля; государственный внебюджетный фонд; обязательное медицинское страхование; контрольно-ревизионная деятельность; ревизор; проверочное мероприятие; представление; судебный спор; арбитраж.

Для цитирования: Моисеева А. В. Частные медицинские организации как объекты внутреннего государственного финансового контроля // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 40–46. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.040-046.

Private Medical Organizations as Objects of Internal State Financial Control

Anastasia V. Moiseeva, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
s2022314@edu.msal.ru

Abstract. The control and supervisory activities of the Federal Treasury are aimed at maintaining financial discipline in the expenditure of funds from the budgets of the budgetary system of the Russian Federation. The paper

© Моисеева А. В., 2025

* Моисеева Анастасия Вячеславовна, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
s2022314@edu.msal.ru

examines the concept of financial control and defines the range of objects subject to internal state financial control. Using the example of the results of the Federal Treasury's supervisory work in the area of spending funds from mandatory medical insurance, as well as the related judicial practice, the author identifies problematic issues that arise when classifying recipients of budgetary funds as objects of internal state financial control. The paper also examines the arguments of the Federal Treasury and of the controlled entities regarding the legality of conducting inspections of private medical organizations. The paper emphasizes the necessity of maintaining a balance between private and public interests in the expenditure of mandatory medical insurance funds, along with the importance of the Federal Treasury's control measures in ensuring the protection of the social rights of citizens of the Russian Federation.

Keywords: Financial control; Federal Treasury; object of internal state financial control; state extrabudgetary fund; mandatory medical insurance; control and audit activities; auditor; inspection; official recommendation; judicial dispute; arbitration.

Cite as: Moiseeva AV. Private Medical Organizations as Objects of Internal State Financial Control. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):40-46. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.040-046.

Российская Федерация, в соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, признается социальным государством¹, что предопределяет направленность ее деятельности на обеспечение достойного уровня жизни граждан. Как отмечал О. Е. Кутафин, «главная задача социального государства — достижение такого общественного развития, которое основывается на закрепленных правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Социальное государство призвано помогать слабым, влиять на распределение экономических благ, исходя из принципа справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное существование»². Признание Российской Федерации социальным государством на уровне Основного закона автоматически налагает на нее расходные обязательства, связанные с финансированием социальной сферы, и обуславливает необходимость финансового контроля в указанной области.

Здравоохранение — важнейшая отрасль социальной сферы, ведущую роль в организации и финансировании которой играет Российская Федерация. В свою очередь, обязательное медицинское страхование (ОМС) — краеугольный камень системы здравоохранения, цель которого заключается в финансовом обеспече-

нии медицинских услуг застрахованным лицам на безвозмездной основе. Каждый гражданин Российской Федерации в случае необходимости должен обладать возможностью получить бесплатную и квалифицированную медицинскую помощь на всей территории страны. При этом такую помощь он может получить как в государственных (муниципальных) медицинских организациях, так и в частных. На сегодняшний день в Российской Федерации сформировалась сложная, многоуровневая система публичного финансирования деятельности частных медицинских организаций по оказанию услуг в рамках ОМС.

Следует начать с того, что институциональную основу финансового обеспечения услуг по предоставлению бесплатной медицинской помощи составляет система публичных фондов ОМС — федерального и территориальных. Указанные государственные внебюджетные фонды входят в состав бюджетной системы Российской Федерации, а их обособление от других ее звеньев обусловлено социальными функциями, связанными с финансированием программ оказания медицинской помощи по ОМС. В то же время, несмотря на организационную самостоятельность и наличие собственных доходных источников, основным из которых

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237.

² Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. М. : Проспект, 2011. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. С. 345.

выступают средства, получаемые в результате взимания страховых взносов, фонды ОМС тесно связаны с другими бюджетами бюджетной системы, в частности посредством межбюджетных трансфертов. Например, статьей 129 БК РФ предусматривается возможность предоставления из федерального бюджета межбюджетных трансфертов бюджетам государственных внебюджетных, в том числе медицинских, фондов. Соответствующие средства предоставляются в форме субсидий и субвенций.

Территориальные фонды ОМС финансируются как за счет собственных доходных источников, так и за счет межбюджетных трансфертов, поступающих из Федерального фонда обязательного медицинского страхования (который, напомним, и сам финансируется в том числе за счет межбюджетных трансфертов, предоставляемых из федерального бюджета), а также из федерального и территориальных бюджетов.

В свою очередь, территориальные фонды ОМС заключают договоры о финансовом обеспечении ОМС со страховыми медицинскими организациями, осуществляющими в соответствии с законодательством Российской Федерации функцию страховщика. Страховые организации, со своей стороны, вправе заключать договоры на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС с частными медицинскими организациями. Такие соглашения подлежат заключению между частной медицинской организацией и региональной страховой медицинской организацией в случае:

1) включения частной медицинской организации в реестр организаций, которые участвуют в реализации программы обязательного медицинского страхования соответствующего региона;

2) участия региональной страховой медицинской организации в реализации такой программы обязательного медицинского страхования.

Следовательно, как было установлено Верховным Судом РФ, посредством заключения

договора на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС в рамках территориальной программы обязательного медицинского страхования происходит «финансирование медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь по программе ОМС, из федерального и территориального фондов ОМС (которые, в свою очередь, имеют одним из источников финансирования средства федерального бюджета)»³. Таким образом, фактическим источником финансирования деятельности частных медицинских организаций по оказанию услуг в рамках ОМС являются средства различных бюджетов бюджетной системы.

В складывающихся при финансировании частных предпринимателей правоотношениях отчетливо прослеживается взаимосвязь двух секторов системы здравоохранения: государственного и частного, что определяется характером вышеописанного механизма получения ими денежных средств⁴. Таким образом, частные медицинские организации, получая денежные средства от страховых медицинских организаций, фактически становятся участниками не только частноправовых, но и публичных финансовых правоотношений.

Во всех случаях, когда речь идет о расходовании бюджетных средств, возникает объективная необходимость осуществления финансового контроля. Применительно к предмету настоящей статьи следует отметить, что полномочия по контролю за использованием средств обязательного медицинского страхования, в соответствии с ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»⁵, возложены на Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, Счетную палату РФ и федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, которым на основании п. 3 ст. 166.1 БК РФ является Федеральное казначейство. Между

³ Определение Верховного Суда РФ от 02.11.2024 по делу № 307-ЭС24-7875.

⁴ Поддубная М. Н., Петросян А. М. Особенности финансового контроля медицинских учреждений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 67. С. 107.

⁵ СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.

тем на практике в ходе контрольно-надзорной деятельности Казначейства России нередко возникают правовые споры с частными медицинскими организациями относительно вопроса о возможности осуществления в отношении них контрольных мероприятий.

В соответствии со ст. 266.1 БК РФ к объектам государственного финансового контроля, помимо прочих, отнесены юридические и физические лица, индивидуальные предприниматели, получающие средства из соответствующего бюджета на основании договоров (соглашений) о предоставлении средств из соответствующего бюджета, а также исполнители по подобным договорам (соглашениям). Полагаем, что факт получения частными медицинскими организациями денежных средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также их расходование на осуществление публично значимой деятельности, связанной с оказанием медицинских услуг, являются достаточным основанием для того, чтобы признать рассматриваемые организации объектами государственного финансового контроля. Следовательно, можно сделать вывод о том, что деятельность частных медицинских организаций в части, связанной с расходованием денежных средств, полученных на основании договоров, заключаемых в целях финансового обеспечения ОМС, может быть проверена в рамках внутреннего государственного финансового контроля, проводимого органами Федерального казначейства⁶. Однако медицинские организации нередко пытаются оспорить наличие у Казначейства России соответствующих полномочий (арбитражные дела № А67-6227/2022⁷, № А56-131914/2022⁸ и т.д.).

Нельзя не признать определенную рациональность подобной позиции: ни один предприниматель не стремится оказаться под контролем государства, поскольку, по его мнению, вследствие этого он вынужден нести финансовые, временные и иные издержки. В условиях неоднозначности формулировок бюджетного

законодательства, касающихся перечня объектов контроля, медицинские организации стремятся максимизировать свои права, доказать нарушение своих законных интересов в сфере предпринимательской деятельности и таким образом вывести ее из поля зрения Казначейства России, в том числе представив проверочные мероприятия органа внутреннего государственного финансового контроля в качестве попытки государства оказать административное давление на частный сектор здравоохранения.

В рамках судебных разбирательств предприниматели приводят ряд аргументов в обоснование своей позиции. Так, они указывают на отсутствие фактов прямого получения денежных средств из бюджета: расходуемые денежные средства получены не из бюджета, а от региональной страховой медицинской организации, что исключает возможность определения их в качестве объекта государственного финансового контроля и, как следствие, осуществление в отношении них контрольно-надзорной деятельности органов Федерального казначейства. Вместе с тем приведенное мнение основывается на неправильном толковании действующего законодательства и сути складывающихся отношений.

Исходя из специфики механизма получения денежных средств частными медицинскими организациями, а также с учетом целей заключения ими соглашений с региональными страховыми медицинскими организациями, можно сделать вывод о том, что указанные договоры по сути представляют собой не что иное, как соглашения, заключаемые в целях исполнения договоров о предоставлении денежных средств ОМС из бюджета с целью их реализации. Действительно, трудно представить, каким образом было бы возможно фактическое расходование денежных средств ОМС без заключения такого рода соглашений: ни фонды ОМС, ни страховые организации медицинской деятельностью не занимаются, а соответственно, направление

⁶ Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 703 «О Федеральном казначействе» // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4908.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 13.11.2024 по делу № 321-ПЭК24.

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 02.11.2024 по делу № 307-ЭС24-7875.

указанных средств в адрес медицинских организаций, в том числе частного сектора, является в полной мере обоснованным и необходимым способом организации предоставления медицинских услуг по программам ОМС гражданам Российской Федерации.

Таким образом, несмотря на юридическую смену собственника, средства бюджетов бюджетной системы, в том числе федерального бюджета, доведенные до частной медицинской организации, фактически не изменяют своей публично-правовой природы, обусловленной целью их выделения, заключающейся в обеспечении гражданам Российской Федерации доступности медицинских услуг. Правовое регулирование данных отношений призвано упорядочивать их таким образом, чтобы были обеспечены не только частные, но и государственные интересы в целом. Подобное состояние упорядоченности отношений в науке и на практике обычно именуют балансом частных и публичных интересов, в целях которого, по мнению Конституционного Суда РФ, законодатель вправе предъявлять к субъектам экономической деятельности конкретные требования и устанавливать механизм контроля над условиями ее реализации, которые отвечали бы критериям соразмерности и пропорциональности государственного вмешательства и обеспечивали бы частное и публичное начала в сфере экономической деятельности⁹.

При оспаривании возможности проведения контрольно-надзорных мероприятий органами Федерального казначейства частные медицинские организации акцентируют внимание лишь на собственном коммерческом интересе и не берут в расчет интерес государства, заключающийся в обеспечении доступного и качественного медицинского обслуживания граждан. Указанная позиция влечет невозможность достижения стабильности и пропорциональ-

ности прав субъектов рассматриваемых правоотношений.

Соблюдение или несоблюдение баланса интересов участников любых правоотношений является одним из основных критериев, применяемых судебными органами при разрешении возникших споров, на что Верховным Судом РФ неоднократно обращалось особое внимание¹⁰.

В условиях «социализации частного права, которая предполагает усиление роли публичного права в частноправовых сферах жизнедеятельности»¹¹ объективно возникает необходимость нахождения компромисса между частными предпринимателями и государством. Приоритет частноправового интереса над публичным влечет риск недостижения общественно полезных, социально значимых целей, в том числе в сфере предоставления медицинской помощи населению. Защита публичного интереса, заключающегося в расходовании денежных средств ОМС в соответствии с их целевым характером, является необходимым способом достижения надлежащего уровня социальной защиты граждан в сфере медицинского обслуживания.

Возможность осуществления контрольно-надзорных мероприятий в отношении частных медицинских организаций обусловлена необходимостью достижения публично значимой цели, заключающейся в правомерном, эффективном и целевом расходовании денежных средств ОМС, и действия сторон частного сектора, связанные, например, с подписанием соответствующих соглашений, не могут и не должны приводить к ее нивелированию. Потребность во внутреннем государственном финансовом контроле неразрывно связана с вопросами сохранения и укрепления здоровья граждан Российской Федерации. Бесконтрольное расходование публичных средств влечет за собой риск массового нарушения прав граждан Рос-

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2010 № 685-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Евгения Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 4 части 2 статьи 18 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»».

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 07.09.2021 по делу № 305-ЭС21-5987.

¹¹ *Архипова Е. Ю.* Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 136.

сийской Федерации на получение качественных медицинских услуг, гарантированных социальным государством на конституционном уровне.

Обращает на себя внимание и то, что в судебных разбирательствах частными медицинскими организациями ставится лишь вопрос о наличии полномочий у органов Федерального казначейства на осуществление в отношении них контрольных мероприятий и вынесение соответствующих представлений и (или) предписаний, но не оспариваются сами выявленные нарушения бюджетного законодательства по существу. Иными словами, факты нецелевого расходования средств ОМС частными предпринимателями не опровергаются.

Не является обоснованным и довод частных медицинских организаций о наличии дублирующих проверок: как со стороны Федерального фонда обязательного медицинского страхования, так и со стороны органов Федерального казначейства. Фонд и Казначейство России имеют различные предметы проверочных мероприятий: должностные лица органов Федерального казначейства осуществляют контроль исключительно в отношении расходования частными медицинскими организациями денежных средств ОМС, в то время как Федеральный фонд обязательного медицинского страхования уполномочен на проведение контроля рассматриваемой сферы деятельности по другим направлениям, за исключением, собственно, расходования медицинскими организациями денежных средств ОМС. Ввиду того что перечни полномочий указанных контрольных органов четко закреплены с соблюдением их разграничения как бюджетным законодательством, так и законодательством Российской Федерации об обязательном медицинском страховании, возможность дублирования их деятельности исключена.

Необходимо также отметить, что пунктом 1 ст. 266.1 БК РФ к объектам государственного финансового контроля напрямую отнесены страхо-

вые медицинские организации. В свою очередь, бюджетное законодательство России предоставляет Казначейству России полномочия на проведение встречных проверок в целях установления или подтверждения фактов хозяйственной деятельности объектов контроля. Следовательно, расходование денежных средств ОМС частными медицинскими организациями может быть проверено органами Федерального казначейства и в рамках встречной проверки, проводимой при осуществлении контрольных мероприятий в отношении страховых медицинских организаций.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно утверждать, что частные медицинские организации, являющиеся конечными получателями средств бюджетов бюджетной системы, в том числе Федерального фонда обязательного медицинского страхования и федерального бюджета, относятся к числу объектов государственного финансового контроля, а проведение в отношении них проверочных мероприятий органами Федерального казначейства в полной мере соответствует бюджетному законодательству Российской Федерации.

В заключение следует подчеркнуть, что внутренний государственный финансовый контроль, проводимый при расходовании бюджетных средств, направляемых на финансирование ОМС, безусловно, в первую очередь нацелен на обеспечение законности и высокого уровня финансовой дисциплины в медицинском секторе. В то же время он имеет и более широкие последствия: осуществление контрольно-надзорных функций органами Федерального казначейства в рассматриваемой сфере способствует реализации социальной функции государства, позволяя обеспечить достойный уровень оказания услуг медицинскими организациями в рамках программ ОМС и соблюдение прав и законных интересов граждан на получение медицинской помощи, гарантированных Конституцией РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипова Е. Ю. Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. — 2022. — Т. 6. — № 2. — С. 132–139.
2. Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. — М. : Проспект, 2011. — 544 с.
3. Поддубная М. Н., Петросян А. М. Особенности финансового контроля медицинских учреждений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 67. — С. 107–110.

Материал поступил в редакцию 5 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arkhipova E. Yu. Balans chastnykh i publicnykh interesov pri pravovom regulirovanii // Aktualnye problemy gosudarstva i prava. — 2022. — T. 6. — № 2. — S. 132–139.
2. Kutafin O. E. Izbrannye trudy: v 7 t. T. 7: Rossiyskiy konstitutsionalizm: monografiya. — M.: Prospekt, 2011. — 544 s.
3. Poddubnaya M. N., Petrosyan A. M. Osobennosti finansovogo kontrolya meditsinskikh uchrezhdeniy // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. — 2022. — № 67. — S. 107–110.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.047-060

М. Д. Черпак*

Развитие института компенсации за нарушение исключительных прав в позициях Конституционного Суда Российской Федерации

Аннотация. Автор рассматривает ключевые позиции Конституционного Суда РФ, посвященные анализу компенсации за нарушение исключительных прав с точки зрения соразмерности ответственности совершенному делинквентом правонарушению, сравнивает их с позициями в отношении других сверхкомпенсаторных мер ответственности в частном праве, исследует обширную практику Суда, которая влияет на единообразие подходов к подобному рода деликтной ответственности. Анализирует функции компенсации, а именно восстановительную функцию, в рамках которой реализуется механизм законно установленных (статутных) убытков, а также штрафную функцию, которая, как показано в настоящей статье, должна реализовываться опосредованно в рамках рассматриваемого способа защиты. Автор освещает ключевые различия допустимых сверхкомпенсаторных мер ответственности в гражданском праве и компенсации за нарушение исключительных прав, которая, по его мнению, не должна иметь цель покарать нарушителя.

Ключевые слова: правообладатель; компенсация за нарушение исключительных прав; ответственность за нарушение исключительных прав; функции компенсации; деликт; гражданская ответственность; убытки; соразмерность; расчет компенсации; Конституционный Суд РФ.

Для цитирования: Черпак М. Д. Развитие компенсации за нарушение исключительных прав в позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 47–60. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.047-060.

The Development of the Institute of Compensation for Infringement of Exclusive Rights in the Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Maxim D. Cherpak, Second-year Postgraduate Student, Department of Private Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
cherpakmax@mail.ru

Abstract. The author examines key positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning compensation for infringement of exclusive rights from the standpoint of the proportionality of liability to

© Черпак М. Д., 2025

* Черпак Максим Дмитриевич, аспирант второго года обучения департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
cherpakmax@mail.ru

the wrongful act committed by the infringer, and compares these positions with the Court's stance on other overcompensatory liability measures in private law. The paper analyzes extensive Constitutional Court practice that affects the uniformity of approaches to this type of tortious liability. The author assesses the functions of compensation, namely, the restorative function, under which the mechanism of lawfully established (statutory) damages is implemented, and the punitive function, which, as the author demonstrates, should be realized only indirectly within the examined remedy. Key distinctions are drawn between permissible overcompensatory liability measures in civil law and compensation for infringement of exclusive rights, which, in the author's view, should not be aimed at punishing the infringer.

Keywords: rights holder; compensation for infringement of exclusive rights; liability for infringement of exclusive rights; functions of compensation; tort; civil liability; damages; proportionality; calculation of compensation; Constitutional Court of the Russian Federation.

Cite as: Cherpak MD. The Development of the Institute of Compensation for Infringement of Exclusive Rights in the Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):47-60. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.047-060.

Компенсация за нарушение исключительных прав является одним из самых популярных механизмов защиты интеллектуальной собственности. Неоднократно и в доктрине, и в практике обращалось внимание на то, что данный институт крайне важен для российского правопорядка, но также регулярно ставится вопрос о его справедливости. Показателем важности и неоднозначности этого способа защиты исключительных прав являются три постановления Конституционного Суда РФ¹, посвященные непосредственно компенсации, и одно постановление², хотя и относящееся к вопросу о параллельном импорте, но также содержащее важные выводы в отношении компенсации. Предлагается рассмотреть развитие института компенсации за нарушение исключительных прав через призму позиций Конституционного Суда РФ. Настоящая статья фокусируется на

изучении правовой природы компенсации, ее соответствия требованиям к юридической ответственности и изменения указанного института на основе выводов Конституционного Суда РФ с учетом позиций по другим делам, связанным со сходными по природе правоотношениями.

Впервые Конституционный Суд РФ подробно проанализировал соразмерность ответственности в виде обязанности выплатить компенсацию в постановлении от 13.12.2016 № 28-П. Доводы заявителей о неконституционности механизма компенсации сводились к тому, что из-за действовавшего на тот момент регулирования суд был не вправе учитывать убытки правообладателя, а также действия правообладателя по митигации убытков при нарушении его прав (действия по предупреждению и пресечению нарушения его прав), как и другие факторы, которые необходимо учитывать для определения

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // СЗ РФ. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7729 ; постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5362 ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» // СЗ РФ. 2023. № 52. Ст. 9760.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "ПАГ"» // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1435.

размера компенсации, в том числе ниже предусмотренного законом минимального предела.

При рассмотрении доводов заявителей Конституционный Суд РФ указал, что в целях обеспечения восстановления нарушенных прав ГК РФ предусматривает общий принцип в виде правила о полном возмещении убытков, которые могут быть установлены не в точности, а лишь с разумной степенью достоверности³. Но в отношении интеллектуальной собственности, по мнению Суда, правообладатели ограничены в возможности контролировать соблюдение их прав третьими лицами, выявлять допущенные нарушения и устанавливать по крайней мере приблизительную величину понесенных ими убытков из-за нематериальной природы интеллектуальной собственности. Таким образом, как и любая другая мера гражданско-правовой ответственности, компенсация выполняет восстановительную и превентивную функции. В аргументах Суда видится лишь одна существенная причина для введения подобной компенсации в рамках именно гражданско-правовой ответственности: освободить правообладателей от доказывания размера убытков.

Далее в постановлении от 13.12.2016 № 28-П Конституционный Суд РФ отмечает, что компенсация может и превышать размер фактически причиненных правообладателю убытков и такой механизм соответствует основам гражданского законодательства, поскольку правообладатель затруднен в определении своих убытков. Мы согласны с допущением, что в случае, если пострадавшее лицо объективно не может доказать размер убытков, в правопорядке должны быть предусмотрены нормы, призванные помочь такому лицу, например в виде статутных (законно установленных) убытков, в отношении которых презюмируется разумная степень достоверности их соответствия реальным убыткам. При этом делинквент не должен быть лишен права

оспорить такой размер убытков, доказать их иную сумму, независимо от границ, установленных законом. То есть в такой ситуации механизм компенсации лишь предусматривал бы минимальную презюмирующуюся сумму убытков, а делинквент мог бы оспорить ее размер, собрав все доказательства того, что были понесены убытки меньшего размера. Впрочем, и истец мог бы доказать больший размер убытков при наличии таковых.

Конституционный Суд РФ пошел иным путем в рассуждениях о правовой природе компенсации. Он посчитал, что компенсация — это не презумпция минимально необходимой суммы для возмещения убытков, а скорее частноправовой карательный механизм, направленный на предупреждение нарушений. Например, Суд в абз. 5 п. 3.1 постановления от 13.12.2016 № 28-П ссылается на существование в гражданском законодательстве законно установленной штрафной неустойки (абз. 2 п. 1 ст. 394 ГК РФ), допущение выплаты компенсации сверх возмещения вреда при совершении деликта (абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

В отношении предусмотренной законом штрафной неустойки (абз. 2 п. 1 ст. 394 ГК РФ) сто́ит отметить, что данный способ обеспечения обязательств действительно допускается⁴, но способы обеспечения исполнения обязательств всегда связаны с каким-то основным обязательством, т.е. по природе своей неустойка выступает акцессорным обязательством и предназначена для стимулирования должника к исполнению уже существующих обязательств (п. 1 ст. 329, ст. 330 ГК РФ). Выплата компенсации представляет собой деликтное обязательство и сама по себе не зависит от какого-то другого, основного обязательства. Поэтому саму компенсацию нельзя отнести к одному из видов предусмотренной законом штрафной неустойки. Штрафная неустойка не является карательным

³ П. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

⁴ Аналогичного мнения придерживается и О. В. Дмитриева. См.: *Дмитриева О. В.* Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. № 12. С. 89–100.

механизмом, ведь, как прямо следует из ГК РФ, это лишь способ обеспечения исполнения основного обязательства. В то же время, как будет показано далее, в отличие от неустойки сама компенсация содержит штрафной элемент, который никак не стимулирует делинквента исполнить обязательства по возмещению вреда, а призван лишь покарать нарушителя.

Примером более правильного применения предусмотренной законом штрафной неустойки за неисполнение обязательств (в том числе деликтных) является штраф, предусмотренный в п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей»⁵. Здесь видна классическая связь неустойки с основным обязательством. Штраф взыскивается только в случае отказа в удовлетворении требований потребителя в добровольном порядке, а не просто за сам факт нарушения прав потребителей. В связи с этим, хотя данная норма остается спорной, она имеет более сбалансированную конструкцию и укладывается в частноправовое регулирование. Более того, полноценное признание такого штрафа неустойкой позволяет судам свободно корректировать сумму штрафа в том числе за счет применения ст. 333 ГК РФ⁶, а добровольное удовлетворение требований потребителя даже после подачи иска в суд приводит к тому, что предусмотренное законом обязательство предпринимателя не считается нарушенным и неустойка не подлежит взысканию⁷.

Теперь рассмотрим соотношение компенсации и абзаца 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ, который позволяет устанавливать законом компенсацию

сверх возмещения вреда при совершении деликта. Важно, что положение абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ является исключением из общего правила. Например, в постановлении от 31.01.2025 № 4-П Конституционный Суд РФ отмечает, что в деликтных обязательствах делинквент обязан возместить только необходимые и разумные расходы потерпевшего, поскольку одним из принципов возмещения имущественного вреда является компенсаторный характер ответственности, что по общему правилу препятствует сверхкомпенсации. При невозможности восстановить положение, существовавшее до нарушения, делинквент обязан компенсировать (устранить) обстоятельства, которые ухудшают положение потерпевшего⁸. Таким образом, хотя закон и допускает установление сверхкомпенсаторных мер ответственности в частноправовых отношениях, такие меры должны приниматься лишь как исключение в особых случаях и только в минимально необходимой степени.

Возвращаясь к аргументации Конституционного Суда РФ в постановлении от 13.12.2016 № 28-П, следует отметить, что главной целью введения компенсации является именно установление специального порядка определения размера возмещения вреда в связи с тем, что правообладатели затруднены в самостоятельном определении своих убытков из-за нематериальной природы объектов интеллектуальной собственности. При этом в другом постановлении⁹ Суд указал, что такой специальный порядок не может рассматриваться как исключаящий действие общих правил и принципов деликт-

⁵ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ Подтверждение данной позиции также можно найти в определении Конституционного Суда РФ от 15.01.2019 № 3-О «По запросу Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности статьи 383 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзаца первого пункта 6 статьи 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»».

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1085 и пункта 1 статьи 1087 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Э. М. Ворона» // СЗ РФ. 2019. № 26. Ст. 3518.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 25-П.

ных обязательств, а также применяться вопреки направленности таких общих правил и принципов. Более того, по утверждению Суда, сферой действия таких специальных способов расчета является лишь определение размера причиненного вреда.

На данном этапе стоит согласиться с Конституционным Судом РФ в том, что введение статутных убытков в виде компенсации необходимо, поскольку правообладатели действительно затруднены в определении размера своих убытков по обстоятельствам, не зависящим от них, но следует отдельно проанализировать вопрос о том, насколько необходимо отступление от общих принципов деликтной ответственности для введения сверхкомпенсаторных мер ответственности в рамках абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ при нарушении исключительных прав.

Конституционный Суд РФ отмечает, что определение ответственности за конкретные виды правонарушений возложено на законодателя, который связан частью 3 ст. 55 Конституции РФ¹⁰. В случае взыскания компенсации (денежных средств) речь идет об ограничении права собственности¹¹ делинквента, которое возможно только в случаях, если такие ограничения базируются на общих принципах права, отвечают требованиям равенства и справедливости, являются адекватными, соразмерными конституционно значимым целям и ценностям и необходимы для их защиты. Суд также указывает, что деликтная ответственность направлена не на ограничение прав граждан, а на защиту

потерпевших¹². Следуя логике Суда, предлагаем сосредоточиться на анализе именно адекватности, соразмерности (пропорциональности) и необходимости введения компенсации, содержащей штрафной элемент.

В постановлении от 13.12.2016 № 28-П Конституционный Суд РФ указывает, что принцип соразмерности предполагает дифференциацию ответственности в зависимости от обстоятельств и последствий нарушения. При этом стоит отметить, что Суд рассматривал применение компенсации за нарушение исключительных прав, презюмируя, что такая сверхкомпенсаторная мера ответственности не противоречит гражданско-правовому регулированию. Поэтому принцип соразмерности ответственности анализируется только через призму штрафной ответственности. В то же время отступление от общих принципов деликтной ответственности должно быть само по себе обоснованно. Ссылка на то, что ГК РФ допускает такие ограничения, еще не доказывает то, что они могут вводиться произвольно.

В определении от 26.11.2018 № 2999-О Конституционный Суд РФ указывает, что введение штрафной ответственности за нарушение исключительных прав «учитывает объективные трудности в оценке причиненных правообладателю убытков» и необходимость обеспечить общую превенцию подобных нарушений¹³. Представляется, что ограничение права собственности делинквента, приводящее к обогащению правообладателя, не помогает учитывать объективные трудности в оценке причиненных правооб-

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П.

¹¹ Взыскание штрафа является ограничением права, предусмотренного статьей 35 Конституции РФ. См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года “О федеральных органах налоговой полиции”» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 197.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1833-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Райм Алексины Альбертовны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹³ См. аналогично: определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2668-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Хановой Оксаны Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 10, пунктом 3 статьи 401, абзацем третьим пункта 3 статьи 1250, пунктом 3 статьи 1252, статьей 1301 и пунктом 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также частью 3 статьи 13 и пунктом 1 части 1 статьи 143 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

ладателю убытков. На наш взгляд, учету данных сложностей способствует взыскание компенсации, например на основе стоимости права использования в однократном размере, или определение минимального размера компенсации в виде статутных убытков. А обеспечение выполнения превентивной функции достигается не только путем взыскания компенсации, но и, например, путем изъятия контрафакта (п. 4 ст. 1252 ГК РФ), привлечения к административной ответственности (ст. 7.12, 14.10 КоАП РФ¹⁴), которой также предусмотрена конфискация не только контрафакта, но и орудий совершения правонарушения (ст. 3.7 КоАП РФ), а также путем привлечения к уголовной ответственности (ст. 146, 180 УК РФ¹⁵). Таким образом, с учетом иных мер гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, а также публично-правовой ответственности за подобные нарушения выстраивается ситуация, когда делинквент за одно нарушение может понести ответственность в виде тройной стоимости контрафактного товара, которая складывается из стоимости конфискованного контрафакта, а также компенсации в размере двойной стоимости контрафактной продукции; в дополнение на делинквента может быть наложен административный штраф, изъято оборудование, на котором производился контрафакт, а также конкретные физические лица (например, если делинквент — юридическое лицо) могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Штрафной (сверхкомпенсаторный) характер компенсации при таких обстоятельствах

становится явно чрезмерным. Данная позиция также подтверждается анализом Конституционного Суда РФ похожих мер ответственности за правонарушения в других областях. Так, например, Конституционный Суд РФ указал на явную чрезмерность санкций, которые были предусмотрены в налоговом законодательстве за сокрытие налогооблагаемой базы (дохода или прибыли), в виде изъятия всей суммы сокрытого или заниженного дохода в двойном размере¹⁶. Суд указал, что двукратный коэффициент фактически представлял собой штраф, поскольку он «явно выходил за рамки погашения недоимки и пени по налогу с дохода», а итоговая сумма многократно превышала размер налоговых обязательств, из-за чего санкция по данному виду нарушений фактически превращалась в инструмент чрезмерного ограничения свободы предпринимательства¹⁷.

Аналогичный подход был выражен и в особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова к постановлению от 27.04.2001 № 7-П, где рассматривался вопрос об ответственности в виде взыскания штрафа в размере от 100 до 200 % стоимости товара (в данном случае — валютной выручки), а также взыскания его стоимости, т.е. фактически установления тройного коэффициента за таможенное нарушение. А. Л. Кононов со ссылкой на Б. И. Пугинского отметил, что такая ответственность является неоправданно высокой и несоразмерной характеру и последствиям нарушений.

Стоит обратить внимание на то, что даже в рамках публично-правовой ответственности за

¹⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025).

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025).

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР “О Государственной налоговой службе РСФСР” и Законов Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” и “О федеральных органах налоговой полиции”» // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

¹⁷ Данная позиция также подтверждается постановлениями Конституционного Суда РФ от 12.05.1998 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второй части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года “О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением” в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан» (СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2173) и от 11.03.1998 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации,

нарушение налогового, таможенного законодательства Конституционный Суд РФ признавал чрезмерной ответственность в двойном и тройном размере за совершение правонарушения. В случае же с компенсацией за нарушение исключительных прав ответственность становится не просто двойной, но иногда и тройной (при изъятии контрафакта), а порой может в совокупности более чем в три раза превышать тот вред, который делинквент причинил правообладателю, если к нарушителю будет применена административная или уголовная ответственность.

Следует рассмотреть и обратный пример, когда штрафная ответственность в частноправовых отношениях признавалась Конституционным Судом РФ допустимой¹⁸. Например, в области строительства из-за частых аварийных ситуаций, влекущих человеческие жертвы, была введена сверхкомпенсаторная ответственность, направленная на повышение безопасности объектов капитального строительства¹⁹ в рамках ст. 60 Градостроительного кодекса РФ²⁰. Законодатель установил компенсацию сверх причинения вреда за такие неисправимые последствия, как смерть человека, тяжкий или средний вред здоровью (в сумме от 1 до 3 млн руб.). В целях выплаты таких компенсаций одновременно предусмотрены и детальное регулирование в отношении каждого участника таких правоотношений, и отдельные компенсационные фонды в рамках саморегулируемых организаций. Стоит

учитывать и крайне высокий порог для входа предпринимателей в данную отрасль экономики, и детальную и жесткую регламентацию строительных отношений, и крайне высокую цену ошибки — человеческие жизни.

Как видно из резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П, Суд решил признать несоответствующим Конституции РФ такое толкование компенсации, которое очевидно приводит к слишком высокой ответственности делинквента. Суд принял решение добавить лишь одно исключение, позволяющее снижать размер компенсации: если нарушитель одним действием нарушил права на несколько объектов, принадлежащих одному правообладателю, и при этом само нарушение должно быть совершено впервые, не носить грубого характера, а убытки правообладателя должны быть существенно ниже суммы компенсации.

Мы считаем, что признание допустимым штрафного элемента компенсации привело Конституционный Суд РФ к необходимости казуистичного подхода к решению каждого отдельного случая несправедливого определения размера компенсации. Законодательное регулирование само по себе представляет просто набор правил, которые суды могут свободно применять в рамках, установленных законом, но действующий механизм компенсации вынуждает Суд высказываться отдельно, разрешая всем правоприменителям следовать его логике.

части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М. М. Гаглоевой и А. Б. Пестрякова» (СЗ РФ. 1998. № 12. Ст. 1458).

¹⁸ Определения Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2602-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Концерн Титан-2» на нарушение конституционных прав и свобод положениями частей 1, 3 и 5 статьи 60 Градостроительного кодекса Российской Федерации»; от 18.07.2019 № 1991-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ямбаева Радика Мутагаровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 60 Градостроительного кодекса Российской Федерации»; от 26.11.2018 № 2978-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Богданова Александра Александровича, Богдановой Ольги Владимировны и других на нарушение их конституционных прав и конституционных прав несовершеннолетнего ребенка положениями части 3 статьи 60 Градостроительного кодекса Российской Федерации».

¹⁹ Пояснительная записка к законопроекту № 417505-4 «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/417505-4> (дата обращения: 05.04.2025).

²⁰ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025).

Ключевая проблема состоит в том, что ни гражданское законодательство, ни судьи при рассмотрении частноправовых споров не рассматривают делинквентов с позиции обвинителя, суды нацелены на принятие максимально сбалансированного решения, на холодный экономический расчет, позволяющий возместить потерпевшему вред, но Конституционный Суд РФ выработал критерии, которые больше применимы к публично-правовой ответственности. Вероятно, сложно разрешить частноправовой спор на основе норм гражданского права, будучи обязанным оценивать все отягчающие и смягчающие обстоятельства дела, а не экономическую составляющую непосредственно правонарушения. Ведь аргументы одной стороны могут быть нацелены на то, чтобы определить характер нарушения, а аргументы другой в первую очередь могут быть направлены на доказывание размера ущерба. Получается, что стороны в процессе ведут спор совершенно о разном.

Проблема была заложена на том этапе, когда Конституционный Суд РФ в постановлении от 13.12.2016 № 28-П принял решение признать компенсацию штрафной санкцией, преследующей в том числе публичные цели пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности. Но, как отметила С. А. Краснова, даже межотраслевой характер интеллектуальной собственности не может быть основанием для смешения частноправовых и публично-правовых средств и наделения их свойствами друг друга²¹. И сам Конституционный Суд РФ в одном из постановлений²² говорит о том, что при выборе средств и способов правового воздействия законодатель должен учитывать в том числе

общие принципы соответствующих отраслей права (публичного или частного). Поэтому мнение Суда о необходимости применения позиций в отношении публично-правовой ответственности к регулированию гражданско-правовой ответственности в той мере, в какой устанавливаемые законодателем штрафные по своему характеру санкции выполняют и публичную функцию превенции, привело к путанице, которую в каждом последующем постановлении Суду приходилось нивелировать.

Менее чем через год Конституционный Суд в определении от 10.10.2017 № 2256-О отмечает, что взыскание компенсации возможно лишь при наличии убытков, хотя компенсация и может превышать их размер. Стоит отметить, что такая позиция может вступать в противоречие с подходом о том, что компенсация является частноправовым штрафом, выполняющим публично-правовые функции. Ведь в таком случае рассматриваемый институт не осуществляет их: не возникает превенции при невозможности взыскать компенсацию. Вероятно, это говорит лишь о том, что превентивная функция компенсации выступает лишь как побочный продукт применения компенсации и не оправдывает выделения какого-то штрафного элемента, который можно было бы взыскать сверх убытков. Более того, Суд признает, что компенсация направлена в первую очередь на восстановление прав потерпевшего и не должна приводить к обогащению правообладателя²³.

Конституционный Суд РФ развил свою идею о том, что компенсация всё же не должна карать делинквентов даже в тех случаях, когда нарушение совершается осознанно. В постановлении

²¹ Краснова С. А. О правовой природе компенсации за нарушение исключительных прав в свете определения Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 10–13.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2020 № 36-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона “О полиции” в связи с жалобами граждан Р. А. Логинова и Р. Н. Шарафутдинова» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4999.

²³ Данная позиция также подтверждается определением Конституционного Суда РФ от 10.10.2017 № 2256-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Анисимова Александра Владимировича и Анисимовой Екатерины Львовны на нарушение их конституционных прав положением

от 13.02.2018 № 8-П рассматривалась ситуация, когда ООО «ПАГ» ввозило в Россию без согласия правообладателя партию медицинских товаров, что прямо нарушало права правообладателя, поскольку в России не установлен международный вид (режим) исчерпания права. Суд отметил, что институт компенсации создает для правообладателя преимущества, освобождающие его от бремени доказывания размера причиненного ущерба и наличия вины нарушителя, но такие преимущества не освобождают суд от обязанности определить объем ответственности, который был бы соразмерен и соблюдал баланс интересов сторон. Как видим, в связи с контекстом дела (незаконный ввоз оригинальных медицинских товаров) риторика Конституционного Суда РФ значительно смягчилась и оказалась не направлена столь решительно на защиту правообладателей даже ценой применения чрезмерной ответственности к делинквенту.

Конституционный Суд РФ объясняет необходимость снижения суммы компенсации тем, что при незаконном импорте оригинальных товаров правообладатель не претерпевает вреда деловой репутации, ведь импортер ввозит качественный товар. Суд совершенно прав, что вреда репутации правообладателя может и не быть, но такое обстоятельство не должно влиять на выплату компенсации. Компенсация за нарушение исключительных прав направлена не на защиту деловой репутации правообладателя (для этого есть отдельные механизмы защиты), а на возмещение вреда, нанесенного его имущественному праву, которое существует независимо от институтов защиты деловой репутации. Таким образом, Конституционный Суд РФ пытается сбалансировать институт компенсации за счет определения дополнительных обстоятельств (социальной значимости, качества контрафакта), а не за счет признания чрезмерности штрафного элемента в компенсации, хотя ограничения прав (в том

числе имущественное изъятие у делинквента в пользу потерпевшего) должны носить общий и абстрактный характер²⁴, чему не соответствует развитие компенсации в постановлениях Суда, ведь ответственность, как видим, определяется не индивидуальными обстоятельствами дела, поведением сторон правоотношений, но и, например, назначением контрафактного товара, его социальной значимостью и качеством.

В 2020 г. Конституционный Суд РФ снова обратился к рассмотрению института компенсации в рамках постановления от 24.07.2020 № 40-П, где основанием для запроса послужило дело, в котором делинквент совершал нарушения путем продажи контрафактной продукции (измерительные рулетки, малярные кисти), а правообладатели просили суд взыскать компенсацию в двукратном размере стоимости права использования товарных знаков (каждый в сумме 200 000 руб.). Суд снизил компенсацию до 50 000 руб. в пользу каждого из истцов, поскольку посчитал заявленный размер чрезмерным и среди прочего имеющим карательный характер (хотя ранее Конституционный Суд РФ в постановлении от 13.12.2016 № 28-П указывал, что карательный характер свойствен компенсации).

Примечательно, что суду при рассмотрении данного дела в целях принятия верного решения пришлось отойти даже от прямо предусмотренных Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ оснований, не смягчающих ответственность. Суд первой инстанции снизил сумму компенсации в связи с тем, что ответчику не было заведомо известно о контрафактном характере реализуемой продукции, несмотря на то, что в постановлении от 13.12.2016 № 28-П Конституционный Суд РФ указывал на повышенные стандарты ведения предпринимательской деятельности, и на то, что по общему правилу в гражданском праве неосмотрительность не становится основанием для смягчения ответственности. Кроме того, суду первой инстанции

пункта 62 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов».

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2024 № 59-П «По делу о проверке конституционности пункта б статьи 13 Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей” в связи с жалобой гражданина С. В. Калашникова» // СЗ РФ. 2025. № 1. Ст. 59.

при определении размера компенсации приходится отступать от механизма расчета, предусмотренного законом: истец свободен сам выбирать способ расчета компенсации, а при выборе расчета в двукратном размере стоимости права законом не предусмотрены основания для снижения суммы при совершении единичного нарушения. В этом ключе рассуждал и Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд, объясняя свое обращение в Конституционный Суд РФ с запросом проверить конституционность указанной нормы.

При этом в определении от 27.02.2020 № 439-О Конституционный Суд РФ указывает, что подпункт 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, предусматривающий взыскание компенсации в двукратном размере стоимости права/контрафакта, даже с учетом того, что у судов отсутствует возможность снизить размер такой компенсации, не может расцениваться как не соответствующий Конституции РФ в связи с тем, что такая компенсация определяется в зависимости от стоимости права использования объекта интеллектуальной собственности, исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование. Данная позиция кажется вдвойне противоречивой, особенно с учетом того, что в другом постановлении Суд прямо заявил, что «установление законодателем недифференцированного по размеру штрафа... невозможность его снижения не позволяют

применять эту меру взыскания с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств деяния, что нарушает принципы справедливости наказания, его индивидуализации и соразмерности»²⁵. Можно возразить, что дифференциация происходит по аналогии со штрафом по законодательству о защите прав потребителей, но согласиться с таким подходом вряд ли можно, поскольку два различных по характеру нарушения исключительного права в отношении одного и того же объекта приводят к идентичной ответственности, что прямо противоречит требованиям к дифференциации карательной ответственности по российскому законодательству. В доктрине также приходят к выводу о том, что невозможность снижения расчетной компенсации создает дискриминационную ситуацию²⁶. В то же время в законодательстве о защите прав потребителей штраф является установленной законом неустойкой, которая, во-первых, зависит от основного обязательства, а во-вторых, может быть снижена на основании ст. 333 ГК РФ, что и обеспечивает баланс интересов кредитора и должника в таких отношениях²⁷. Более того, Конституционный Суд РФ указывает, что именно в целях дифференциации ответственности применение ст. 333 ГК РФ представляет собой обязанность суда, а не его право²⁸.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.1998 № 14-П.

²⁶ См.: *Лугай В. Ю.* Проблемы взыскания компенсации за незаконное использование товарного знака // Вестник арбитражной практики. 2023. № 5. С. 72–78 ; *Овчинников И. В.* Снижение размера компенсации за нарушение исключительного права: о пределах судебного правотворчества // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 1 (39). С. 92.

²⁷ Определения Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 № 2938-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Образцова Николая Владимировича и Сетко Наталии Ивановны на нарушение их конституционных прав положением статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» ; от 24.11.2016 № 2446-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Косаревой Валентины Матвеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» ; от 23.11.2017 № 2579-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рыбкиной Галины Васильевны на нарушение ее конституционных прав положением статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации».

²⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Уже в постановлении от 24.07.2020 № 40-П Конституционный Суд РФ признал подпункт 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой эта норма не позволяет дифференцировать ответственность по аналогии с критериями, установленными в постановлении Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П. В каждом конкретном случае ответственность должна быть адекватна тому вреду, который был причинен правообладателю²⁹.

Конституционный Суд РФ услышал доводы ответчиков и Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда при анализе компенсации в рамках постановления от 24.07.2020 № 40-П и истолковал постановление от 13.12.2016 № 28-П в частноправовом ключе, фокусируясь именно на восстановлении нарушенных прав. Более того, Суд прямо отметил, что компенсация имеет неразрывную связь с убытками, ведь она подлежит взысканию лишь при наличии убытков. Конституционный Суд РФ продолжает сосредотачиваться на штрафном характере, но в отличие от карательного уклона постановления от 13.12.2016 № 28-П постановление от 24.07.2020 № 40-П содержит указание на то, что компенсация может быть лишь в умеренных пределах больше, чем цена, на которую правообладатель мог бы рассчитывать по договору о предоставлении права на использование объекта исключительных прав. По нашему мнению, цена, которую правообладатель мог бы получить, фактически и является его убытками, поэтому позицию Суда стоит толковать расширительно и сформулировать следующим образом: компенсация может превышать убытки лишь в умеренных пределах.

Таким образом, компенсация фактически превратилась из статутных убытков лишь в закрепленные в законе методические рекомендации по определению размера убытков правообладателя, ведь, как указывал Конституционный Суд РФ, компенсация не должна превышать убытки, а в соответствии с п. 62 постановления

Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 истец обязан представить доказательства, обосновывающие размер компенсации, как и суд, исходя из оценки обстоятельств дела, должен объяснить, на основе чего он пришел к выводу о взыскании конкретной суммы компенсации.

В отношении компенсации в твердой сумме (от 10 000 до 5 000 000 руб.) следует признать, что такой способ расчета компенсации сегодня превратился в инструмент определения минимального размера убытков, ведь правообладатель только при взыскании минимальной суммы компенсации не обязан обосновывать ее размер (п. 61 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10), а компенсация, взыскиваемая в двукратном размере стоимости права использования или контрафакта, изначально отличалась от убытков лишь двойным коэффициентом, поскольку правообладатель в любом случае обязан представить доказательства, подтверждающие его расчеты.

Таким образом, институт компенсации за нарушение исключительных прав сегодня фактически можно разделить на три основных механизма: механизм определения минимального вреда при нарушении исключительных прав (10 000 руб., причем сумма может быть снижена по усмотрению суда); механизм определения убытков на основании стоимости права или контрафакта³⁰; публично-правовой механизм превенции правонарушений, несвойственной частноправовой ответственности, в виде штрафного элемента, который наиболее отчетливо проявляется в качестве двойного коэффициента в расчетной компенсации.

В отношении двойного коэффициента в расчетной компенсации Конституционный Суд РФ в постановлении от 24.07.2020 № 40-П указал, что такой размер компенсации являлся единственным (одновременно и минимальным, и максимальным) размером компенсации, предусмотренным законом, а потому суд не вправе снижать его по своей инициативе. При этом Конституционный Суд РФ развивает свою позицию,

²⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П.

³⁰ Взыскание компенсации на основании стоимости контрафакта, на наш взгляд, является очень спорным способом расчета, который необходимо проанализировать дополнительно.

высказанную в постановлении от 13.02.2018 № 8-П, и утверждает, что у суда всегда должно быть право определить размер компенсации таким образом, чтобы соблюдался баланс интересов сторон. Данный вывод подтверждается и в постановлении от 24.07.2020 № 40-П, где Конституционный Суд РФ отмечает, что высказанные им позиции применяются не только при идентичном наборе обстоятельств, но и в аналогичных делах. Таким образом, компенсация должна взыскиваться в размере, максимально приближенном к размеру убытков правообладателя, а сумма, превышающая размер убытков, является не штрафом, а (по аналогии с убытками) очень приблизительной мерой справедливости, ведь во взыскании убытков не может быть отказано из-за того, что их точный размер установить невозможно. Такая позиция полностью нивелирует штрафной характер компенсации, поскольку взыскание частноправового штрафа, особенно без реальных на то оснований, приводит к нарушению баланса интересов сторон спора, а поэтому суды не должны взыскивать компенсацию сверх разумно установленного размера убытков.

Получается, что сегодня правовые позиции Конституционного Суда РФ привели институт компенсации к состоянию, когда правообладатель вправе либо взыскать компенсацию в минимальном размере (с оговорками, указанными выше), либо доказать свои убытки с разумной степенью достоверности, что полностью соответствует требованиям к доказыванию классических убытков³¹. С учетом того что убытки, как и компенсация, являются приблизительной мерой справедливости, компенсация априори не может быть больше примерной суммы убытков.

При этом нельзя не согласиться с Конституционным Судом РФ в том, что при привлече-

нии к ответственности лица (в том числе при оценке соразмерности неустойки) необходимо учитывать, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения и нарушение прав третьих лиц не должно быть более выгодным, чем условия правомерного пользования³². Этим же Суд руководствовался и в постановлении от 24.07.2020 № 40-П, где дифференциация ответственности делинквента ограничивается лишь штрафным элементом компенсации (двойной коэффициент), в то время как ответственность за нарушение исключительного права не может составлять менее стоимости права использования. Таким образом, Конституционный Суд РФ указал, что превентивная функция ответственности за нарушение исключительных прав в виде взыскания компенсации достигается взысканием именно однократного размера компенсации в виде стоимости права использования в отношении нарушенного объекта.

Следовательно, по мнению Конституционного Суда РФ, для того чтобы обеспечить превентивную функцию компенсации, достаточно лишь ее восстановительной функции. Штрафная функция призвана карать лишь злостных нарушителей, ведь в первую очередь ее размер зависит от отягчающих и смягчающих обстоятельств (как в публичном праве). Кроме того, Суд считает, что стандартный размер компенсации возможно разделить в равных долях на восстановительный и штрафной элементы, поскольку в постановлении от 24.07.2020 № 40-П Суд указал на то, что одинарный коэффициент расчетной компенсации призван восстановить нарушенное право, а в постановлении от 14.12.2023 № 57-П расширил такое толкование на все способы расчета компенсации. И именно этим Суд мотивирует свою позицию об ограничении снижения компенсации ниже минимального предела.

³¹ П. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

³² Определения Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хмеля Виктора Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части 3 статьи 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»»; от 25.04.2019 № 947-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудки Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»; от 26.03.2020 № 697-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Осик-Осецкой Юлии Викторовны

При этом спорной остается позиция Конституционного Суда РФ о том, что компенсация может быть снижена только в случае, если правонарушение совершено впервые, нарушение исключительных прав третьих лиц не является существенной частью предпринимательской деятельности. Мы полагаем, что такие критерии возникли из-за смешения с публично-правовой ответственностью и, как верно отметил Э. П. Гаврилов, компенсация по своей природе носит не штрафной, а восстановительный характер³³.

В целом последнее на сегодняшний день постановление Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 № 57-П в отношении компенсации не внесло дополнительной ясности касательно данного способа защиты. Проблема, связанная с обращением в Конституционный Суд РФ в рамках рассматриваемого судами дела, скорее, относится к вопросам мультипликации объектов интеллектуальной собственности, включая регистрацию серий товарных знаков. В целом постановление от 14.12.2023 № 57-П еще раз подчеркивает уже описанные проблемы: заложенная на уровне закона чрезмерность ответственности делинквента, перекладывание публично-правовых функций с государства на участников гражданского оборота, оторванность от убытков. Все рассмотренные ключевые позиции Конституционного Суда РФ в отношении компенсации показывают стремление правопорядка максимально сблизить компенсацию и убытки, фактически превратив компенсацию в способ определения минимально необходимого размера убытков правообладателя при нарушении его исключительных прав.

Таким образом, сегодня компенсация за нарушение исключительных прав является компенсаторным механизмом, направленным на восстановление имущественного положения

правообладателя. Компенсация необходима российскому правопорядку из-за сложности определения размера убытков в подобных правоотношениях, но штрафной ее характер является чрезмерным и несвойственным частноправовой ответственности, приводит к неосновательному обогащению правообладателей.

Как показал анализ позиций Конституционного Суда РФ, штрафная ответственность на основании абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ может вводиться только в исключительных случаях, когда совершение деликта может привести к непоправимым или очень тяжким последствиям. Причинение же имущественного вреда стóит рассматривать как классический деликт, к которому должны применяться общие правила о деликтной ответственности. Мы считаем, что со временем Конституционный Суд РФ придет к таким же выводам и откажется от смешения частноправовой и публичной ответственности в рамках компенсации. В связи с этим следует признать нецелесообразным сохранение штрафного характера компенсации за нарушение исключительных прав с учетом сложившихся позиций Конституционного Суда РФ.

В отношении взыскания компенсации в твердой сумме нецелесообразно установление верхнего предела в размере 5 000 000 руб., поскольку правообладатели всё равно обязаны обосновать расчет суммы компенсации³⁴, т.е. фактически подтвердить свои убытки. Компенсация в твердой сумме сегодня превратилась в гарантию минимальной суммы убытков правообладателя (с оговорками, высказанными выше), поэтому логично закрепить в законодательстве положение о том, что правообладатель при нарушении его исключительного права может взыскать убытки в размере не ниже 10 000 руб., за исключением случаев, связанных с множественностью нарушений.

на нарушение ее конституционных прав частями первой, второй, третьей и седьмой статьи 67, частью второй статьи 68, частью второй статьи 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации».

³³ Гаврилов Э. П. Совершенствование законодательства о компенсации за нарушение исключительного права в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 года № 28-П // *Хозяйство и право*. 2017. № 3. С. 21.

³⁴ П. 61 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гаврилов Э. П.* Совершенствование законодательства о компенсации за нарушение исключительного права в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 года № 28-П // *Хозяйство и право.* — 2017. — № 3.
2. *Дмитриева О. В.* Функциональное назначение компенсации морального вреда как формы гражданско-правовой ответственности // *Закон.* — 2016. — № 12. — С. 89–100.
3. *Краснова С. А.* О правовой природе компенсации за нарушение исключительных прав в свете определения Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П // *Российская юстиция.* — 2018. — № 1. — С. 10–13.
4. *Лигай В. Ю.* Проблемы взыскания компенсации за незаконное использование товарного знака // *Вестник арбитражной практики.* — 2023. — № 5. — С. 72–78.
5. *Овчинников И. В.* Снижение размера компенсации за нарушение исключительного права: о пределах судебного правотворчества // *Журнал Суда по интеллектуальным правам.* 2023. — Вып. 1 (39). — С. 89–95.

Материал поступил в редакцию 7 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gavrillov E. P. Sovershenstvovanie zakonodatelstva o kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nogo prava v svyazi s postanovleniem Konstitutsionnogo Suda RF ot 13 dekabrya 2016 goda № 28-P // *Khozyaystvo i pravo.* — 2017. — № 3.
2. Dmitrieva O. V. Funktsionalnoe naznachenie kompensatsii moral'nogo vreda kak formy grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti // *Zakon.* — 2016. — № 12. — S. 89–100.
3. Krasnova S. A. O pravovoy prirode kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nykh prav v svete opredeleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 13.12.2016 № 28-P // *Rossiyskaya yustitsiya.* — 2018. — № 1. — S. 10–13.
4. Ligay V. Yu. Problemy vzyskaniya kompensatsii za nezakonnoe ispolzovanie tovarnogo znaka // *Vestnik arbitrazhnoy praktiki.* — 2023. — № 5. — S. 72–78.
5. Ovchinnikov I. V. Snizhenie razmera kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nogo prava: o predelakh sudebnogo pravotvorchestva // *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam.* 2023. — Vyp. 1 (39). — S. 89–95.

Гендерный подход в статьях Особенной части УК РФ

Аннотация. В статье анализируются положения Особенной части УК РФ, в которых законодательно предусмотрена дифференциация уголовной ответственности исходя из физиологических и социальных характеристик мужчин и женщин. Актуальность использования гендерного подхода в первую очередь связана с необходимостью обеспечить реализацию в демократическом правовом государстве принципов равенства, справедливости и гуманизма. В связи с этим выработка оптимального соотношения льгот и привилегий для лиц женского и мужского пола становится первоочередной задачей в уголовно-правовой сфере. В работе классифицируются составы преступлений относительно степени проявления гендерной специфики в признаках состава преступления. Автором рассмотрены данные судебной статистики и материалы судебной практики, которые иллюстрируют рассогласованность в применении гендерного подхода. Сделан вывод о том, что «гендерный состав преступления» и «гендерное преступление» не тождественные понятия. Поддерживается позиция об обоснованности гендерного подхода в статьях Особенной части УК РФ, а также об увеличении числа гендерных составов и гендерных квалифицирующих признаков составов преступления.

Ключевые слова: гендер; гендерный подход; состав преступления; убийство матерью новорожденного ребенка; психотравмирующая ситуация; изнасилование; необоснованное увольнение; необоснованный отказ в приеме на работу; дискриминация; беременная женщина.

Для цитирования: Медведева М. А. Гендерный подход в статьях Особенной части УК РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 61–71. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.061-071.

The Gender Approach in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation

Maria A. Medvedeva, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
marimed2207@gmail.com

Abstract. The paper analyzes provisions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation in which the legislature has provided for differentiation of criminal liability based on physiological and social characteristics of males and females. The relevance of applying a gender approach is primarily linked to the need to ensure, in a democratic rule-of-law state, the realization of the principles of equality, justice, and humanity. In this connection, devising an optimal balance of benefits and privileges for persons of female and male sex becomes a priority task in the criminal-law sphere. The paper classifies offences according to the degree of gender specificity manifested in the elements of the offence. The author reviews court statistics and case-law materials that illustrate inconsistencies

© Медведева М. А., 2025

* *Медведева Мария Анатольевна*, аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
marimed2207@gmail.com

in the application of the gender approach. It is concluded that a gender element of an offence and a gender-based offence are not identical concepts. The paper supports the justification for a gender approach in articles of the Special Part of the Criminal Code and advocates expanding the number of gender-specific offences and gender-based qualifying features of elements of offences.

Keywords: gender; gender approach; elements of an offense; maternal infanticide; psychologically traumatic situation; rape; unjustified dismissal; unjustified refusal to hire; discrimination; pregnant woman.

Cite as: Medvedeva MA. The Gender Approach in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):61-71. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.061-071.

Сущность гендера составляют те особенности мужественности и женственности, которые формируются в социуме и определяют поведение мужчин и женщин в зависимости от правил, установленных в обществе¹. Гендер понимается как совокупность социальных норм поведения людей в зависимости от половой принадлежности².

Впервые понятие «гендер» стало использоваться в исследованиях социологов и психологов во второй половине XX в.³ Сегодня ученые подчеркивают значимость рассмотрения вопросов взаимовлияния социальных и биологических характеристик лиц мужского и женского пола⁴. Появление категории гендера стало одним из результатов развития прав человека ввиду того, что в исследованиях начали затрагиваться вопросы исторического развития прав женщин, защиты от дискриминации, соотношения формального и содержательного равенства при учете правотворческим органом половой принадлежности человека.

Гендерный подход заключается в дифференциации уголовной ответственности в зависимости от биологических, социокультурных, статусно-семейных характеристик лиц женского

и мужского пола. В рамках данного подхода, с одной стороны, выявляются особенности лиц, совершивших преступление, и потерпевших, а с другой — рассматривается взаимосвязь между учетом физиологических, социальных, поведенческих характеристик лиц, совершивших преступление, при установлении уголовной противоправности деяния и обеспечением реализации принципов уголовного права, дифференциацией и индивидуализацией уголовной ответственности и наказания⁵.

Следует добавить, что физиологические характеристики, а также предписываемые лицам женского и мужского пола социальные роли учитываются законодателем при установлении уголовной противоправности деяния. Для женщин предусматриваются определенные льготы и привилегии, связанные с вынашиванием и воспитанием детей, совмещением трудовых и домашних обязанностей. Существование льгот для мужчин в первую очередь обусловлено воспитанием малолетних детей в одиночку.

Представляется, что на сегодняшний день гендерный подход отражен в ст. 105, 106, 110, 110.1, 117, 123, 126, 127, 127.1, 131, 136, 145, 157, 206, 357 Особенной части УК РФ⁶. Вместе с

¹ Гидденс Э. Социология / науч. ред. В. А. Ядов ; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 665.

² Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе : монография. М. : Проспект, 2015. С. 22.

³ Аллайуа К. В. Эволюция теоретических подходов к определению гендера // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 17.

⁴ См.: Яворская О. А. К вопросу о сущности понятия «гендер» // Омский научный вестник. 2005. № 4 (33). С. 62 ; Хачак Б. Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Краснодар, 2014. С. 41.

⁵ Дядюн К. В. Гендерный подход в уголовном праве: история и современность // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 1. С. 29.

тем степень влияния гендерной специфики варьируется от полной зависимости от гендера тех или иных признаков состава преступления до указания на биологические и социальные особенности только при конструировании отдельных квалифицирующих признаков состава преступления. Следует также сделать оговорку, что в дальнейшем мы будем вести речь о гендерных составах преступления в связи с тем, что гендерные особенности учитываются применительно к тому или иному признаку состава преступления, в котором отражается теоретическое представление о наиболее типичных и общих закономерностях, наблюдаемых при совершении конкретного вида преступления. В свою очередь, фактически гендерным преступлением можно признать любое преступление, предусмотренное статьей (частью статьи) Особенной части УК РФ, при условии осуществления его по мотиву ненависти к определенному полу. В таком случае, если специальный признак состава преступления, в котором бы фиксировалось особое значение половой принадлежности при совершении преступления, отсутствует, прийти к выводу о том, что преступление является гендерным, можно не на этапе квалификации содеянного, а на более поздних этапах, и прежде всего на стадии назначения наказания. При определенных условиях, складывающихся на практике, фактическое гендерное преступление может стать легальным гендерным преступлением.

Целесообразно разделить вышеперечисленные статьи УК РФ на виды в зависимости от степени проявления гендерных особенностей в признаках предусмотренных ими составов преступлений. Во-первых, в гендерных составах преступлений половая принадлежность лица учитывается в одном или нескольких признаках состава преступления, в которых напрямую отражаются биологические и социальные характеристики лиц женского или мужского пола (ст. 106, 131, 145). Во-вторых, в составах преступлений, обладающих гендерной спецификой, половая принадлежность косвенным образом учитывается в одном или нескольких признаках состава преступления

(ст. 123, 136, 157, 357). Наконец, в-третьих, гендерные квалифицирующие признаки составов преступления характеризуются повышенной общественной опасностью, связанной с гендерными особенностями потерпевшего (п. «г» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 110, п. «б» ч. 3 и 5 ст. 110.1, п. «в» ч. 2 ст. 117, п. «е» ч. 2 ст. 126, п. «е» ч. 2 ст. 127, п. «и» ч. 2 ст. 127.1, п. «е» ч. 2 ст. 206).

Проанализировать все признаки составов преступлений в рамках одной статьи не представляется возможным. Вместе с тем для выявления гендерного подхода рассмотрим только те признаки составов преступлений, в которых сконцентрированы биологические и социальные характеристики лица, совершившего преступление и потерпевшего. Стоит подчеркнуть, что применительно к нашему исследованию мы будем понимать гендер как половую принадлежность и социальные аспекты, которые обуславливают специфику поведения субъекта преступления или потерпевшего при совершении преступления. Соответственно, будут рассмотрены статьи (части статей) Особенной части УК РФ, в которых учитываются особенности либо женщин, либо мужчин, и возможные проблемы, которые сопровождают подобное разграничение по половому признаку.

В разные периоды истории Российской Федерации законодатель то устанавливал уголовную ответственность за детоубийство, то исключал из уголовного закона подобный уголовно-правовой запрет. В настоящее время убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) считается привилегированным составом преступления из-за особенностей психофизиологического состояния лиц женского пола, наблюдаемых во время и после родов. Принимая во внимание особое состояние женщин в послеродовой период, законодатель фактически предоставил им привилегии в виде смягчения наказания за лишение жизни новорожденного ребенка.

Существующая редакция ст. 106 УК РФ справедливо критикуется учеными. Среди ключевых неопределенностей следует назвать отсутствие критериев психотравмирующей ситуации, неод-

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

нозначность понимания временного периода, ограниченного критерием «сразу же после родов», отсутствие разъяснений о возможности применения ст. 106 УК РФ в случае убийства новорожденного ребенка суррогатной матерью, возможность соучастия в убийстве матерью новорожденного ребенка. Все перечисленные неясности интересуют нас ввиду того, что каждая неточность и неоднозначность способна привести к неправильной квалификации содеянного.

Такие элементы состава преступления, как объективная сторона и субъект преступления, приобретают гендерные аспекты применительно к убийству матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в убийстве матерью новорожденного ребенка. Следует отметить, что убийство новорожденного может совершить и отец ребенка, однако содеянное будет квалифицироваться уже по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ с назначением более строгого наказания. Различия в квалификации в зависимости от пола для лиц, совершивших преступление, продиктованы рядом причин, и прежде всего наблюдаемыми в период родовой и послеродовой деятельности изменениями, происходящими в организме женщины: переменой гормонального фона, влияющей на повышенную тревожность, снижением концентрации, появлением тревожных и навязчивых мыслей и т.д. Вместе с тем все вышеизложенные особенности влияют на смягчение наказания только в случае совершения женщиной преступления во время или сразу после родов, поскольку именно в этот момент наиболее отчетливо проявляются психофизиологические изменения у женщин.

Как показывает судебная практика, в большинстве случаев убийство новорожденного ребенка совершается либо сразу же после родов, т.е. в течение суток после рождения ре-

бенка, либо по прошествии более длительного периода после родов, но в условиях психотравмирующей ситуации, которая таким образом влияет на эмоциональное состояние женщины в послеродовой период, что она решается на совершение преступления. Представляется, что критерии психотравмирующей ситуации должны быть четко определены с учетом того, что от их наличия или отсутствия зависит, имелся ли в конкретном случае состав преступления. Неопределенность в понимании психотравмирующей ситуации, в которой находилась мать новорожденного ребенка, приводит к сложностям в квалификации содеянного. Так, судебная коллегия рассмотрела апелляционную жалобу К., которая совершила убийство новорожденного ребенка сразу же после родов; никаких изменений в ее психике установлено не было, психотравмирующей ситуации также не было выявлено⁷. В апелляционной жалобе отмечалось, что суд не учел в качестве смягчающего наказания обстоятельства п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ — совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств, а также тот факт, что К. находилась в условиях психотравмирующей ситуации. Однако суд не усмотрел оснований для признания стечением тяжелых жизненных обстоятельств и психотравмирующей ситуацией увольнение с работы, отсутствие стабильного заработка, ссоры с родителями и непринятие ребенка сожителем.

В другом примере суд признал сходные обстоятельства психотравмирующими. В приговоре Нововоронежского городского суда психотравмирующая ситуация, в условиях которой И. совершила убийство новорожденного ребенка, была обусловлена «отвергающим отношением близких, одиночеством, отсутствием материальных средств на воспитание ребенка»⁸.

Наконец, в некоторых судебных актах обстоятельства, которые образуют психотравмирующую ситуацию, вовсе не раскрываются.

⁷ Апелляционное постановление Московского городского суда от 09.08.2021 по делу № 10-15633/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Приговор Нововоронежского городского суда от 25.06.2018 № 1-66/2018 по делу № 1-66/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cRucXDKbQyR/> (дата обращения: 27.02.2025).

Например, в приговоре Лузского районного суда лишь было отмечено, что Н. совершила убийство новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии ограниченной вменяемости⁹.

На наш взгляд, гендерный подход должен обеспечивать правовую определенность и единообразие судебной практики. Уголовно-правовой запрет на убийство матерью новорожденного ребенка проявляет снисходительность в отношении лиц женского пола, выносивших и родивших ребенка, но при этом оказавшихся в тяжелых социальных условиях, которые, к сожалению, в каждом конкретном уголовном деле трактуются судами по-разному.

Примечательно, что установление психотравмирующей ситуации либо выявление наличия психического расстройства, не исключающего вменяемости, не требуется для квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ. В связи с этим сам факт рождения ребенка свидетельствует о наличии таких послеродовых изменений в организме женщины, которые позволяют вести речь о смягчении наказания в случае совершения преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ. По мнению А. Н. Попова, при отсутствии психотравмирующей ситуации и состояния ограниченной вменяемости убийство, совершенное матерью новорожденного ребенка, следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ при условии, что с момента появления ребенка на свет прошло более одних суток¹⁰. Стоит согласиться с утверждением автора о том, что существующая редакция ст. 106 УК РФ наделяет лиц женского пола особыми, ничем не обоснованными привилегиями за детоубийство¹¹.

Субъектом преступления является мать новорожденного ребенка, т.е. исключительно лицо женского пола. Гендер в данном случае отражает биологические аспекты данного преступления, поскольку беременность и роды, а также связанные с этим изменения в организме присущи только женщинам. Социальные аспекты гендера заключаются в том, что преступление признается менее общественно опасным, даже с учетом его совершения в отношении новорожденного ребенка, ввиду признания особого послеродового состояния женщины, а также специфики социальной роли матери, которая из-за внешних обстоятельств (материальное положение, непринятие ребенка супругом, родственниками и т.д.) не справилась со своими обязанностями в отношении ребенка.

Ответственность за рассматриваемое преступление установлена с 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК РФ). Вместе с тем статистические данные демонстрируют, что в России ежегодно 4–4,5 тыс. детей рождаются у лиц женского пола в возрасте 14–15 лет¹². Более того, законами субъектов РФ регламентируются условия и порядок снижения брачного возраста. Так, в Республике Адыгея действует Закон «О регулировании отдельных вопросов, связанных со вступлением в брак лиц до достижения возраста шестнадцати лет», в соответствии с которым разрешение на брак может быть дано с 14 лет¹³. Возможность вступления в брак с 14 лет предусмотрена и в других субъектах РФ. При этом одним из условий получения несовершеннолетними разрешения на вступление в брак является беременность. Представляется противоречивой ситуация, при которой брак можно официально зарегистриро-

⁹ Приговор Лузского районного суда от 17.07.2020 № 1-49/2020 по делу № 1-49/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uHWs38USxdZm/> (дата обращения: 27.02.2025).

¹⁰ Попов А. Н. Убийство матерью новорожденного ребенка: некоторые проблемы квалификации и законодательные перспективы состава преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ // Криминалист. 2022. № 1 (38). С. 21.

¹¹ Попов А. Н. Указ. соч. С. 21.

¹² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 26.02.2025).

¹³ Закон Республики Адыгея от 30.11.1998 № 101 «О регулировании отдельных вопросов, связанных со вступлением в брак лиц до достижения возраста шестнадцати лет» // Ведомости Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея. 1998. № 36.

вать с 14 лет, но отсутствует возможность привлечь лицо женского пола, достигшее 14 лет и совершившее убийство новорожденного ребенка, к ответственности по ст. 106 УК РФ. На наш взгляд, возраст привлечения к ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ, следует установить с 14 лет.

Одним из самых актуальных на сегодняшний день является вопрос о возможности применения ст. 106 УК РФ к суррогатной матери¹⁴. Примечательно, что упоминание законодателем в диспозиции ст. 106 УК РФ именно матери имеет определенную социальную направленность. Во-первых, в Толковом словаре С. И. Ожегова мать понимается как «женщина по отношению к своему ребенку»¹⁵. «По отношению» означает, что именно матери свойственно заниматься кормлением, выхаживанием, воспитанием детей. Во-вторых, сочетание слова «мать» с «убийством ребенка» априори носит исключительный характер, чем подчеркивается особенность данного состава преступления.

Суррогатная мать вынашивает и рождает ребенка, в свою очередь, дальнейшим воспитанием занимается биологическая мать. Между тем, как верно подчеркивают В. В. Рудич и М. А. Хомякова, психофизиологические изменения, связанные с родами, в такой ситуации наблюдаются именно у суррогатной матери, поэтому убийство ею новорожденного следует квалифицировать по ст. 106 УК РФ, а аналогичное деяние биологической матери — по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁶.

Далее перейдем к рассмотрению гендерных аспектов изнасилования (ст. 131 УК РФ). Потер-

певшим на основании ст. 131 УК РФ может быть признано исключительно лицо женского пола, независимо от социального статуса, положения в обществе, профессии, отношений с лицом, совершившим преступление. Указание на половую принадлежность потерпевшего в ст. 131 УК РФ объясняется следующими факторами: исторически сложившимися стереотипами о материальной и духовной зависимости женщин от мужчин, а также повышенной охраной репродуктивного здоровья лиц женского пола.

Что касается субъекта преступления, то мнения ученых разделились: субъектом является только лицо мужского пола¹⁷ либо любое лицо, совершившее преступление, независимо от половой принадлежности¹⁸. В контексте рассматриваемой темы указанная дискуссия интересна с точки зрения определения возможности признания лица женского пола субъектом преступления, предусмотренного статьей 131 УК РФ. Иными словами, если субъектом данного преступления может быть исключительно мужчина, то встает вопрос о квалификации действий лиц женского пола, которые приняли участие в выполнении объективной стороны, но не совершали непосредственно полового сношения.

Как отмечает В. И. Ткаченко, женщины не обладают признаками специального субъекта преступления, следовательно, их участие в выполнении объективной стороны необходимо квалифицировать как пособничество, а изменять квалификацию одних и тех же действий только в зависимости от половой принадлежности недопустимо¹⁹. Другие ученые, напротив,

¹⁴ Нечаева А. В., Фазуллина А. И. Правовое регулирование убийства новорожденного ребенка генетической и суррогатной матерью // Студенческий вестник. 2020. № 21-3 (119). С. 32–33.

¹⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. и доп. М. : Мир и образование, 2019. С. 522.

¹⁶ Рудич В. В., Хомякова М. А. Убийство матерью новорожденного ребенка: терминологический аспект // Современное право. 2024. № 8. С. 72.

¹⁷ Мотин А. В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 102.

¹⁸ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М. : Проспект, 2020. С. 89.

¹⁹ Ткаченко В. И. Преступления против личности : учеб. пособие / под ред. Б. В. Здравомыслова. М. : Все-союзный юридический заочный институт, 1981. С. 43.

считают, что лица женского пола могут быть признаны соисполнителями изнасилования²⁰.

На наш взгляд, лица женского пола могут быть признаны соисполнителями изнасилования, поскольку они участвуют в выполнении объективной стороны, а именно одной из частей сложного преступления, путем применения насилия к потерпевшей. Данные судебной статистики демонстрируют, что содеянное лицами женского пола квалифицируется по ч. 2–4 ст. 131 УК РФ. Так, в 2017 г. было осуждено 12 женщин, в 2018 г. — 8 женщин, в 2019 г. — 7 женщин, в 2020 г. — 9 женщин, 2021 г. — 11 женщин, в 2022 г. — 2 женщины, в 2023 г. — 8 женщин, в 2024 г. — 7 женщин²¹. Вместе с тем в 2023 г. содеянное лицом женского пола было квалифицировано по ч. 1 ст. 131 УК РФ.

Среди решений высших судебных инстанций одним из знаковых является определение Верховного Суда РФ от 04.09.2007 № 9-О07-61, в котором подчеркивается, что женщина, которая применяет насилие к потерпевшей для облегчения совершения полового сношения, признается соисполнителем изнасилования²². Более того, лица женского пола в большинстве случаев выступают инициаторами изнасилования, дают указания о характере действий, совершаемых лицами мужского пола, а также физически удерживают потерпевшую²³.

Следующим составом преступления, в котором можно говорить о применении гендерного подхода, является статья 145 УК РФ. Потерпевшим от необоснованного увольнения или необоснованного отказа в приеме на работу может быть лицо женского пола, обладающее определенными характеристиками: состоянием беременности либо наличием ребенка (детей) до трех лет. Стоит отметить, что в наибольшей степени гендерный подход фиксируется в дискриминационном мотиве рассматриваемого преступления. Как подчеркивается в определении Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 353-О, общественная опасность, необходимая для криминализации деяния, в ст. 145 УК РФ присуща именно дискриминационному мотиву, связанному с беременностью или наличием у женщины детей до трех лет²⁴. Мотивом является нежелание работодателя предоставлять беременным женщинам, а также женщинам, имеющим детей до трех лет, предусмотренные законом льготы в трудовой сфере²⁵. При этом внимания заслуживают данные судебной статистики. Так, по ст. 145 УК РФ с 1997 по 2023 г. было осуждено всего 32 человека²⁶. Вместе с тем в 2023 г. более 25 % женщин при приеме на работу сталкивались с дискриминацией по половому признаку²⁷. Совершенно очевидно,

²⁰ См.: *Сергеев В. В.* Соисполнительство по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 16 ; *Пантюхина И. В., Кольцова Е. Ю.* Проблемы квалификации соучастия со специальным субъектом в сложных преступлениях (на примере изнасилования) // *Юридическая наука.* 2023. № 6. С. 209.

²¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 18.02.2025).

²² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 5.

²³ Определение Верховного Суда РФ от 04.09.2007 № 9-О07-61.

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 353-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Черепанцева Петра Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации и статьей 145 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 14-е изд. / под ред. А. И. Рарога. М. : Проспект, 2025. С. 317.

²⁶ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

²⁷ Женщины в профсоюзах: документы, социология, практика // Официальный сайт Федерации независимых профсоюзов России. URL: <https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/zhenshchiny-v-profsoyuzakh-dokumenty-sotsiologiya-praktika.html> (дата обращения: 18.02.2025).

что работодатель, необоснованно отказывая женщине в приеме на работу либо необоснованно увольняя, скрывает совершенное деяние за правомерными действиями. Работодатели вынуждают женщин увольняться по собственному желанию, а при отказе в приеме на работу ссылаются на несоответствие принятым в организации требованиям.

Далее рассмотрим составы преступления, в которых гендерная специфика проявляется косвенным образом либо при указании на половую принадлежность потерпевшего, либо в таком элементе состава преступления, как объективная сторона, в которой заложены особенности, присущие или мужчинам, или женщинам: ст. 123 УК РФ — искусственное прерывание беременности (аборт), ст. 136 УК РФ — дискриминация в зависимости от пола, ст. 157 УК РФ — неуплата средств на содержание несовершеннолетних или нетрудоспособных детей (алиментных платежей), ст. 357 УК РФ — воспрепятствование деторождению.

Гендерная специфика в составе, предусмотренном статьей 123 УК РФ, помимо объективной стороны, проявляется также в объекте, поскольку согласно ч. 2 этой статьи потерпевшим может быть исключительно лицо женского пола, давшее согласие на производство искусственного прерывания беременности.

Действия или бездействие, которые признаются дискриминацией по полу в ст. 136 УК РФ, обладают сходными чертами с необоснованным увольнением или отказом в приеме на работу по дискриминационному мотиву, указанному в ст. 145 УК РФ. В предусмотренных ими составах речь идет о дискриминации, только в первом случае она не относится исключительно к лицам женского пола и может осуществляться в любой сфере жизни общества, а во втором ответственность устанавливается только за дискриминацию беременных женщин и женщин с детьми до трех лет и лишь в трудовой сфере.

Рассматривать гендерную специфику ст. 157 УК РФ следует, обратившись к данным статисти-

ки. Так, по ч. 1 ст. 157 УК РФ в 2022 г. было осуждено 36 029 лиц мужского пола и 12 905 лиц женского пола, в 2023 г. — 29 818 лиц мужского пола и 11 439 лиц женского пола, в 2024 г. — 29 172 лица мужского пола и 13 410 лиц женского пола²⁸. Большинство осужденных за неуплату алиментных платежей являются мужчинами; гендерный разрыв объясняется практикой материального содержания семьи, в том числе детей, именно мужчинами.

Гендерная специфика состава преступления, предусмотренного статьей 357 УК РФ, проявляется в одном из способов совершения преступления — насильственном препятствовании деторождению, которое осуществляется в том числе с помощью проведения абортов вопреки воле лиц женского пола, а также иных медицинских вмешательств, направленных на лишение возможности иметь детей.

Наконец, третий вид составов преступлений отражает гендерный подход при конструировании квалифицирующих признаков составов преступлений. Рассмотрение всех гендерных квалифицирующих признаков подобных составов не представляется возможным в рамках одной статьи. Между тем целесообразно выделить их отличительные черты. Все квалифицирующие признаки, отражающие гендерные особенности, сконцентрированы в составах преступлений, предусмотренных нормами гл. 16 и 17 УК РФ. Во всех квалифицирующих признаках указанных составов ответственность усиливается ввиду посягательства на специального потерпевшего — беременную женщину. При этом виновный должен заведомо быть осведомлен о совершении преступления в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности. К числу спорных относится вопрос об установлении степени заведомой осведомленности лица. Одни ученые считают, что заведомость включает в себя и предположительное знание, поскольку степень уверенности лица не влияет на несомненность знания о беременности²⁹. Другие, напротив, подчеркивают, что без установления

²⁸ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

²⁹ *Бородин С. В.* Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М. : Юрист, 1994. С. 77.

несомненных данных, свидетельствующих о вынашивании женщиной ребенка, нельзя вменять соответствующий квалифицирующий признак³⁰.

В судебной практике заведомая осведомленность о беременности оценивается по-разному. Так, например, в апелляционном определении Пятого апелляционного суда общей юрисдикции указывается, что о беременности потерпевшей осужденный С. знал заранее, что подтверждается пояснениями, которые были им даны в ходе предварительного и судебного следствия³¹. В другом апелляционном определении отмечено, что осужденный Г. совершил убийство беременной жены в состоянии алкогольного опьянения на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, узнав от супруги, что она хочет расторгнуть брак, поскольку беременна от другого мужчины³².

В этой связи можно сделать вывод, что гендерный подход, заключающийся в дифференциации уголовной ответственности в зависимости от биологических, социокультурных, статусно-семейных характеристик лиц мужского и женского пола, предопределяет существование в УК РФ трех видов составов преступлений, в которых гендерная специфика либо проявляется

в нескольких элементах состава преступления, либо косвенным образом выводится из одного элемента состава преступления, либо концентрируется только в квалифицирующем признаке состава преступления. Стоит подчеркнуть, что, принимая во внимание половую принадлежность субъекта преступления либо потерпевшего, законодатель стремится обеспечить равенство реальных возможностей, которое требует учета индивидуальных особенностей человека. Можно сделать вывод, что применение гендерного подхода в статьях (частях статей) УК РФ является отражением принципов равенства всех перед законом, справедливости и гуманизма. Существующее в нынешней редакции УК РФ разграничение лиц, совершивших преступление, а также потерпевших по половой принадлежности продиктовано рядом причин, среди которых повышенная охрана репродуктивного здоровья лиц женского пола, проведение политики государственной защиты института материнства и детства, стремление обеспечить равные возможности для реализации своих прав мужчинами и женщинами. Вместе с тем учет гендерных особенностей должен быть обоснованным и не допускать дискриминации по полу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аллайуа К. В.* Эволюция теоретических подходов к определению гендера // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 5. — С. 15–18.
2. *Бородин С. В.* Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. — М.: Юрист, 1994. — 216 с.
3. *Гидденс Э.* Социология / науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Иосилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.
4. *Дядюн К. В.* Гендерный подход в уголовном праве: история и современность // Всероссийский криминологический журнал. — 2011. — № 1. — С. 27–32.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рарога. — 14-е изд. — М.: Проспект, 2025. — 1032 с.

³⁰ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С. 229; *Хатуев В. Б.* Уголовная ответственность за убийство беременной женщины в российском законодательстве: становление, развитие и современное состояние // Государство и право. 2021. № 3. С. 75.

³¹ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 20.11.2024 по делу № 55-841/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

³² Апелляционное определение Апелляционного военного суда от 10.09.2024 № 55-468/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе : монография. — М. : Проспект, 2015.
7. Мотин А. В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019.
8. Нечаева А. В., Фазуллина А. И. Правовое регулирование убийства новорожденного ребенка генетической и суррогатной матерью // Студенческий вестник. — 2020. — № 21-3 (119). — С. 32–33.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. и доп. — М. : Мир и образование, 2019. — 1376 с.
10. Попов А. Н. Убийство матерью новорожденного ребенка: некоторые проблемы квалификации и законодательные перспективы состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ // Криминалистъ. — 2022. — № 1 (38). — С. 19–26.
11. Рудич В. В., Хомякова М. А. Убийство матерью новорожденного ребенка: терминологический аспект // Современное право. — 2024. — № 8. — С. 70–72.
12. Сергеев В. В. Соисполнительство по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1972. — 17 с.
13. Ткаченко В. И. Преступления против личности : учеб. пособие / под ред. Б. В. Здравомыслова. — М. : Всесоюзный юридический заочный институт, 1981. — 77 с.
14. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. — М. : Проспект, 2020. — 685 с.
15. Хатуев В. Б. Уголовная ответственность за убийство беременной женщины в российском законодательстве: становление, развитие и современное состояние // Государство и право. — 2021. — № 3. — С. 67–82.
16. Хачак Б. Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Краснодар, 2014. — 206 с.
17. Яворская О. А. К вопросу о сущности понятия «гендер» // Омский научный вестник. — 2005. — № 4 (33). — С. 62–64.

Материал поступил в редакцию 6 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Allayua K. V. Evolyutsiya teoreticheskikh podkhodov k opredeleniyu gendera // Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. — 2022. — № 5. — S. 15–18.
2. Borodin S. V. Otvetstvennost za ubiystvo: kvalifikatsiya i nakazanie po rossiyskomu pravu. — M.: Yurist, 1994. — 216 s.
3. Giddens E. Sotsiologiya / nauch. red. V. A. Yadov; obshch. red. L. S. Gurevoy, L. N. Iosilevicha. — M.: Editorial URSS, 1999. — 703 s.
4. Dyadyun K. V. Gendernyy podkhod v ugovolnom prave: istoriya i sovremennost // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. — 2011. — № 1. — S. 27–32.
5. Kommentariy k Ugovolnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / pod red. A. I. Raroga. — 14-e izd. — M.: Prospekt, 2025. — 1032 s.
6. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V., Tarusina N. N. Gender v zakone: monografiya. — M.: Prospekt, 2015.
7. Motin A. V. Kvalifikatsiya prestupleniy protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019.
8. Nechaeva A. V., Fazullina A. I. Pravovoe regulirovanie ubiystva novorozhdennogo rebenka geneticheskoy i surrogatnoy materyu // Studencheskiy vestnik. — 2020. — № 21-3 (119). — S. 32–33.

9. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy / pod red. prof. L. I. Skvortsova. — 28-e izd., pererab. i dop. — M.: Mir i obrazovanie, 2019. — 1376 s.
10. Popov A. N. Ubiystvo materyu novorozhdennogo rebenka: nekotorye problemy kvalifikatsii i zakonodatelnye perspektivy sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 106 UK RF // Kriminalist. — 2022. — № 1 (38). — S. 19–26.
11. Rudich V. V., Khomyakova M. A. Ubiystvo materyu novorozhdennogo rebenka: terminologicheskii aspekt // Sovremennoe pravo. — 2024. — № 8. — S. 70–72.
12. Sergeev V. V. Soispolnitelstvo po sovetskomu ugovnomu pravu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1972. — 17 s.
13. Tkachenko V. I. Prestupleniya protiv lichnosti: ucheb. posobie / pod red. B. V. Zdravomyslova. — M.: Vsesoyuznyy yuridicheskii zaochnyy institut, 1981. — 77 s.
14. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Osobennaya chast: uchebnyk / pod red. I. E. Zvecharovskogo. — M.: Prospekt, 2020. — 685 s.
15. Khatuev V. B. Ugolovnaya otvetstvennost za ubiystvo beremennoy zhenshchiny v rossiyskom zakonodatelstve: stanovlenie, razvitie i sovremennoe sostoyanie // Gosudarstvo i pravo. — 2021. — № 3. — S. 67–82.
16. Khachak B. N. Gendernyy podkhod v institute ugovnogo nakazaniya: ugovno-pravovye, penitentsiarnye i kriminologicheskie problemy: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. — Krasnodar, 2014. — 206 s.
17. Yavorskaya O. A. K voprosu o sushchnosti ponyatiya «gender» // Omskiy nauchnyy vestnik. — 2005. — № 4 (33). — S. 62–64.

Уголовно-правовая политика в сфере экономики: обзор изменений законодательства в 2024 г.

Аннотация. Статья посвящена оценке последних законодательных изменений, нацеленных на формирование дифференцированных направлений уголовно-правовой политики в сфере регулирования и охраны публичных и частных экономических отношений. Автор приходит к выводу о важности использования более системного подхода при внесении изменений, направленных на охрану налоговых правоотношений. Конкретизацией данного вывода выступает констатация необходимости дополнения механизма уголовно-правового регулирования в части ответственности за организацию деятельности по представлению в инспекцию и сбыту заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов) (ст. 173.3 УК РФ) методом поощрения — специальными обстоятельствами, освобождающими от уголовной ответственности. Делается вывод о том, что динамика размеров значимого для составов экономических преступлений ущерба не ведет к снижению интенсивности уголовно-правового регулирования и охраны соответствующих отношений (как публичных, так и частных), а сохраняет уровень уголовно-правового воздействия на них. Указывается, что системность уголовно-правовой политики в сфере экономики (с учетом ее дифференциации на частный и публичный аспект) может быть достигнута посредством разработки ее стратегии.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика в сфере экономики; дифференциация ответственности; налоговые преступления; поощрение; ограничение ответственности; крупный ущерб; системность изменений; стратегия уголовной политики; поддельные счета-фактуры; инфляция.

Для цитирования: Росляков В. Д. Уголовно-правовая политика в сфере экономики: обзор изменений законодательства в 2024 г. // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 72–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.072-080.

Criminal Law Policy in the Economic Sphere: An Overview of Legislative Amendments in 2024

Vladislav D. Roslyakov, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Lawyer, «Olga Renova & Partners» Law Firm, Moscow, Russian Federation
roslyakov.vladislaus@yandex.ru

Abstract. The paper provides for the assessment of recent legislative changes aimed at shaping differentiated directions of criminal law policy in the regulation and protection of public and private economic relations. The author concludes that a more systemic approach is required when introducing amendments aimed at safeguarding tax relations. As a specification of this conclusion, the need is asserted to supplement the criminal-law regulatory mechanism concerning liability for organizing activities to submit to the tax authority and to market knowingly forged invoices and tax returns (Art. 173.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) by means of incentives,

© Росляков В. Д., 2025

* Росляков Владислав Дмитриевич, аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), юрист Адвокатского бюро города Москвы «Ольга Ренова и партнеры»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
roslyakov.vladislaus@yandex.ru

i.e., special circumstances that would exempt from criminal liability. It is argued that changes in the thresholds of damage significant for the elements of economic offenses should not be interpreted as a reduction in the intensity of criminal-law regulation and protection of the relevant relations (both public and private), but rather as a maintenance of the level of criminal-law impact on them. The paper further notes that achieving systematic criminal-law policy in the economic sphere (taking into account its differentiation into private and public aspects) requires the development of a coherent strategy.

Keywords: criminal-law policy in the economic sphere; differentiation of liability; tax crimes; incentives; limitation of liability; significant damage; systemic nature of changes; strategy of criminal policy; forged invoices; inflation.

Cite as: Roslyakov VD. Criminal Law Policy in the Economic Sphere: An Overview of Legislative Amendments in 2024. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):72-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.072-080.

В 2021 г. Президент РФ обозначил стратегические направления укрепления национальной безопасности Российской Федерации. Так, в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400¹ фигурировали следующие задачи, направленные на усиление экономической безопасности страны:

- снижение доли теневого и криминального секторов экономики;
- снижение уровня коррупции в предпринимательской среде;
- пресечение монополистической деятельности и антиконкурентных соглашений;
- деофшоризация экономики;
- совершенствование системы государственного контроля в сфере экономической деятельности и т.д.

В упомянутом политико-правовом документе названы исключительно направления, реализуя которые Российская Федерация сможет укрепить собственную экономическую безопасность. Однако данная стратегия не содержит конкретизации правовых и организационных средств, посредством применения которых данные задачи должны быть решены. Законодатель для реализации направлений обеспечения эконо-

мической безопасности может в полной мере использовать весь спектр правового инструментария, в том числе уголовно-правовые меры.

Осуществить такой подход позволяет и отсутствие документально закрепленных направлений именно уголовно-правовой политики: специального стратегического документа, указывающего эти направления, по настоящий момент не принято. Вместе с тем необходимость подобной концепции не вызывает сомнений, что подтверждается проявлением особого внимания к данному вопросу со стороны Министерства юстиции Российской Федерации² и ученых в сфере уголовного права³.

Как верно отмечает Н. С. Грудинин, в идеале именно уголовно-правовая политика должна определять содержание уголовного закона⁴. Таким образом, сначала разрабатывается концепция, а затем вносятся законодательные изменения. Однако на практике все складывается иначе. При отсутствии концепции выявить направления уголовно-правовой политики регулирования и охраны отношений в сфере экономики возможно, лишь анализируя изменения, которые вносятся в действующее законодательство. Экономическая сфера является одной из

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² В Минюсте России обсудили вопросы подготовки Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49883/> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Гримальская С. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Современное право. 2024. № 4. С. 106–110.

⁴ Грудинин Н. С. Содержание и основные направления уголовно-правовой политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 2 (847). С. 135.

наиболее интересных и значимых для подобного анализа.

За 2024 г. уже традиционно законодатель внес большое количество изменений в уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за преступные посягательства на экономические отношения. И оценка подобных изменений может быть неоднозначной:

— с одной стороны, некоторые изменения свидетельствуют о снижении интенсивности использования уголовно-правового инструментария для охраны экономических отношений и их замены иными правовыми средствами (механизмами гражданско-правовой защиты);

— с другой стороны, такого рода изменения указывают на снижение темпов либерализации уголовного законодательства по охране именно публичного экономического интереса.

В связи с этим закономерно новшества уголовного законодательства за 2024 г. рассматривать в двух плоскостях: с позиций уголовно-правовой охраны публичного экономического интереса и с позиций уголовно-правовой охраны частного экономического интереса. Верность такого подхода исследования преступлений в сфере экономики отмечается и в научной литературе. Так, О. А. Зайцев и С. Л. Нудель указали, что в гл. 22 УК РФ законодатель предусмотрел две группы преступлений, посягающих на различные по характеру регулирования отношения в сфере экономики: преступления, посягающие на частные экономические интересы, и преступления, посягающие на публичные экономические интересы⁵. Соответственно, неоднородность характера общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране нормами гл. 21–23 УК РФ, предполагает применение раз-

личных (и даже противоположных) стратегий уголовно-правовой политики к таким группам отношений. Представляется, что приведенный подход к рассмотрению обозначенных вопросов в области уголовно-правового регулирования и охраны отношений в сфере экономики хотя и является рациональным, но не отражается в современной действительности.

Если ранее, как справедливо отметил С. Д. Гринько, уголовно-правовая политика в сфере экономики (в том числе по борьбе с налоговой преступностью) имела либеральный характер⁶, то сейчас в рамках охраны публичных экономических интересов прослеживаются определенные изменения. За последний год законодатель снизил темпы либерализации уголовно-правовой охраны налоговых правоотношений. Так, им была введена уголовная ответственность за организацию деятельности по представлению в инспекцию и сбыту заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов) (ст. 173.3 УК РФ)⁷. Согласно пояснительной записке к соответствующему законопроекту, введение нового состава преступления направлено на заполнение пробела в уголовном законодательстве. Так, по ст. 199 УК РФ лицо, представившее заведомо подложный счет-фактуру, не привлекается к уголовной ответственности в связи с тем, что оно не уклонялось от уплаты налога. Доход, полученный за представление заведомо подложного счета-фактуры, также находится вне воздействия уголовно-правовой охраны ввиду того, что такое действие не охватывается ни одним из имеющихся составов преступлений⁸. Соответственно, введение уголовной ответственности за совершение указанных действий обуслов-

⁵ Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения) : монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель ; ИЗИСП при Правительстве РФ. М. : Контракт, 2021. С. 80.

⁶ Гринько С. Д. Уголовная политика России в сфере противодействия экономической преступности // Аграрное и земельное право. 2021. № 11 (303). С. 134.

⁷ Федеральный закон от 23.11.2024 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7213.

⁸ Пояснительная записка к законопроекту № 263208-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28-1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления ответственности за сбыт и представление в налоговые органы заведомо подложных

лено минимизацией факторов, способствующих уходу лиц от исполнения обязанности по уплате налогов и сборов.

Анализируя составы преступлений, предусмотренных статьей 173.3 УК РФ, сто́ит отметить ряд моментов. Из судебной практики арбитражных судов по рассмотрению дел об оспаривании решений налоговых органов о привлечении к налоговой ответственности усматривается, что использование поддельных счетов-фактур является одним из основных способов получения незаконной налоговой выгоды в результате неправомерного применения налоговых вычетов по НДС. Более того, в таком случае судами устанавливается вся цепочка контрагентов, которые состоят в сговоре, и в том числе лиц, которые представили недостоверные счета-фактуры⁹. В уголовных делах по составам, предусмотренным статьей 199 УК РФ, суды устанавливают аналогичные обстоятельства (организацию формального документооборота с фирмами-однодневками для необоснованного применения налоговых вычетов по НДС)¹⁰. Как правило, для реализации подобных схем ухода от налогообложения используются «технические» компании, что подразумевает отсутствие реальной экономической деятельности, наличие номинального генерального директора у организации и т.д. «Технические» компании находятся под полным контролем и фактическим управлением налогоплательщика, использовавшего соответствующие счета-фактуры для ухода от налогообложения.

При этом в ч. 1 ст. 173.3 УК РФ установлена ответственность именно за организацию деятельности по представлению в налоговые органы и сбыту заведомо подложных счетов-фактур. Следовательно, в ситуации, когда имеет место использование «технических» компаний

для изготовления и представления заведомо поддельных счетов-фактур в налоговые органы, налогоплательщик, выступивший организатором преступной схемы, подпадает под уголовную ответственность и по ст. 173.3, и по ст. 199 УК РФ. Такой вывод следует из правил квалификации преступлений по объективной стороне. Организация деятельности по представлению заведомо подложных счетов-фактур в налоговые органы в случае подчиненности «технических» компаний налогоплательщику является способом совершения преступного деяния, предусмотренного частью 1 или 2 ст. 199 УК РФ. Соответственно, оценивая санкции ч. 1 ст. 173.3 и ч. 1 ст. 199 УК РФ, сто́ит заключить, что способ совершения преступления в данном случае является более общественно опасным, чем само деяние, а значит, лицо (генеральный директор организации-налогоплательщика) будет нести ответственность по двум указанным составам преступлений.

Таким образом, с целью повышения интенсивности уголовно-правовой охраны налоговых правоотношений законодатель предусмотрел состав преступления, устанавливающий уголовную ответственность за способ совершения преступления, предусмотренного статьей 199 УК РФ, и оценил подобный способ как более общественно опасный, нежели само деяние. Указанная новелла, безусловно, повышает возможности применения уголовной ответственности для предупреждения посягательств на нормальный порядок налогообложения. Об эффективности и целесообразности этого нововведения сто́ит говорить после его применения на практике. Вместе с тем вопросы квалификации данного состава не вызывают особых сложностей, поскольку все предполагаемые разночтения признаков будут «мнимой» неопределенностью,

счетов-фактур и налоговых деклараций) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/263208-8> (дата обращения: 17.03.2025).

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.02.2025 по делу № А40-273151/2022 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2024 № 09АП-56778/2024 по делу № А40-25733/2024 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰ Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 27.04.2022 по делу № 22-574/2022.

т.е. не будут достигать той степени неопределенности, при которой норма не может регулировать общественные отношения¹¹.

Но уже в настоящее время ввиду внесения таких изменений в законодательство можно сделать значимый вывод об избранном направлении уголовно-правовой политики по регулированию и охране публичных отношений в сфере экономики: законодатель не настроен на отказ от использования уголовно-правового инструментария для противодействия посягательствам на установленный порядок уплаты налогов и сборов. Стоит отметить, что обоснованность сохранения уголовной ответственности за уход от налогообложения высказывается и в научной литературе. В частности, Ю. В. Николаева и О. А. Северюхина считают, что отказ от уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов есть излишняя либерализация уголовного законодательства¹². В связи с этим тенденции либерализации, которыми ранее характеризовали уголовно-правовую политику в сфере налогообложения, сейчас претерпевают определенную стагнацию.

Представляется, что, несмотря на существующие объективные показатели необходимости борьбы с неисполнением конституционной обязанности по уплате установленных налогов и сборов, реакции законодателя наподобие введения ст. 173.3 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за частные действия, которые способствуют совершению налоговых преступлений, нельзя считать оправданной мерой. Так, возможность привлечения к уголовной ответственности за представление в налоговый орган заведомо поддельных счетов-фактур является неэффективным мотивирующим фактором отказа от преступной деятельности для лица, реализующего умысел на уход от налогообложения. В свою очередь лица, организующие исключительно сбыт поддельных счетов-фактур, вполне могут осуществлять подобную деятельность на суммы до 3,5 млн руб. и таким образом

избегать уголовной ответственности ввиду материальной конструкции состава ст. 173.3 УК РФ.

Следует также учесть потенциальное негативное влияние подобной уголовно-правовой меры на процесс сбора доказательств налоговыми органами в рамках выездных налоговых проверок: лица, осознавая риски уголовной ответственности по ст. 173.3 УК РФ, впредь не будут сотрудничать с налоговыми и правоохранительными органами в рамках выездных и камеральных налоговых проверок или уголовных дел, возбужденных по ст. 199 УК РФ в отношении налогоплательщика, получившего необоснованную налоговую выгоду в результате использования поддельных счетов-фактур.

Приведенные аргументы подтверждают, что в рамках уголовно-правовой политики регулирования и охраны налоговых правоотношений законодателю стоит рассмотреть возможность развития соответствующих специальных поощрений в рамках уголовного законодательства для потенциальных субъектов преступления, предусмотренного статьей 173.3 УК РФ (в частности, специальные обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности). В целом надлежащей мерой реагирования на различные налоговые схемы является исключение возможности злоупотребления предоставленными налогоплательщикам правовыми средствами, в частности, путем совершенствования системы налоговой отчетности, предполагающей раскрытие реальных экономических отношений с их последующей проверкой со стороны налоговых органов. При наличии серьезных штрафных санкций, уже в настоящее время предусмотренных налоговым законодательством, необходимость уголовно-правовой реакции на злоупотребления в сфере налоговых правоотношений будет сведена к минимуму. Таким образом, потенциальные преступники должны быть лишены фактической возможности сокрытия от налоговых органов значимой для целей налогообложения информации.

¹¹ Яни П. С. Неопределенность уголовно-правового регулирования отношений в сфере экономики: действительная и мнимая // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 2. С. 25.

¹² Николаева Ю. В., Северюхина О. А. Тенденции развития уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления // Образование и право. 2020. № 3. С. 361.

О неопределенности уголовно-правовой политики в сфере налоговых правоотношений свидетельствуют и иные изменения законодательства. Так, в 2024 г. были увеличены размеры дохода и ущерба, образующие составы экономических преступлений. Некоторые исследователи, в частности В. Н. Воронин, оценивают аналогичные изменения, реализованные в предыдущие годы, в качестве устойчивой тенденции частичной декриминализации¹³. Однако если анализировать реальное социально-экономическое положение, то на вопросы уголовно-правовой политики последние изменения законодательства в части повышения размеров налогов и таможенных платежей, уклонение от которых формирует состав преступления¹⁴, не оказывают существенного влияния. Полагаем достаточно сомнительным, что, увеличивая их, законодатель преследует цели усилить или ослабить уголовно-правовое воздействие. Рост указанных сумм обусловлен объективными экономическими изменениями и связан с инфляцией.

С течением времени в значительной степени изменяется реальная стоимость денежных средств. Так, по данным Росстата, уровень инфляции в Российской Федерации за 2024 г. составил 9,52 %, за 2023 г. — 7,43 %¹⁵. Следовательно, повышение значимых для привлечения к уголовной ответственности размеров налогов и сборов, таможенных пошлин нельзя оценивать в качестве реализации особого, нового направления уголовно-правовой политики по регулированию и охране публичных отношений в сфере экономики. Несмотря на формальную декриминализацию, с учетом рыночных изменений такое положение является не послаблением ответственности, а коррекцией уголовно-

правовых составов с учетом объективных показателей уровня инфляции.

Схожей логики следует придерживаться и касательно увеличения размеров дохода и ущерба, образующих составы преступлений с посягательством на частные экономические отношения. Так, повышение порогов крупного размера при причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (примечание к ст. 165 УК РФ) тоже представляет собой отражение объективных экономических изменений, связанных с инфляцией. Данный подход закономерно вытекает из темпорального анализа признака причиненного имущественного ущерба в судебной практике. Так, если в настоящее время (2021–2025 гг.) при рассмотрении уголовных дел по ст. 165 УК РФ фигурируют суммы имущественного ущерба около 22,6 млн руб.¹⁶, то ранее (в 2016 г.) подобные суммы были значительно ниже — 600 тыс. руб.¹⁷, 50–60 тыс. руб.¹⁸ Безусловно, приведенная корреляция связана лишь с частными примерами конкретных обстоятельств уголовных дел, но с учетом фактора значительной инфляции, изменения курса рубля следует заключить, что динамика размеров значимого для составов экономических преступлений ущерба не указывает на снижение интенсивности уголовно-правового регулирования и охраны соответствующих отношений. Такого рода законодательные поправки направлены на сохранение существующего уровня уголовно-правового воздействия в свете объективных экономических изменений.

В то же время представляется достаточно справедливым замечание Н. А. Лопашенко, которая указывает на отсутствие системности в определении стоимостного выражения крупно-

¹³ Уголовно-правовые риски экономической деятельности : учебник / под ред. А. А. Бимбинова, В. Н. Воронина. М., 2025. С. 366.

¹⁴ Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 15. Ст. 1972.

¹⁵ Официальная статистика по ценам и инфляции // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁶ Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 13.12.2021 № 22-2117/2021.

¹⁷ Постановление Президиума Белгородского областного суда от 07.04.2016 № 4У-163/2016.

¹⁸ Постановление Президиума Ростовского областного суда от 14.01.2016 № 44У-2/2016.

го (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности. Количество вариаций указанных значений применительно к различным составам преступлений, содержащихся в гл. 22 УК РФ, постоянно увеличивается, а разница между минимальным и максимальным порогом значений тенденциозно растет¹⁹. С учетом такой ситуации и уровня инфляции в отношении посягательств на один непосредственный объект преступления законодатель (осознанно или неосознанно) сохраняет существующую степень уголовно-правового воздействия, а в отношении других осуществляет политику криминализации. Представляется, что подобное положение возникает вследствие отсутствия сформированных и конкретизированных направлений уголовно-правовой политики регулирования и охраны отношений в сфере экономики (как частных, так и публичных). В частности, законодатель установил большое количество выражений крупного размера дохода, ущерба, задолженности, но не предусмотрел факторы, влияющие на их размер. Отсутствие конкретных и зафиксированных критериев определения их стоимостного выражения приводит к бессистемности правового регулирования.

Разделение составов преступлений, предусмотренных главами 21–23 УК РФ, по принципу преобладания публичного или частного аспекта в непосредственном объекте не является универсальным при оценке современной уголовно-правовой политики. Во многом изменения, внесенные в составы преступлений, охраняющие частные интересы, направлены на обеспечение публичных интересов. И это выявляется в ходе комплексного анализа всей базы законодательства.

Так, в определенной степени регулируют и повышают интенсивность уголовно-правовой охраны публичных экономических отношений изменения, внесенные законодателем в ст. 178 УК РФ. В 2024 г. была введена повышенная уголовная ответственность за заключение

антиконкурентных соглашений, позволивших манипулировать ценами на торгах. Особенность новеллы для охраны публичных экономических отношений заключается в том, что квалифицированный состав, предусмотренный частью 2 ст. 178 УК РФ, может вменяться лицу только в случае, если совершенное деяние (антиконкурентное соглашение) повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах, проведение которых в соответствии с законодательством Российской Федерации является обязательным. В частности, к случаям обязательного проведения торгов относятся: приватизация государственного и муниципального имущества согласно одноименному Федеральному закону от 21.12.2001 № 178-ФЗ; продажа и передача в аренду земельных участков, находящихся в публичной собственности (п. 1 ст. 39.3, п. 1 ст. 39.6 ЗК РФ); продажа имущества в процессе банкротства (публичные интересы затрагиваются в случае, если в качестве одного из кредиторов выступает ФНС России) и т.д. Однако указанное не исключает возможности посягательства на сугубо частные экономические отношения (например, в ходе торгов при исполнительном производстве или процедуре банкротства, где кредиторами выступают исключительно контрагенты должника, не имеющие публично-правовой природы).

Повышение уголовной ответственности за картели, которые позволили манипулировать ценами на торгах, сто́ит оценить в качестве положительного решения законодателя. Такой подход обосновывается тем, что процедура торгов является серьезным полем для преступных злоупотреблений со стороны ее участников, а значит, эти изменения имели объективные предпосылки. А. Н. Лясколо еще до внесения соответствующих поправок в ст. 178 УК РФ анализировал вопрос воздействия на процедуру торгов картельных соглашений. В результате анализа судебной практики названный автор пришел к выводу, что «сговор участников торгов всегда приводил к минимальному сниже-

¹⁹ Лопашенко Н. А. Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 2. С. 220.

нию объявленной заказчиком начальной (максимальной) цены контракта, т.е. поддержанию цен на торгах»²⁰. Таким образом, законодатель, выделив в качестве квалифицированного состава заключение антиконкурентного соглашения, позволившего манипулировать ценами на торгах, отразил в законодательстве объективную потребность сложившихся экономических взаимоотношений вне зависимости от их частной или публичной природы. В данном случае закономерно отметить, что в настоящее время уголовно-правовая политика по регулированию и охране отношений в сфере экономики направлена на выявление злоупотреблений, которые объективно причиняют вред указанным общественным отношениям и не могут охватываться гуманизацией экономического уголовного законодательства. В подтверждение верности последнего утверждения стоит отметить, что слепое следование тенденциям гуманизации уголовного законодательства иррационально. Как верно отметил И. А. Клепицкий, и гуманизация уголовной политики, и ее ужесточение является злом, пока такие меры научно не обоснованы²¹. В связи с тем, что последствия заключения картельного соглашения, позволившего изменять цены на торгах, имеют масштабный экономический характер,

ужесточение уголовной ответственности в данном случае подкреплено социально-экономическими реалиями, т.е. имеет под собой обоснование.

Таким образом, современная уголовно-правовая политика регулирования и охраны отношений в сфере публичной экономики является достаточно неопределенной. Законодатель посредством уголовно-правовых мер пытается свести к минимуму злоупотребления в сфере налоговых правоотношений, в сфере реализации государственного (муниципального) имущества на торгах. Какие-либо явные направления уголовно-правовой политики в отношении регулирования и охраны частных экономических отношений не прослеживаются. Законодатель корректирует стоимостные выражения размеров крупного ущерба, дохода, задолженности, но такие изменения с учетом фактора инфляции не свидетельствуют о реальной криминализации или декриминализации. Изложенное подтверждает необходимость разработки и принятия стратегического документа по совершенствованию уголовно-правовой политики, который обобщит и систематизирует соответствующие идеи с учетом рационального разделения уголовно-правового воздействия на частные и публичные экономические отношения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гримальская С. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Современное право. — 2024. — № 4. — С. 106–110.
2. Гринько С. Д. Уголовная политика России в сфере противодействия экономической преступности // Аграрное и земельное право. — 2021. — № 11 (303). — С. 132–135.
3. Грудинин Н. С. Содержание и основные направления уголовно-правовой политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2023. — Вып. 2 (847). — С. 130–136.
4. Клепицкий И. А. Социальная обусловленность уголовной политики // Государство и право. — 2017. — № 4. — С. 39–48.

²⁰ Лясколо А. Н. Преступления на торгах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1. С. 118.

²¹ Клепицкий И. А. Социальная обусловленность уголовной политики // Государство и право. 2017. № 4. С. 47.

5. Лопашенко Н. А. Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15. — № 2. — С. 220–228.
6. Лясколо А. Н. Преступления на торгах // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 17. — № 1. — С. 112–132.
7. Николаева Ю. В., Северюхина О. А. Тенденции развития уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления // Образование и право. — 2020. — № 3. — С. 353–362.
8. Уголовно-правовые риски экономической деятельности : учебник / под ред. А. А. Бимбинова, В. Н. Воронина. — М. : Проспект, 2025. — 448 с.
9. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения) : монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель ; ИЗИСП при Правительстве РФ. — М. : Контракт, 2021. — 320 с.
10. Яни П. С. Неопределенность уголовно-правового регулирования отношений в сфере экономики: действительная и мнимая // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2012. — № 2. — С. 14–25.

Материал поступил в редакцию 19 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grimalskaya S. A. Kontseptsiya ugolovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii // Sovremennoe pravo. — 2024. — № 4. — S. 106–110.
2. Grinko S. D. Ugolovnaya politika Rossii v sfere protivodeystviya ekonomicheskoy prestupnosti // Agrarnoe i zemelnoe pravo. — 2021. — № 11 (303). — S. 132–135.
3. Grudin N. S. Soderzhanie i osnovnye napravleniya ugolovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. — 2023. — Vyp. 2 (847). — S. 130–136.
4. Klepitskiy I. A. Sotsialnaya obuslovlennost ugolovnoy politiki // Gosudarstvo i pravo. — 2017. — № 4. — S. 39–48.
5. Lopashenko N. A. Stoimostnoe vyrazhenie krupnogo (osobo krupnogo) razmera dokhoda, ushcherba, zadolzhennosti primenitelno k prestupleniyam v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2021. — T. 15. — № 2. — S. 220–228.
6. Lyaskalo A. N. Prestupleniya na torgakh // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2024. — T. 17. — № 1. — S. 112–132.
7. Nikolaeva Yu. V., Severyukhina O. A. Tendentsii razvitiya ugolovnogo zakonodatelstva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya // Obrazovanie i pravo. — 2020. — № 3. — S. 353–362.
8. Ugolovno-pravovye riski ekonomicheskoy deyatel'nosti: uchebnik / pod red. A. A. Bimbinova, V. N. Voronina. — M.: Prospekt, 2025. — 448 s.
9. Ekonomicheskaya bezopasnost (ugolovno-pravovye mekhanizmy obespecheniya): monografiya / отв. ред. I. I. Kuchеров, O. A. Zaytsev, S. L. Nudel; IZiSP pri Pravitelstve RF. — M.: Kontrakt, 2021. — 320 s.
10. Yani P. S. Neopredelennost ugolovno-pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sfere ekonomiki: deystvitelnaya i mni-maya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. — 2012. — № 2. — S. 14–25.

Тайна, конфиденциальная информация и конфиденциальность в контексте защиты информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства

Аннотация. В статье представлена авторская позиция по определению содержания и соотношения категорий «тайна», «конфиденциальная информация» и «конфиденциальность», а также по установлению на основании этого степени адекватности их употребления в научной литературе в отношении защиты информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства. Критически оцениваются взгляды ученых, использующих понятие «конфиденциальная информация» в качестве определяющего для понятия «тайна». Обосновывается суждение о частичной совместимости данных понятий, поскольку, по мнению автора, не любая тайна конфиденциальна, так же как и не любая конфиденциальная информация представляет собой тайну. Аргументируется точка зрения о неправомерности позиции ученых, связывающих защиту неприкосновенности частной жизни участников уголовного процесса с институтами следственной тайны и тайны совещания судей. Делается вывод, что в институте адвокатской тайны понятием «конфиденциальная» охватывается вся информация, получаемая защитником от своего доверителя, и такая конфиденциальность с необходимостью связана с защитой неприкосновенности его частной жизни.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные отношения; защита информации о частной жизни; неприкосновенность частной жизни; информация; тайна; конфиденциальная информация; конфиденциальность; адвокатская тайна; следственная тайна; тайна совещания судей; ограничение доступа к информации.

Для цитирования: Корнакова С. В. Тайна, конфиденциальная информация и конфиденциальность в контексте защиты информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 81–90. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.081-090.

© Корнакова С. В., 2025

* Корнакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета
Ленина ул., д. 11, г. Иркутск, Российская Федерация, 664003
svetlana-kornakova@yandex.ru

Secrecy, Confidential Information, and Confidentiality in the Context of Protecting Information about the Private Life of Participants in Criminal Proceedings

Svetlana V. Kornakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of the Theory and History of Law, Institute of State Law and National Security, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
svetlana-kornakova@yandex.ru

Abstract. The paper presents the author's position regarding defining the content and interrelation of the categories «secret», «confidential information», and «confidentiality», and regarding assessing, on that basis, the adequacy of their usage in scholarly literature with respect to protecting information about the private life of participants in criminal proceedings. The views of scholars who treat the notion of «confidential information» as definitive for the concept of «secret» are critically evaluated. The author argues for the partial compatibility of these concepts, since, in the author's view, not every secret is confidential, nor does every piece of confidential information constitute a secret. It is contended that scholars are mistaken to link the protection of the inviolability of participants' private life in the criminal process to the institutions of investigative secrecy and the secrecy of judges' deliberations. The article concludes that, within the institution of attorney-client confidentiality, the term «confidential» encompasses all information received by the defense counsel from their client, and such confidentiality is necessarily connected with the protection of the client's private life.

Keywords: criminal procedural relations; protection of information about the private life; inviolability of private life; information; secret; confidential information; confidentiality; attorney-client confidentiality; investigative secrecy; secrecy of judges' deliberations; restriction of access to information.

Cite as: Kornakova SV. Secrecy, Confidential Information, and Confidentiality in the Context of Protecting Information about the Private Life of Participants in Criminal Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):81-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.081-090.

Необходимость ограждения от вмешательства извне (со стороны государства и общества) в определяемую самим человеком сферу жизненного пространства, сведениями о которой он не желает делиться ни с кем посторонним, нашла отражение в ст. 23 Конституции РФ. При этом стоит признать справедливое мнение И. В. Балахиной о том, что для российского права защита частной жизни характеризуется прежде всего в информационном аспекте¹, что обусловлено содержанием положения ч. 1 ст. 24 Основного закона.

В российской правовой системе всегда придавалось особое значение некоторым сведениям частного, личного и семейного характера, юридическим аспектам защиты которых посвящено немало работ отечественных правоведов. В частности, к ним обращались такие ученые, как И. Л. Петрухин, И. В. Смолькова, Л. О. Кра-

савчикова, В. А. Семенов, О. В. Гладышева, М. С. Дунаева, В. Е. Евсеенко, Ю. А. Говенко, В. П. Иванский, Е. Е. Калашникова, Г. Г. Камалова, С. Е. Кузахметова, О. В. Максимова, М. В. Пермиков, Т. О. Праницкая и многие другие, что указывает на теоретическую ценность и практическую значимость разрешения вопросов, связанных с обеспечением правовой защиты информации о частной жизни граждан. Вместе с тем некоторые современные исследования показывают, что, рассуждая о проблемах обеспечения защиты информации о частной жизни граждан в сфере уголовного судопроизводства, нередко ученые, на наш взгляд, не проводят должной дифференциации категорий «тайна», «конфиденциальная информация» и «конфиденциальность». В этой связи думается, что представляет определенный теоретический и дидактический интерес уточнение содержания указанных категорий и установ-

¹ Балахина И. В. Особенности конституционного регулирования права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Право и политика. 2007. № 7. С. 92.

ление на основании этого степени адекватности их употребления в научной литературе в отношении защиты информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства.

Учеными отмечается неоднозначность подходов исследователей к раскрытию содержания терминов «тайна», «конфиденциальная информация» и «конфиденциальность», которые нередко употребляются в одном контексте и интерпретируются как относящиеся к одному синонимическому ряду², хотя, по справедливому мнению И. В. Смольковой, каждый из них имеет собственное значение и смысл³. Так, в самом общем плане тайна — это имеющая определенную ценность для обладателя, неизвестная третьим лицам информация, которая, будучи защищенной от несанкционированного доступа к ней, не может быть никем свободно получена. Но если категория «тайна» в связи с наличием различных охраняемых законом тайн является достаточно изученной в правовой литературе, то этого нельзя сказать о двух других категориях — «конфиденциальность» и «конфиденциальная информация».

В частности, обращение к справочной правовой литературе показало отсутствие в юридических словарях понятия «конфиденциальная информация», что может свидетельствовать о том, что окончательного и исчерпывающего его определения правовой наукой до сих пор не выработано. Исключение составляет «Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации», в котором дословно воспроизведено положение п. 7 ст. 2 Федераль-

ного закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴, в соответствии с которым под конфиденциальностью информации понимается «обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя»⁵.

Думается, что в приведенном определении раскрывается скорее понятие «конфиденциальность», но не «конфиденциальная информация». В этой связи В. Е. Евсеенко обращает внимание на то, что в лингвистике образование существительных от прилагательных при помощи суффикса «-ость» придает новое значение образованному слову, а именно значение отвлеченного признака или состояния. На основании этого указанный автор делает правомерный вывод о том, что «законодатель определяет конфиденциальность информации как ее состояние»⁶.

Согласно словарю иностранных слов, «конфиденциальный» значит «доверительный, не подлежащий огласке»⁷. В словаре В. И. Даля приведены аналогичные значения конфиденциальной информации: это откровенная, задушевная, по секрету, по особой доверенности, неоглашаемая информация⁸. Мы разделяем точку зрения ученых о том, что конфиденциальная информация предполагает только то, что доверено, а потому имеет более узкий смысл⁹.

Следует также различать понятия «конфиденциальная информация» и «конфиденциальность»: в содержание первого входит доверен-

² Городов О. А. Информационное право : учебник. М. : Проспект, 2008. С. 67.

³ Смолькова И. В. Актуальное исследование проблем охраняемой федеральным законом тайны на досудебном производстве // Академический юридический журнал. 2016. № 4 (66). С. 55.

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2024) // Российская газета. 2006. № 165.

⁵ Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации / под общ. ред. М. В. Деменкова. М. : Изд. Государственной Думы, 2014. С. 93.

⁶ Евсеенко В. Е. Тайна в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2016. С. 23.

⁷ Краткий словарь иностранных слов / авт.-сост. Е. А. Гришина. М. : Астрель ; АСТ, 2002. С. 255.

⁸ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. : Эксмо, 2006. С. 336.

⁹ Евсеенко В. Е. Указ. соч. С. 22.

ная кому-либо информация, не подлежащая разглашению, а в содержание второго — средства обеспечения такого неразглашения, в правовой науке именуемые правовым режимом¹⁰. Соответственно, в самом общем смысле конфиденциальность означает ограничение доступа к полученной от кого-либо информации, обусловленное защитой частных или общественных интересов.

С указанной позиции конфиденциальна лишь та тайна, которая стала известна другим лицам, при условии что они осведомлены о том, что такие сведения являются тайной. Поэтому следует исходить из того, что не любая тайна конфиденциальна, так же как и не любая конфиденциальная информация представляет собой тайну. Так, например, персональные данные лица не являются тайной, поскольку известны широкому кругу лиц (например, базовые сведения о физическом лице: имя, фамилия, отчество, дата рождения, номер телефона, электронная почта, место проживания и работы). Но эти же сведения, будучи доверенными другим (уполномоченному лицу, организации, компании, сервису и т.п.), станут для последних конфиденциальными. Соответственно, конфиденциальность информации должен обеспечить не тот, кто передает информацию, а тот, кто ее принимает, поскольку первый имеет право распоряжаться сведениями о себе по собственному усмотрению.

В этом отношении можно выразить несогласие с позицией А. П. Рыжакова, который, определяя условия, в которых должно осуществляться общение адвоката с клиентом, отмечает, что все сказанное и сделанное во время такого общения «не должно подлежать последующей огласке как со стороны защитника, так и со стороны подозреваемого (обвиняемого)»¹¹.

Думается, что распространять указанное требование на подзащитного вряд ли оправданно. Если уж адвокат имеет право разгласить сведения, доверенные ему подзащитным при условии согласия на это последнего (пп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹²), то самому доверителю никакого разрешения на это не требуется: только он вправе решать, как распоряжаться сведениями о самом себе.

Некоторые авторы, давая определение тайне частного характера, используют понятие «конфиденциальная информация». Например, Ю. А. Говенко, определяя такого рода тайну как объект уголовно-правовой охраны, считает, что это «охраняемая нормами права конфиденциальная информация (совокупность сведений), которая относится к сфере семейных, бытовых, личных, интимных отношений, где человек сам себе устанавливает своеобразный суверенитет личности, означающий неприкосновенность его «среды обитания», развивает, контролирует и самостоятельно определяет степень ее открытости и без его согласия недопустимо незаконное вмешательство со стороны других лиц, общества, государства»¹³.

В целом соглашаясь с содержанием данной дефиниции, всё же выразим несогласие с тем, что понятие «конфиденциальная информация» взято цитируемым автором в качестве определяющего, т.е. ближайшего рода для понятия «тайна частного характера». С позиции логической правильности определения отношение определяемого понятия к определяющему (ближайшему роду) должно являться отношением подчинения, где объем первого полностью входит в объем последнего. Но, как уже отмечалось, не всякая тайна является конфиденциальной, как и не всякая конфиденциальная инфор-

¹⁰ *Пермяков М. В.* Категория «тайна» в системе правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Екатеринбург, 2006. С. 83.

¹¹ *Рыжаков А. П.* Защитник в уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дело и сервис, 2017. С. 200.

¹² Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) // Российская газета. 2002. № 100.

¹³ *Говенко Ю. А.* Уголовно-правовая охрана тайны частного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Краснодар, 2011. С. 7.

мация — тайной. Следовательно, отношение между этими понятиями является отношением частичной совместимости, но не подчинения, чего нельзя сказать о понятии «информация», которое действительно является родовым для каждого из анализируемых понятий, и в этой связи именно оно, на наш взгляд, должно было быть использовано в предложенной Ю. А. Говенко дефиниции.

Кроме того, также не вполне оправданно при раскрытии содержания тайны частного характера через категорию «информация» использование указанным автором понятия «вмешательство». Можно предположить, что Ю. А. Говенко подразумевалось скорее вмешательство в сферу частной жизни, но не в сферу информации о ней. Полагаем, что более подходящим было бы использование для этого понятия «незаконное использование информации», которое включает в себя и ее незаконное разглашение, и распространение.

М. В. Авдеева и А. Ю. Пиджаков в качестве признака любой тайны также выделяют то, что она с необходимостью является конфиденциальной информацией или секретными сведениями¹⁴. Но если употребление терминов «тайна» и «секретные сведения» в качестве синонимов возражений не вызывает, то соотношение понятий «тайна» и «конфиденциальная информация», как уже показано, нам видится иначе. Не доверенная никому тайна не перестанет быть тайной, но конфиденциальной не будет, поскольку очевидно, что распространить, разгласить содержащиеся в ней сведения может только тот, кому они доверены, известны, кто о них знает. Соответственно, отдельные тайны, по справедливому мнению В. Е. Евсеенко, «не относятся к доверенной информации, например, если лицо ее никому не сообщало»¹⁵.

С этой точки зрения адвокатская тайна, тайна страхования, тайна исповеди, нотариальная,

банковская, врачебная тайны действительно одновременно будут и конфиденциальной информацией, поскольку такая информация доверена адвокату, страхователю, священнику, нотариусу, банку, врачу. Но того же нельзя сказать о тайне частной жизни, в том числе личной и семейной тайне, поскольку о ее содержании может знать единственно ее обладатель.

Отметим, что понятие «конфиденциальная информация» в контексте информации, затрагивающей частные интересы, являясь весьма сложным и обширным, включает в себя значительный спектр общественных связей. Поэтому если вести речь о частной жизни граждан, то дать исчерпывающий перечень видов информации о ней, которая может быть отнесена к конфиденциальной, вряд ли возможно, как и невозможно определить, какая именно информация будет относиться к личной и семейной тайне (это впрямь определять исключительно ее обладатель). В указанном отношении предложение некоторых ученых о необходимости законодательного закрепления определений понятий личной и семейной тайны посредством издания закона «О частной жизни»¹⁶ нам видится весьма сложным и вряд ли реализуемым. Более того, представляется справедливым мнение авторов, полагающих, что сама «категория “частная жизнь” не имеет юридического содержания, правовое регулирование устанавливает лишь пределы ее неприкосновенности и, соответственно, пределы допустимого вмешательства»¹⁷. При этом если вести речь о таких пределах в сфере уголовно-правовых отношений, то безусловно справедливым видится утверждение И. В. Смольковой, которая подчеркивает, что «преступления самым тесным образом связаны со всеми сторонами жизни человека, в том числе и самыми сокровенными и интимными, и чем большее место в жизни человека занимает преступная деятельность, тем меньше стано-

¹⁴ Авдеева М. В., Пиджаков А. Ю. «Тайна» как правовое понятие // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 138.

¹⁵ Евсеенко В. Е. Указ. соч. С. 22.

¹⁶ Авдеева М. В., Пиджаков А. Ю. Указ. соч. С. 142.

¹⁷ Жарова А. К., Елин В. М. Источники понятий «персональные данные» и «частная жизнь лица» в российском праве // Вестник Академии права и управления. 2017. № 1 (46). С. 73.

вится сфера, относящаяся к его частной жизни, на неприкосновенность которой он может претендовать»¹⁸.

В уголовном судопроизводстве процессуальная деятельность ответственных за производство по делу лиц имеет преимущественно информационный характер, поскольку направлена на установление сведений о событии, повлекшем причинение вреда определенным общественным отношениям. Процесс получения таких сведений нередко сопровождается вторжением в частную жизнь граждан, попавших в сферу уголовно-процессуальных отношений. Вместе с тем, как указывается многими учеными, предварительное следствие — зона, в которой велик риск возникновения нарушений, затрагивающих права и свободы человека¹⁹. В этой связи В. Е. Евсеенко обоснованно считает, что имеющиеся на практике примеры незаконного и необоснованного вмешательства в частную жизнь граждан на досудебном этапе производства по делу требуют от законодателя детального регулирования процедуры следственных действий, в рамках которых может быть получена информация, относимая к охраняемым законом тайнам, в том числе о частной жизни граждан, а также правовых средств обеспечения ее сохранности²⁰.

Некоторые авторы, исследуя особенности конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни участников уголовного процесса, связывают их обеспечение с такими уголовно-процессуальными институтами, как институты

следственной тайны, тайны совещания судей, адвокатской тайны²¹, что представляется не вполне верным. При этом прежде всего полагаем более корректным в формулировке проблемы исследования употребление не понятия «конфиденциальность частной жизни», а понятия «конфиденциальность информации о частной жизни», поскольку, во-первых, к конфиденциальной относится, как уже отмечалось, доверенная кем-либо на условиях ее неразглашения информация и, во-вторых, только она (информация) может быть разглашена, но не сама частная жизнь. Под неразглашением понимается запрет передачи в любой форме полученной информации третьим лицам без разрешения лица, которого данная информация касается. Основанием же для такого запрета является фундаментальное и узаконенное право человека на охрану его частной жизни.

Е. А. Лаврушко считает, что в уголовном процессе «потерпевшие, подозреваемые, свидетели, обвиняемые и другие лица обязаны предоставлять конфиденциальную информацию органам уголовного преследования по их требованию и в интересах следствия»²². Во-первых, думается, что конфиденциальной информация становится лишь после того, как она кому-то сообщена, доверена. Во-вторых, требование о предоставлении любой информации в силу положений уголовно-процессуального закона (п. 6 ч. 4 ст. 46, п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) никак не может быть распространено на обвиняемого (подозреваемого). И в-третьих, указанный автор

¹⁸ Смолькова И. В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 55.

¹⁹ См.: Коршунов И. Г. О проблемах реформирования прокурорского надзора в современный период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4. Т. 1. С. 294 ; Смолькова И. В., Дунаева М. С. Основания вмешательства правоохранительных органов и суда в частную жизнь граждан: уголовно-процессуальный аспект // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 185 ; Осипова М. А. Гласность правосудия: открытое и закрытое судебное разбирательство в уголовном процессе // Гражданин и право. 2010. № 3. С. 81.

²⁰ Евсеенко В. Е. Указ. соч. С. 5.

²¹ Мищенко Е. В., Лаврушко Е. А. Правовые особенности реализации принципов уголовного процесса, обеспечивающих конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни его участников // Российский следователь. 2024. № 6. С. 12.

²² Лаврушко Е. А. Проблемы законодательного регулирования обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе // Юридическая наука и практика. 2024. № 20 (2). С. 90.

не раскрывает, кто понимается под «другими лицами». Между тем законом предусмотрено для целого ряда лиц (ч. 3 ст. 56 УПК РФ) право не давать показания, в том числе в связи с защитой охраняемых законом тайн (например, для священнослужителя, адвоката, должностного лица налогового органа). Поэтому нельзя без должной конкретизации утверждать, что от любого участника уголовного судопроизводства органами уголовного преследования по их требованию может быть получена информация, тем более конфиденциальная.

Что касается следственной тайны, то полагаем, что далеко не вся составляющая ее информация будет конфиденциальной, обеспечивающей неприкосновенность частной жизни вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства лиц, поскольку целью обеспечения первой является прежде всего создание необходимых условий для установления обстоятельств совершения преступления, в числе которых наиболее важным является предотвращение противодействия расследованию. Вместе с тем субъект, ответственный за производство по делу, должен обеспечить безопасность его участников, которая может оказаться под угрозой в связи с тем, что информация о них может стать известной заинтересованным в противодействии расследованию лицам. Например, узнав личные данные свидетелей (потерпевших) или определенные сведения об обстоятельствах их личной жизни, содержащиеся в материалах дела, такие лица могут оказать на них давление, принудить изменить показания и т.д. В этой части действительно целью ограничения доступа к данным, полученным в ходе предварительного расследования, будет конфиденциальная информация, касающаяся частной жизни указанных участников судопроизводства. Вместе с тем правило о недопустимости разглашения доверенных или иным способом ставших известными (например, в ходе производства следственных

и иных процессуальных действий) сведений, оцениваемых лицом, которого они касаются, как нежелательные для огласки третьим лицам, должно иметь распространение на всех участников соответствующих процессуальных действий (ч. 5 ст. 161 УПК РФ), о чем они должны быть предупреждены лицами, ответственными за их проведение.

В свою очередь, тайну совещания судей связывать с обеспечением конфиденциальности информации о частной жизни участников уголовного процесса неправомерно. Здесь понятием «тайна» охватывается только информация о процессе принятия судебного решения, исключающего контроль за волеизъявлением судей, на основании тех сведений, которые получены в ходе судебного разбирательства дела. Эти сведения не могут являться конфиденциальными, поскольку, во-первых, они известны всем присутствующим в судебных заседаниях, во-вторых, к такой информации неприменимо понятие «доверительность». Судьям доверено право принятия решения на основании полученной в ходе судебного разбирательства информации, но не сама информация, а потому под тайной совещания судей понимается лишь тайна самого совещания²³, при котором не подлежит огласке процесс обмена мнениями при принятии решения, но не само решение.

Что же касается адвокатской тайны, то здесь, во-первых, понятием «конфиденциальная» охватывается вся информация, получаемая защитником от своего доверителя, и, во-вторых, такая конфиденциальность, безусловно, связана и с защитой неприкосновенности его частной жизни. В этой связи Конституционным Судом РФ в его определении от 06.07.2000 № 128-О подчеркнута, что конфиденциальность отношений адвоката с клиентом «служит обеспечению права каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени»²⁴, чем, по сути, очерчи-

²³ Смолькова И. В. Тайна совещания судей как гарантия законности, обоснованности и справедливости приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 117.

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР» // Российская газета. 2000. № 149.

ваея недопустимость огласки определенного круга сведений.

Как отмечал французский юрист, адвокат Ф.-Э. Молло в отношении адвокатской тайны, всякое сообщение, сделанное с глазу на глаз, конфиденциально и потому должно оставаться тайным. И прежде чем закон вменил это соблюдение тайны адвокатам в обязанность, она уже всегда свято соблюдалась ими²⁵.

Примечательно, что единственный случай употребления понятия «конфиденциальность» в уголовно-процессуальном законе отражает именно такой наиболее существенный признак общения адвоката со своим клиентом, как доверительность, необходимые условия для которой и должны соблюсти лица, обеспечивающие общение адвоката со своим клиентом в ходе уголовного судопроизводства. Конфиденциальность информации, которую защитник получает в связи с осуществлением своей профессиональной деятельности, является важным правовым элементом предоставления квалифицированной юридической помощи. Право на юридическую помощь включает обеспечение конфиденциальности информации, которую доверитель сообщает только своему защитнику.

Соответственно, думается, что под конфиденциальной информацией, касающейся частной жизни участников уголовного судопроизводства, следует понимать сообщенную или предоставленную каким-либо лицом информацию с

ожиданием того, что эта информация не будет подлежать разглашению тем лицом, которое ее воспринимает или принимает. К признакам такой информации относятся:

1) причинение объективно или субъективно оцениваемого вреда вследствие ее разглашения, чем обусловлена необходимость ее защиты;

2) негативная оценка и порицание обществом факта такого разглашения.

С последним связан этический принцип конфиденциальности, содержание и смысл которого шире юридического понимания конфиденциальных сведений. Поэтому понятие «конфиденциальность» носит более широкий характер: им охватываются как собственно охраняемые законом тайны и конфиденциальные сведения, так и иные формы ограничения в отношении конкретных типов информации в уголовном судопроизводстве (например, данных, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, или материалов уголовных дел, которые по закону подлежат рассмотрению в закрытом судебном заседании). При этом применительно к уголовному судопроизводству защита сведений о частной жизни предполагает минимизацию рисков для репутации попавших в сферу уголовно-процессуальных отношений граждан. Другими словами, не должны подлежать огласке именно те сведения, которые могут нанести вред лицу, которого эта информация касается.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеева М. В., Пиджаков А. Ю. «Тайна» как правовое понятие // Ленинградский юридический журнал. — 2012. — № 4. — С. 137–143.
2. Балашкина И. В. Особенности конституционного регулирования права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации // Право и политика. — 2007. — № 7. — С. 92–105.
3. Говенко Ю. А. Уголовно-правовая охрана тайны частного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Краснодар, 2011. — 26 с.
4. Городов О. А. Информационное право : учебник. — М. : Проспект, 2008. — 242 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. — М. : Эксмо, 2006. — 736 с.
6. Евсеенко В. Е. Тайна в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Краснодар, 2016. — 183 с.

²⁵ Молло Ф.-Э. Правила адвокатской профессии во Франции. М. : Изд. Н. П. Шубинского, 1894. С. 45.

7. Жарова А. К., Елин В. М. Источники понятий «персональные данные» и «частная жизнь лица» в российском праве // Вестник Академии права и управления. — 2017. — № 1 (46). — С. 69–78.
8. Коршунов И. Г. О проблемах реформирования прокурорского надзора в современный период // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — Т. 1. — № 4. — С. 293–296.
9. Краткий словарь иностранных слов / авт.-сост. Е. А. Гришина. — М. : Астрель ; АСТ, 2002. — 640 с.
10. Лаврушко Е. А. Проблемы законодательного регулирования обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе // Юридическая наука и практика. — 2024. — № 20 (2). — С. 88–94.
11. Мищенко Е. В., Лаврушко Е. А. Правовые особенности реализации принципов уголовного процесса, обеспечивающих конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни его участников // Российский следователь. — 2024. — № 6. — С. 10–14.
12. Молло Ф.-Э. Правила адвокатской профессии во Франции. — М. : Изд. Н. П. Шубинского, 1894. — 98 с.
13. Осипова М. А. Гласность правосудия: открытое и закрытое судебное разбирательство в уголовном процессе // Гражданин и право. — 2010. — № 3. — С. 77–86.
14. Пермяков М. В. Категория «тайна» в системе правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Екатеринбург, 2006. — 235 с.
15. Рыжаков А. П. Защитник в уголовном процессе. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Дело и сервис, 2017. — 336 с.
16. Смолькова И. В. Актуальное исследование проблем охраняемой федеральным законом тайны на досудебном производстве // Академический юридический журнал. — 2016. — № 4 (66). — С. 55–60.
17. Смолькова И. В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 352 с.
18. Смолькова И. В. Тайна совещания судей как гарантия законности, обоснованности и справедливости приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 2 (16). — С. 116–122.
19. Смолькова И. В., Дунаева М. С. Основания вмешательства правоохранительных органов и суда в частную жизнь граждан: уголовно-процессуальный аспект // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 3. — С. 184–192.

Материал поступил в редакцию 1 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avdeeva M. V., Pidzhakov A. Yu. «Тайна» как правовое понятие // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2012. — № 4. — С. 137–143.
2. Balashkina I. V. Osobennosti konstitutsionnogo regulirovaniya prava na neprikosnovennost chastnoy zhizni v Rossiyskoy Federatsii // Pravo i politika. — 2007. — № 7. — С. 92–105.
3. Govenko Yu. A. Ugolovno-pravovaya okhrana tayny chastnogo kharaktera: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. — Krasnodar, 2011. — 26 s.
4. Gorodov O. A. Informatsionnoe pravo: uchebnik. — М.: Prospekt, 2008. — 242 s.
5. Dal V. I. Tolkovyy slovar russkogo yazyka. Sovremennaya versiya. — М.: Eksmo, 2006. — 736 s.
6. Evseenko V. E. Tayna v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsesssa: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. — Krasnodar, 2016. — 183 s.
7. Zharova A. K., Elin V. M. Istochniki ponyatiy «personalnye dannye» i «chastnaya zhizn litsa» v rossiyskom prave // Vestnik Akademii prava i upravleniya. — 2017. — № 1 (46). — С. 69–78.
8. Korshunov I. G. O problemakh reformirovaniya prokurorskogo nadzora v sovremennyy period // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — Т. 1. — № 4. — С. 293–296.
9. Kratkiy slovar inostrannykh slov / avt.-sost. E. A. Grishina. — М.: Astrel; AST, 2002. — 640 s.

10. Lavrushko E. A. Problemy zakonodatelnogo regulirovaniya obespecheniya konfidentsialnosti v ugovnom protsesse // Yuridicheskaya nauka i praktika. — 2024. — № 20 (2). — S. 88–94.
11. Mishchenko E. V., Lavrushko E. A. Pravovye osobennosti realizatsii printsipov ugovnogo protsessa, obespechivayushchikh konfidentsialnost i neprikosновенност chastnoy zhizni ego uchastnikov // Rossiyskiy sledovatel. — 2024. — № 6. — S. 10–14.
12. Mollo F.-E. Pravila advokatskoy professii vo Frantsii. — M.: Izd. N. P. Shubinskogo, 1894. — 98 s.
13. Osipova M. A. Glasnost pravosudiya: otkrytoe i zakrytoe sudebnoe razbiratelstvo v ugovnom protsesse // Grazhdanin i pravo. — 2010. — № 3. — S. 77–86.
14. Permyakov M. V. Kategoriya «tayna» v sisteme pravovogo regulirovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. — Ekaterinburg, 2006. — 235 s.
15. Ryzhakov A. P. Zashchitnik v ugovnom protsesse. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Delo i servis, 2017. — 336 s.
16. Smolkova I. V. Aktualnoe issledovanie problem okhranyaemoy federalnym zakonom tayny na dosudebnom proizvodstve // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. — 2016. — № 4 (66). — S. 55–60.
17. Smolkova I. V. Aktualnye problemy okhranyaemykh federalnym zakonom tayn v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve. — M.: Yurlitinform, 2014. — 352 s.
18. Smolkova I. V. Tayna soveshchaniya sudey kak garantiya zakonnosti, obosnovannosti i spravedlivosti prigovora // Sibirskie ugovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2017. — № 2 (16). — S. 116–122.
19. Smolkova I. V., Dunaeva M. S. Osnovaniya vmeshatelstva pravookhranitelnykh organov i suda v chastnuyu zhizn grazhdan: ugovno-protsessualnyy aspekt // Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. — 2014. — № 3. — S. 184–192.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.091-098

А. А. Соловьев*

Криминалистическое понятие эмоции страха

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия страха в юридических и смежных науках. Выделяются криминалистически значимые свойства страха, подлежащие учету в ходе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Изучается российская следственная практика, иллюстрирующая юридическую значимость эмоциональных состояний преступника. Через призму науки криминалистики с применением деятельностного и ситуативного подходов формулируется понятие эмоции страха как психического явления, эмоционального состояния, возникающего при угрозе жизни или безопасности (физической или социальной) участника уголовного процесса, сопровождающегося биохимической и психической активацией организма и выступающего мотивацией изменения его деятельности вплоть до степени подчинения в целях противодействия угрозе. Учет эмоции страха в процессе доказывания имеет важное криминалистическое, уголовно-правовое, юридическое значение, поскольку ее наличие может прямо влиять на квалификацию и преступность совершенного деяния.

Ключевые слова: криминалистика; общая теория криминалистики; криминалистическая тактика; криминалистическая психология; эмоция страха; юридическая деятельность; преступная мотивация; расследование; доказывание; изучение личности.

Для цитирования: Соловьев А. А. Криминалистическое понятие эмоции страха // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 91–98. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.091-098.

Forensic Concept of the Emotion of Fear

Alexander A. Solovev, Lieutenant of Justice, Senior Investigator of the Butyrsky Interdistrict Investigative Department, the Investigative Directorate for the North-Eastern Administrative District of the Main Investigative Directorate, the Investigative Committee of the Russian Federation for the City of Moscow, Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
asolovev.law@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the concept of fear in legal and related sciences. The author identifies the forensically significant properties of fear that must be taken into account during the detection,

© Соловьев А. А., 2025

* Соловьёв Александр Александрович, лейтенант юстиции, старший следователь Бутырского межрайонного следственного отдела Следственного управления по Северо-Восточному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве, аспирант Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Российская Федерация, 119991
asolovev.law@mail.ru

investigation and prevention of crimes. The paper examines Russian investigative practice, illustrating the legal significance of the emotional states of a criminal. Through the prism of forensic science, taking into account the activity-based and situational approach, the concept of the emotion of fear is shown as a mental phenomenon. It is an emotional state that arises in the presence of a threat to the life or safety (physical or social) of a participant in criminal proceedings, accompanied by biochemical and mental activation of the body and serving as a motivation for changing its activity up to the degree of submission in order to counter the threat. Taking the emotion of fear into account in the process of proving a case is of significant forensic and criminal law importance, since its presence can directly influence the classification and criminal nature of the act committed.

Keywords: forensic science; general theory of forensic science; forensic tactics; forensic psychology; emotion of fear; legal activity; criminal motivation; investigation; proof; personality study.

Cite as: Solovov AA. Forensic Concept of the Emotion of Fear. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):91-98. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.091-098.

Эмоциональные явления — необходимые компоненты человеческого существования, выступающие движущей и производной силой взаимодействия индивида с себе подобными, с природой, а также самим собой, в связи с чем они были и остаются предметом постоянного осмысления. Эмоция страха как важный пример таких явлений исследуется учеными различных специальностей, подвергается осмыслению со стороны философов, причем последние дают фундаментальные и первичные данные по этой проблеме в силу того, что философская гносеология лежит в основе многих изучаемых социогуманитарными науками закономерностей, а философия в целом служит источником научной рациональности.

Категория страха как эмоционального состояния, отражающего защитную биологическую реакцию человека или животного при переживании им реальной или мнимой опасности для собственного здоровья и благополучия¹, находится в сфере эмоциональных явлений, рассмотрение которых относится к предмету науки психологии (раздел психология эмоций), а также преломляется в других социогуманитарных науках.

Датский специалист Г. Ланге определяет страх как эмоцию, сопровождающуюся парализованием произвольного двигательного аппарата, судорожным состоянием сосудосжимающих мускулов, судорожным сокращением

всех остальных органических мышц. Отличие страха от, например, эмоции печали состоит в силе реакции, а именно: приобретении судорожного состояния не одной, а всеми мышцами и более резко выраженном возбуждении симпатической нервной системы².

С позиции современной науки механизм страха не отличается от общего мотивационного механизма по структуре, подразделяется на этапы: начала воздействия, воздействия, эмоционального охлаждения и угашения.

Начало воздействия характеризуется наличием объекта или образа угрозы, но состояние страха, помимо внешних, имеет и внутренние, гомеостатические причины: недостаток холина — вещества, обеспечивающего переработку, транспортировку и разжижение молекул жира в организме, а также способствующего передаче нервных импульсов³.

Воздействие включает в себя ряд биохимических процессов. Проявление страха на биохимическом уровне сопровождается активацией симпатико-адреналиновой системы и выработкой гормонов адреналина и норадреналина. Приводя к балансу гомеостаз, указанные гормоны активируют метаболические эффекты: стимулируется мышечная активность и активность важнейших органов (головного мозга, сердца, что вызывает учащенное сердцебиение, легких), сужается просвет кровеносных сосудов (вазоконстрикция), увеличивается артериаль-

¹ Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001. С. 147.

² Ланге К. Душевные движения. СПб. : Павленко, 1896. С. 13–64.

³ Ершов Ю. А. Биохимия человека : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2023. С. 201.

ное давление, сужаются зрачки⁴. Помимо гормонов и пептидов, при страхе активируется лимбическая система — совокупность структур головного мозга, участвующих в регуляции эмоционально-мотивационного и сексуального поведения, вегетативных функций, процессов памяти, цикла «сон — бодрствование», гомеостаза. В частности, в процессе регуляции эмоций задействованы миндалевидное тело и связанный с ним гипоталамус. С физиологической точки зрения структуры подкорковой коры головного мозга, находящиеся в активном состоянии и изменяющие поведение человека, и есть эмоции. В сознании (на уровне коры головного мозга) они появляются только после первичной обработки лимбической системой. Но на этом уровне человек может сдерживать эмоцию, в том числе эмоцию страха, подавляя мышечные реакции, что в последующем может привести к психовисцеросоматическим расстройствам⁵. Е. П. Ильин отмечает: «При страхе затормаживаются процессы восприятия, оно становится более узким, сфокусированным на каком-то одном объекте. Мышление замедляется, становится более ригидным. Ухудшается память, сужается объем внимания, нарушается координация движений. Наблюдается общая скованность. Всё это свидетельствует об ослаблении у человека самоконтроля, он с трудом владеет собой. Иногда сильный страх сопровождается потерей сознания»⁶.

Вклад эмоции страха в поведение субъекта в каждой конкретной ситуации зависит от множества переменных, будь то ее компоненты, вероятность наступления неблагоприятных последствий или личность субъекта, воспринимающего данную эмоцию. Так, субъект тем более подвержен эмоциональному управлению, чем меньше у него сформированных стереотипов поведения и опыта проживания ситуации. По

этой причине дети склонны к эмоциональным реакциям, которые во многом детерминируют всю их деятельность. В более зрелом возрасте страх также в определенный момент может быть столь интенсивен, что способен полностью сломить какой-то стереотип поведения субъекта, — в таком случае речь идет уже не просто об эмоции страха, а об аффекте.

Крупнейший специалист в области психологии эмоций В. Вилюнас со ссылкой на Л. А. Карпенко определяет аффект как сильное и относительно кратковременное эмоциональное состояние, развивающееся в критических условиях при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, чаще всего неожиданно сложившихся ситуаций, тормозящее не связанные с ним психические процессы и навязывающее тот или иной стереотипный способ «аварийного разрешения ситуации, будь то оцепенение, бегство или агрессия, сложившийся в процессе биологической эволюции и потому оправдывающий себя лишь в типичных биологических условиях»⁷.

Ситуативное проявление страха зависит от ряда факторов, среди которых индивидуальные предрасположенности субъекта, его возраст, исходное состояние и действие сразу нескольких агентов (объектов) страха, наличие обстоятельств, обеспечивающих защищенность субъекта⁸. При сочетании этих данных возможно прогнозирование последующего измененного поведения, обусловленного мотивацией страха.

А. Маркс и Р. Несси выделяют четыре формы измененного страхом и тревогой поведения, призванного справиться с опасной ситуацией и объектом угрозы, сравнивая их с реакциями организма на попавшую в него инфекцию и действиями жертвы при нападении хищника:

1) бегство или избегание, которые отдаляют человека от определенных угроз таким же об-

⁴ Колесниченко Л. С., Бахтаирова В. И., Егорова И. Э. Гормоны: механизмы действия; частная гормонология : учеб. пособие. Иркутск : ИГМУ, 2012. С. 62.

⁵ Потехина Ю. П., Филатов Д. С. Роль лимбической системы в генезе психовисцеросоматических расстройств // Российский остеопатический журнал. 2017. № 1–2. С. 84.

⁶ Ильин Е. П. Указ. соч. С. 154.

⁷ Вилюнас В. Психология развития мотивации. СПб. : Речь, 2006. С. 163.

⁸ Вилюнас В. Указ. соч. С. 214.

разом, как рвота, отвращение, диарея, кашель и чихание создают физическое пространство между организмом и патогеном;

2) агрессивная защита (царапание, кусание или опрыскивание ядовитыми веществами), которая наносит вред источнику опасности точно так же, как иммунная система атакует бактерии;

3) застывание (неподвижность), дающее субъекту время на оценку и осознание опасности, пространственную ориентацию, сокрытие и подавление рефлекса нападения хищника;

4) подчинение (смирение), которое действует, когда угроза исходит от собственной группы, в том числе такая форма страха позволяет подавить другие побуждения субъекта, его мотивации⁹.

Примечателен случай из следственной практики, связанный с расследованием уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных пунктом «а» ч. 2 ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы) и п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ (вымогательство с целью получения имущества), совершенных в отношении пенсионерки в г. Москве. В апреле 2023 г. неустановленные лица обманным путем уговорили пожилую женщину покинуть ее постоянное место жительства и лишили возможности общения с родственниками под предлогом грозящей ей и им опасности. В рамках уголовного дела было установлено, что женщина стала жертвой телефонных мошенников, которые склонили потерпевшую к передаче им крупной суммы денежных средств¹⁰.

Описанные процессы составляют реакционную деятельность организма на ведущее переживание — предмет потребности, эмоциональное разрешение ситуации, успех которой приводит к нескольким возможным сценариям: восстановлению нормальной жизнедеятельности после исчезновения угрозы; возникнове-

нию тревожных, фобических расстройств и иных психопатологий.

Лечение психопатологий ведет в конечном итоге к восстановлению нормальной жизнедеятельности и сопровождается процессом угашения страха — снижения его влияния на нейропсихологическом уровне посредством подавления реакции на условную ситуацию через закрепление ощущения безопасности агента страха за счет демонстрации отсутствия негативных последствий при его появлении вновь, что также сопровождается биохимическими процессами¹¹.

В силу синтетического характера криминалистики данные и понятия философии и других наук, в том числе психологии, клинической психологии и психиатрии, могут и должны быть внедрены в нее в целях их использования для разработки новых методов борьбы с преступностью. Однако и они требуют некоторой адаптации под названную юридическую науку. Анализ понятия страха показывает концептуальную разрозненность и противоречивость взглядов специалистов как одной, так и сразу нескольких областей специальных наук на него, что делает обозначенную задачу фундаментально важной для проведения исследований в рамках науки криминалистики.

Анализ общего механизма страха и его роли в мотивации деятельности человека позволяет сформировать общую схему механизма страха в криминальной ситуации.

Субъектами в криминальной ситуации выступают преступник и очевидцы преступления: его жертвы и свидетели. Между ними происходит непосредственное взаимодействие, в ходе которого они влияют на поведение друг друга, побуждая изменять мотивы этого поведения. Вклад в изменяющееся поведение эмоции страха у очевидцев и преступника различный.

⁹ Marks I., Nesse R. Fear and fitness: An evolutionary analysis of anxiety disorders // *Ethology and Sociobiology*. 1994. No. 15(5–6). P. 250.

¹⁰ Следователи устанавливают местонахождение пожилой женщины, ставшей жертвой мошенников // URL: <https://moscow.sledcom.ru/news/item/1783072/> (дата обращения: 10.05.2023).

¹¹ См. об этом: Прошин А. Т., Сторожева З. И., Болотина О. В. Дофаминовые рецепторы D2 класса нейронов префронтальной коры и нейробиологические механизмы страха и тревоги // *Современные проблемы науки и образования*. 2018. № 5. С. 209.

В действиях преступника страх, возникающий из взаимодействия с иными лицами ситуации, может быть как основным, так и сопутствующим другим мотивам элементом, в то время как сам преступник представляет непосредственную угрозу и вкуче с дополнительными факторами создает основную мотивационную эмоцию жертвы преступления — страх.

Объект (агент) страха складывается из совокупности трех основных компонентов: действий преступника (основная угроза), обстановки преступления (наличие путей к бегству, помощь со стороны третьих лиц, предметы, которыми можно обороняться), уровня страха перед преступностью как характеристики общей готовности психики к виктимизации. Совокупность этих элементов конструирует образ, отражаемый в психике и порождающий страх.

Содержание страха в криминальной ситуации выражается в тех или иных сценариях поведения ввиду эмоции страха со стороны преступника и жертвы: бегство, агрессивная защита, замирание, подчинение. При этом преступник сам может реагировать на содержащиеся в этих сценариях действия жертвы преступления, корректируя свои по тем же сценариям, — выраженность этой коррекции зависит от того, стала ли эмоция страха в его действиях преобладающей.

Г. Гросс указывает на деструктивное влияние эмоции страха на ранее спланированную субъектом преступления деятельность или то, что в современных работах можно назвать адаптацией действий или сенсорной коррекцией¹²: «Сколько раз С. (здесь и далее “следователь”. — А. С.) уклонялись от избранного правильного пути только потому, что говорили себе: “нет, преступник не мог быть до такой степени глупым”, — и столько же раз уголовные процессы доказывали, что преступники обнаруживали себя именно глупыми, непредусмотрительными — вследствие ли тревоги, страха, излишней торопливости или по иной причине»¹³. Г. Гросс верно замечает, что страх является неотъемле-

мой частью преступного события, он влияет на процесс образования идеальных следов, отражение их в сознании свидетелей и иных участников, а также их способность об этом достоверно рассказать в ходе следственных действий — «неправильные наблюдения вследствие возбуждения». Он пишет: «Чувственные восприятия бывают различны уже при самых обыкновенных происшествиях, при которых никак нельзя предположить, чтобы зритель вследствие возбуждения был лишен возможности спокойного наблюдения; тем более эти восприятия разнятся в тех случаях, когда наблюдателя, благодаря обстановке или по иной причине, охватил страх или волнение: тогда уже нет места спокойному, трезвому наблюдению»¹⁴. Приведенные в дальнейшем примеры, в том числе рассмотренные подробно акустические обманы, подтверждают тезисы криминалиста о кардинальном изменении восприятия против воли лица из-за переживания им эмоции страха, что соответствует представлениям психологов о возможностях данной эмоциональной реакции. Эмоция страха может активировать психопатологические механизмы поведения, которые не только не позволяют установить из показаний лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, истинную картину произошедшего, но и исключают его виновность.

Так, В., который, согласно заключению комиссии экспертов, обнаруживает и обнаруживал органическое расстройство личности в связи со смешанными заболеваниями (F07.08 по МКБ-10), имел в период времени, относящийся к инкриминируемому ему деянию, временное психическое расстройство в форме патологического опьянения (F10.04 по МКБ-10) и нуждался в применении принудительных мер медицинского характера, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь в квартире после произошедшего конфликта с ранее ему знакомым потерпевшим Т., руководствуясь внезапно возникшими личными неприязненными отношениями к последнему, принял решение

¹² Колдин В. Я. Криминалистический анализ. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 376.

¹³ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М. : ЛексЭст, 2002. С. 20.

¹⁴ Гросс Г. Указ. соч. С. 104.

совершить убийство Т., то есть действия, непосредственно направленные на причинение смерти другому человеку.

В. приискал в квартире нож, после чего совершил в отношении потерпевшего Т. действия, непосредственно направленные на причинение смерти последнему, а именно: нанес потерпевшему ножом не менее трех ударов в область головы, грудной клетки и верхних конечностей.

Согласно заключению судебной психолого-психиатрической экспертизы, В. каким-либо хроническим психическим расстройством, слабоумием или иным болезненным состоянием психики, которые лишали бы его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, в период инкриминируемого ему деяния не страдал, но он обнаруживает и обнаруживал органическое расстройство личности в связи со смешанными заболеваниями (F07.08 по МКБ-10). На это указывали анамнестические сведения, материалы уголовного дела о проявлявшихся с подросткового возраста патологических особенностях, интоксикации алкоголем без четких признаков зависимости, соматической отягощенности, а также выявленные в ходе клинико-психолого-психиатрического обследования нарушения в форме легкого снижения психических функций по органическому типу, изменений в эмоционально-волевой сфере, демонстративности в поведении, неустойчивости эмоций, вспыльчивости, раздражительности, ригидности и обстоятельности мышления с поверхностностью суждений, склонностью к эгоцентричности, самопопустительству, снижением критико-прогностических функций на фоне негрубого снижения способностей в интеллектуально-мнестической сфере и нарастания социальной дезадаптации. В. обнаруживал временное психическое расстройство в форме патологического опьянения (F10.04 по МКБ-10), на что указывают данные об употреблении им небольшого количества спиртного, подтвержденные протоколом медицинского освидетельствования, сведения о перенесенном им состоянии с нарушением сознания, галлю-

цинаторными переживаниями, нарушением восприятия окружающего, аффектом страха, агрессивным поведением, что подтверждается и показаниями потерпевшего, последующим состоянием выраженной астении, частичным амнезированием произошедшего и частичной критикой. Описанное психическое расстройство возникло непосредственно перед совершением В. инкриминируемого деяния, в тот период он не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Завершилось же это психическое расстройство не позднее прохождения им медицинского освидетельствования на состояние опьянения, когда у него выявлялись сохранность ориентировки и ясность сознания¹⁵.

Последствиями реализации эмоции страха с криминалистической точки зрения выступают материальные и идеальные следы. Материальные следы образуются как результат действий, мотивированных эмоцией страха. Например, это наличие на теле преступника царапин от ногтей потерпевшей от насильственных сексуальных действий, а под самими ногтями — биологических следов преступника; или сломанная при попытке потерпевшего покинуть место происшествия преграда — дверь, окно и т.п. Идеальные следы как образуются, так и искажаются в ходе действия эмоции страха. Сами по себе сведения о пережитой эмоции имеют криминалистическое значение, иногда юридическое. Однако последствия пережитого страха влияют на психику лица и его память, что выражается в тревожно-фобических расстройствах, посттравматических стрессовых расстройствах, амнезии.

Основатель криминалистики Г. Гросс верно подмечает, что страх присущ всем участникам судебного следствия, а также участникам преступного события, что подлежит учету со стороны следователя, расследующего преступление. В первую очередь бороться со страхом необходимо самому следователю: «Погубил себя и тот С., который боится обвиняемого. Правда, человеку робкому от природы трудно иногда побороть чувство страха, но, как сказано выше, кто не проявляет в своих действиях решитель-

¹⁵ По материалам архива Бутырского районного суда г. Москвы.

ности, тот не годится в С. Впрочем, каждому известно, что силою самообладания, а затем и привычки человек может приучить себя никогда не обнаруживать чувства страха»¹⁶.

Тактико-криминалистической интерпретацией страха следователя выступает и категория тактического риска. Начало комплексному изучению проблем ведения расследования в условиях тактического риска положили работы Р. С. Белкина, И. Б. Зинкевича, В. П. Гмырко, Ю. П. Ильченко, Л. Я. Драпкина и др. Одним из первых категорию «тактический риск» определил при исследовании особенностей очной ставки Р. С. Белкин, рассматривавший его как «возможность возникновения отрицательных последствий при реализации тактического решения»¹⁷. Проблеме тактического риска посвящено диссертационное исследование Ю. Ю. Осипова¹⁸.

Страх фигурирует и как фактор, сдерживающий потенциальных преступников от роковых поступков, на что также указывает Г. Гросс: «...Люди, которые верят, что если они съедят сердце ребенка, то смогут летать по воздуху или сделаться невидимками, или если они будут носить с собой кости убитого, то судебная власть бессильна против них, и т.д., но однако их нравственное чувство и страх наказания удерживают их от того, чтобы добыть эти предметы преступным путем»¹⁹. Данное наблюдение позволяет сделать вывод о восприятии Г. Гроссом концеп-

ций страха, говорящих о его социально-регуляторной функции.

Таким образом, можно сделать следующий многокомпонентный вывод. Страх — это эмоциональное явление человеческой психики из спектра эмоций мотивации, определяющих ситуационное поведение. Ситуации расследования и преступления содержат агенты страха — угрозы жизни, безопасности и иным ценностям переживающего, активирующие нейropsychологические механизмы организма, которые мотивируют человека следовать по одному из нескольких сценариев поведения: бегство, агрессивная защита, замирание и подчинение (смирение). Выявление эмоции страха и дифференциация этих сценариев имеет тактическое и юридическое значение при разрешении ситуаций расследования в деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Всё это позволяет сформулировать понятие эмоции страха в криминалистике как психического явления, эмоционального состояния, возникающего при наличии угрозы жизни или безопасности (физической или социальной) участника уголовного процесса, сопровождающегося биохимической и психической активацией организма и выступающего мотивацией к изменению его деятельности вплоть до степени подчинения в целях противодействия угрозе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М. : Юристъ, 1997. — 480 с.
2. Вилюнас В. Психология развития мотивации. — СПб. : Речь, 2006. — 458 с.
3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. — М. : ЛексЭст, 2002. — 1040 с.
4. Ершов Ю. А. Биохимия человека : учебник для вузов. — М. : Юрайт, 2023. — 455 с.
5. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. — СПб. : Питер, 2001. — 749 с.

¹⁶ Гросс Г. Указ. соч. С. 140.

¹⁷ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М. : Юристъ, 1997. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 191.

¹⁸ См.: Осипов Ю. Ю. Деятельность следователя в условиях тактического риска : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.

¹⁹ Гросс Г. Указ. соч. С. 820.

6. Колдин В. Я. Криминалистический анализ. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 528 с.
7. Колесниченко Л. С., Бахтаирова В. И., Егорова И. Э. Гормоны: механизмы действия; частная гормонология : учеб. пособие. — Иркутск : ИГМУ, 2012. — 80 с.
8. Ланге К. Душевные движения. — СПб. : Павленко, 1896. — 89 с.
9. Потехина Ю. П., Филатов Д. С. Роль лимбической системы в генезе психовисцеросоматических расстройств // Российский остеопатический журнал. — 2017. — № 1–2 (36–37). — С. 78–87.
10. Прошин А. Т., Сторожева З. И., Болотина О. В. Дофаминовые рецепторы D2 класса нейронов префронтальной коры и нейробиологические механизмы страха и тревоги // Современные проблемы науки и образования. — 2018. — № 5.
11. Осипов Ю. Ю. Деятельность следователя в условиях тактического риска : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1992. — 23 с.

Материал поступил в редакцию 25 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii. — М.: Yurist, 1997. — 480 s.
2. Vilyunas V. Psikhologiya razvitiya motivatsii. — SPb.: Rech, 2006. — 458 s.
3. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki. — М.: LeksEst, 2002. — 1040 s.
4. Ershov Yu. A. Biokhimiya cheloveka: uchebnyk dlya vuzov. — М.: Yurayt, 2023. — 455 s.
5. Ilin E. P. Emotsii i chuvstva. — SPb.: Piter, 2001. — 749 s.
6. Koldin V. Ya. Kriminalisticheskiy analiz. — М.: Yurлитinform, 2016. — 528 s.
7. Kolesnichenko L. S., Bakhtairova V. I., Egorova I. E. Gormony: mekhanizmy deystviya; chastnaya gormonologiya: ucheb. posobie. — Irkutsk: IGMU, 2012. — 80 s.
8. Lange K. Dushevnye dvizheniya. — SPb.: Pavlenko, 1896. — 89 s.
9. Potekhina Yu. P., Filatov D. S. Pol limbicheskoy sistemy v geneze psikhovistserosomaticheskikh rasstroystv // Rossiyskiy osteopaticheskiy zhurnal. — 2017. — № 1–2 (36–37). — S. 78–87.
10. Proshin A. T., Storozheva Z. I., Bolotina O. V. Dofaminovye retseptory D2 klassa neyronov prefrontalnoy kory i neyrobiologicheskie mekhanizmy strakha i trevogi // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. — 2018. — № 5.
11. Osipov Yu. Yu. Deyatel'nost sledovatelya v usloviyakh takticheskogo riska: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 1992. — 23 s.

Анализ проекта всеобъемлющей конвенции ООН против киберпреступности в контексте соблюдения прав пострадавших

Аннотация. В статье представлен анализ проекта международной конвенции против киберпреступности, который 9 августа 2024 г. был одобрен Спецкомитетом ООН по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Оценивается, как этот документ может повлиять на соблюдение прав человека, прежде всего прав лиц, пострадавших от киберпреступлений. Обнаружены пробелы и противоречия проекта, выдвинуты и обоснованы предложения по их устранению. В частности, рекомендовано убрать из проекта положения, которые вводят необоснованные преимущества для одних потерпевших в ущерб правам других. Предлагается включить в проект определения киберпреступности и киберпреступлений (представлены и обоснованы авторские дефиниции этих понятий), положения, направленные на быстрое и эффективное обжалование решений об отказе в открытии уголовного расследования по заявлению о совершенном киберпреступлении. Предложено также закрепить в проекте рекомендацию о публикации для сведения любых заинтересованных субъектов статистических данных о поступивших заявлениях о киберпреступлениях и видах предполагаемых преступных деяний, о принятых по таким заявлениям решениях и нарушении сроков рассмотрения заявлений, об обжаловании действий (бездействия) правоохранительных органов заявителями и ряд иных дополнений.

Ключевые слова: киберпреступность; киберпреступление; информационно-коммуникационные технологии; международный договор; конвенция против киберпреступности; нарушение прав человека; латентная преступность; потерпевший; пострадавший от преступления; кибермошенничество; интернет-преступление; участковый уполномоченный полиции.

Для цитирования: Скобликов П. А. Анализ проекта всеобъемлющей конвенции ООН против киберпреступности в контексте соблюдения прав пострадавших // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 99–112. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.099-112.

© Скобликов П. А., 2025

* Скобликов Петр Александрович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН
Знаменка ул., д. 10, г. Москва, Российская Федерация, 119019
skoblikov@list.ru

Analysis of the Draft UN Comprehensive Convention against Cybercrime in the Context of Respect for the Rights of Victims

Petr A. Skoblikov, Dr. Sci. (Law), Leading Researcher, Sector for Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
skoblikov@list.ru

Abstract. The paper presents an analysis of the draft international convention against cybercrime, which was approved on August 9, 2024, by the UN Ad Hoc Committee on the Development of a Comprehensive International Convention on Countering the Use of Information and Communication Technologies for Criminal Purposes. An assessment is made of how this document may impact the observance of human rights, particularly the rights of persons affected by cybercrime. Gaps and contradictions in the project were identified, and proposals for their elimination were put forward and substantiated. In particular, it was recommended to remove the provisions that introduce unjustified advantages for some victims at the expense of the rights of others. It is proposed to include the definitions of cybercrime and cybercrimes (the author's definitions of these concepts are presented and substantiated), and to introduce provisions aimed at ensuring the rapid and effective of decisions to refuse the initiation of a criminal investigation based on a report of a committed cybercrime. The author also proposes to include in the draft a recommendation for the publication of statistical data for the information of any interested parties. This data would cover received reports of cybercrimes and the types of alleged criminal acts; decisions made on such reports; instances of missed deadlines for processing reports; and the appeal by applicants of actions (or inaction) by law enforcement agencies. A number of other additions are also proposed.

Keywords: cybercrime; cybercrimes; information and communication technology; international treaty; convention against cybercrime; human rights violation; latent crime; victim; crime survivor; cyber fraud; internet crime; district police officer.

Cite as: Skoblikov PA. Analysis of the Draft UN Comprehensive Convention against Cybercrime in the Context of Respect for the Rights of Victims. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):99-112. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.099-112.

Введение

В современных реалиях киберпреступность — одна из наиболее острых проблем, с которой столкнулось человечество, она представляет значительную угрозу как для отдельно взятых государств, так и для международного сообщества в целом¹. Причем по ряду причин эта угроза лишь нарастает, в обозримом будущем она станет еще более масштабной и сложной. Одна из этих причин — природа киберпреступности как постоянно развивающегося явления, что обусловлено быстрыми и сложными технологическими изменениями в обществе².

В 2019 г. Российская Федерация предложила создать профильный орган для разработки всеобъемлющей международной конвенции против киберпреступности; будущий договор призван поднять международное сотрудничество в данной сфере на качественно новый уровень. Российская инициатива получила поддержку мирового сообщества, был образован Спецкомитет ООН по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (далее — Спецкомитет ООН). Кроме того, наша страна внесла проекты резолюций, принятых

¹ Горелик И. Б. Формирование международно-правовой системы противодействия киберпреступности: от терминологии до проекта универсальной конвенции // *Международное право*. 2022. № 4. С. 61.

² Подробнее об этом см., например: *Brenner S. W. Cyberthreats and the Decline of the Nation-State*. Routledge, 2014.

затем Генассамблеей ООН за № 74/247 и 75/282 с целью организационно-регуляторного обеспечения деятельности Спецкомитета ООН. 27 июля 2021 г. в Вене Россия внесла в Спецкомитет ООН свой проект первого в истории универсального договора по борьбе с киберпреступностью³.

Предложенный документ, по сути, выступает альтернативой Будапештской конвенции Совета Европы о компьютерных преступлениях от 23.11.2001. Этот договор по состоянию на начало 2025 г. являлся наиболее значимым межправительственным механизмом по борьбе с киберпреступностью: его подписали и ратифицировали 68 стран (в основном западных). Россия в договоре не участвует; есть информация, что российские представители считают Будапештскую конвенцию инструментом вмешательства во внутренние дела других государств и нарушения их суверенитета⁴. В отечественной научной литературе представлены более подробные обоснования для подобной оценки⁵, хотя можно встретить и комплиментарные отзывы о данной Конвенции⁶, а также критику в адрес тех государств, которые ее не подписали⁷. В любом

случае за то время (четверть века), которое прошло с момента разработки документа и характеризовалось бурным развитием цифровых технологий, он серьезно устарел. Существенно и то, что Будапештская конвенция, пусть и с впечатляющим числом подписантов, всё же носит региональный характер⁸.

Работу над российским проектом осложнила пандемия COVID-19 и обусловленные ею ограничения⁹. Тем не менее проект после внесения модернизировался с учетом предложений других стран и в трансформированном виде вызвал неоднозначные оценки. Постоянный представитель России при международных организациях в Вене М. Ульянов в своем телеграм-канале 10 января 2024 г. написал следующее: «После шести переговорных сессий Спецкомитета есть все основания полагать, что западники включились в переговорный процесс, имея в виду максимально размыть и выхолостить новую договоренность»¹⁰.

Проект договора после его доработки подвергся критике и с третьей стороны, с иных позиций. Так, Раман Джит Сингх Чима, директор

³ См.: О внесении в Спецкомитет ООН российского проекта универсальной международной конвенции по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. 28.07.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1770170/ (дата обращения: 23.03.2025).

⁴ Черненко Е. Под статью подвели не всё. Россия недовольна проектом конвенции ООН по борьбе с киберпреступностью // Коммерсантъ. 2024. 13 янв. С. 1.

⁵ См., например: Данельян А. А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. № 1. С. 265.

⁶ См., например: Зверьянская Л. П., Протосевич А. А. Борьба с киберпреступностью как актуальная задача современной науки // Криминологический журнал БГУЭП. 2011. № 3. С. 28–33; Шматкова Л. П. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступлениями: состояние и перспективы // Молодой ученый. 2016. № 28 (132). С. 721.

⁷ См., например: Шестак В. А., Чеботарь А. С. Будапештская конвенция как основополагающий механизм противодействия киберпреступности: новации и перспективы международно-правового регулирования // Образование и право. 2023. № 8. С. 309.

⁸ Так же как и Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, подписанное 1 июня 2001 г. в Минске.

⁹ См., например: 74-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Пункт 107 повестки дня «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» // Официальный сайт ООН. 6 августа 2020 г. URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Website/A_74_L_84/A_74_L_84_R.pdf (дата обращения: 23.03.2025).

¹⁰ См.: телеграм-канал «Михаил Ульянов». URL: https://t.me/ulyanov_mikhail/2873 (дата обращения: 23.03.2025).

по политике Access Now¹¹ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заявил, что «нынешний текст этой конвенции ослабляет стандарты в области прав человека, защищающие неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху, подрывая права, защищаемые конституцией Индии, как это было провозглашено нашим Верховным судом в постановлении Путтасвами в 2017 г.»¹². Там же высказано опасение, что принятие Конвенции может в конечном итоге привести к объявлению законной онлайн-активности преступной. Это опасение высказали представители как Access Now, так и Electronic Frontier Foundation¹³.

Как бы то ни было, 9 августа в Нью-Йорке Спецкомитет ООН под председательством Алжира завершил начатые два с половиной года назад переговоры принятием проекта универсального договора¹⁴. Этот документ¹⁵ (далее — Проект конвенции) опубликован для всеобщего сведения на официальном сайте ООН в разделе, отведенном для освещения деятельности Спецкомитета ООН, и размещен там после текста доклада о работе его возобновленной заключительной сессии и проекта резолюции Генассамблеи ООН¹⁶.

Свою специфику имеют потенциальные нарушения прав трех групп граждан: 1) привлекаемых к ответственности за киберпреступления; 2) пострадавших от киберпреступлений; 3) третьих лиц. В статье автор намерен проанализировать Проект конвенции с позиции соблюдения прав потерпевших, сосредоточившись на тех существенных вопросах, которые остались без внимания других аналитиков либо рассмотрены ими неполно и (или) без приведения некоторых значимых аргументов.

I. Нарушение принципа правовой определенности в Проекте конвенции и предложения по устранению неопределенности

В названии Проекта конвенции используется термин «киберпреступность», непосредственно в тексте он применяется несколько десятков раз, то есть им обозначается одно из ключевых понятий документа, но что есть киберпреступность — не раскрывается.

Одновременно в тексте Проекта используется термин «киберпреступление» («киберпре-

¹¹ Международная некоммерческая организация, которая в качестве задачи своей деятельности декларирует защиту прав граждан в цифровом пространстве. Штаб-квартира находится в Нью-Йорке (США).

¹² Это заявление цитируется в статье «Доработан договор ООН о киберпреступности: что это такое и почему ему грозит повсеместное противодействие?», опубликованной 17 августа 2024 г. в индийском издании The Indian Express. См.: *Karan Mahadik*. UN cybercrime treaty finalised: What is it and why is it facing widespread pushback? // The Indian Express. August 17, 2024.

¹³ Международная некоммерческая группа по защите цифровых прав, базирующаяся в Сан-Франциско (Калифорния, США).

¹⁴ См.: О принятии ООН проекта международной конвенции по укреплению международного сотрудничества в борьбе с информационной преступностью. 09.08.2024 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1965185/ (дата обращения: 23.03.2025).

¹⁵ Его полное название по состоянию на август 2024 г. громоздкое, оно состоит из заголовка и подзаголовка: «Проект конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности. Укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям».

Первоначальное название (при внесении Проекта конвенции в ООН) было более лаконичным и не имело подзаголовка: «Конвенция Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях». См.: URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf (дата обращения: 23.03.2025).

¹⁶ См.: URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v24/056/77/pdf/v2405677.pdf> (дата обращения: 23.03.2025).

ступления»), но там также не раскрывается, что он означает.

Такая неопределенность создает почву для произвольного толкования содержания будущего юридически значимого документа, расширения или сужения его предмета в аналогичных ситуациях, разворачивающихся в разных местах или в одном месте, но в разное время.

Поясним сказанное. Согласно положениям гл. II «Криминализация» Проекта конвенции государства-участники берут на себя обязательство принимать законодательные и иные меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовного правонарушения 10 определенных деяний, если они совершаются умышленно и неправомерно с использованием информационно-коммуникационных систем или электронных данных, цифровых устройств (деяния описаны в ст. 7–16). Это дает повод, в отсутствие четких ориентиров, для ограничительного толкования, а именно отнести к киберпреступлениям лишь деяния, входящие в приведенный перечень, и не более того (назовем их киберпреступлениями в узком смысле).

Вместе с тем другие положения той же главы II дают основание для более широкого толкования, при котором киберпреступлениями будут считаться все деяния, которые предлагает криминализировать Проект конвенции. Тогда помимо указанного в предыдущем абзаце к киберпреступлениям будут отнесены также деяния, предусмотренные в ст. 17; последние направлены на отмывание доходов от киберпреступлений в узком смысле, которые в данном случае являются предикатными преступлениями¹⁷.

Ну и, наконец, следует принять во внимание, что пункт 1 ст. 4 Проекта конвенции гла-

сит следующее: «...При осуществлении других применимых конвенций и протоколов ООН, участниками которых являются государства-участники, они обеспечивают, чтобы уголовные правонарушения, признанные таковыми в соответствии с этими конвенциями и протоколами, также считались уголовными правонарушениями по внутреннему законодательству, если они совершаются с использованием информационно-коммуникационных систем (курсив наш. — П. С.)». Это дает повод для еще более широкого толкования киберпреступлений — как любых деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных систем.

В результате различных толкований нарушается принцип правовой определенности и могут быть ущемлены права пострадавших от соответствующих преступлений, а также граждан, привлекаемых к ответственности.

В связи с этим целесообразно включить в ст. 2 «Термины» гл. 1 Проекта конвенции разъяснения того, что есть киберпреступность и киберпреступление.

За основу предлагаем взять следующие определения:

— киберпреступность означает совокупность киберпреступлений и лиц, их совершивших (совершающих);

— киберпреступление означает уголовно наказуемое деяние, совершаемое с использованием информационно-коммуникационной системы или для получения доступа к ней, при условии что без наличия такой системы совершение данного или последующего деяния (входящего в преступный план) невозможно или существенно усложняется¹⁸.

¹⁷ Напомним, что предикатное преступление — это такое, которое является обязательным признаком объективной стороны другого преступления, по отношению к которому оно и выступает предикатным. Разновидностью предикатного преступления (предшествующим преступлением) и его классическим примером является приносящее доходы преступное деяние, если отмывание доходов от него влечет ответственность за новое (последующее) преступление — за легализацию преступного дохода.

¹⁸ Предложенная нами дефиниция учитывает широкое по своему содержанию определение термина «информационно-коммуникационная система», сформулированное в п. «а» ст. 2 Проекта конвенции: это любое устройство или группа соединенных или взаимосвязанных устройств, одно или несколько из которых по команде программы производит сбор, хранение и автоматическую обработку электронных данных.

II. О проблеме доступа к правосудию жертв киберпреступности

В преамбуле Проекта конвенции справедливо и уместно признается важность обеспечения правосудия для жертв киберпреступности. В развитие этого тезиса в п. 2 ст. 34 Проекта конвенции включено положение о том, что «каждое Государство-участник, при условии соблюдения своего внутреннего законодательства, устанавливает надлежащие процедуры для обеспечения доступа к компенсации и возмещению ущерба потерпевшим от преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией». Там же, в п. 2 ст. 52, содержится положение, обеспечивающее реализацию предыдущего: «Государства-участники в той мере, в какой это допускается внутренним законодательством, и в случае получения соответствующей просьбы в первоочередном порядке рассматривают вопрос о возвращении конфискованных доходов от преступлений или имущества запрашивающему Государству-участнику, с тем чтобы оно могло *предоставить компенсацию потерпевшим от преступлений или вернуть такие доходы от преступлений или имущество их прежним законным собственникам* (выделено нами. — П. С.)».

Однако все эти и другие меры, направленные на защиту прав и интересов потерпевшего, невозможно реализовать, если потерпевший не получает доступа к правосудию, если уголовное расследование по его заявлению не возбуждается или возбуждается с большой задержкой, отчего следы преступления утрачиваются, а равно если в случае начала уголовного расследования не принимаются необходимые и своевременные меры для раскрытия преступления, закрепления его следов, обнаружения и задержания виновных, поиска похищенного имущества. На минимизацию этих проблем Проект конвенции государства-участников не ориентирует.

Между тем, как показывают некоторые социологические и криминологические исследования, проведенные в России, заявления о

кибермошенничествах, о незаконном копировании персональных данных из компьютерных систем и им подобные правоохранными органами зачастую рассматриваются по существу с большой задержкой, проверка таких заявлений обычно поручается участковым уполномоченным полиции, не имеющим необходимых навыков и умений, ресурсов и полномочий для расследования данного рода преступлений. А по заявлениям об указанных преступлениях часто выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела без надлежащих оснований.

III. Проблемы надлежащего реагирования правоохранных органов на заявления о кибермошенничествах. Краткий анализ российской практики

Проблема безнаказанности кибермошенничества обсуждается в социальных сетях. Вот один из показательных примеров, который был опубликован 2 ноября 2024 г. телеграм-каналом «МИГ России» (у канала более чем 500 тыс. подписчиков) в рамках инициативного проекта «Народная профилактика интернет-мошенничества».

Читатель телеграм-канала рассказал, что не так давно был взломан его аккаунт на портале «Госуслуги» и от его имени оформлен, а затем получен микрозаем. Пострадавший узнал об этом только от работников отдела взыскания займодателя, поскольку в свой аккаунт заходил редко. Гражданин обратился в полицию с заявлением о мошенничестве и с претензией к микрофинансовой организации. Получив обращение пострадавшего с предложением провести проверку по данному факту и уведомление об обращении пострадавшего в полицию, микрофинансовая организация сняла свои требования. Он этим удовлетворен, хотя и получил из полиции постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Негативное решение никто не обжаловал¹⁹. Гражданин не считал нужным это делать, поскольку финансовые

¹⁹ См.: URL: <https://t.me/mig41/37772> (дата обращения: 23.03.2025).

требования к нему сняты; он сделал выводы и ведет себя теперь более бдительно²⁰. Микрофинансовая организация же, вероятно, не хочет ссориться с правоохранительным органом и (или) считает, что втягивание ее в длительный и малоперспективный юридический процесс будет финансово убыточно: услуги юриста стоят дороже, чем размер выданного займа, притом что даже возбуждение уголовного дела не гарантирует последующего обнаружения злоумышленников и возмещения причиненного ущерба. Кроме того, риск непогашения некоторой части долгов заложен в повышенную процентную ставку по займам микрофинансовой организации. В итоге так или иначе страдают многие другие граждане — те, против кого продолжают совершать подобные преступления неразоблаченные преступники, и заемщики, которые выплачивают повышенные проценты по своим долгам.

Здесь полезно привести данные, предоставленные журналистам руководителем Фонда поддержки пострадавших от преступлений. Эта организация функционирует в России без малого 20 лет и оказывает бесплатную юридическую помощь пострадавшим от преступлений. В 2023 г. в Фонд поступило свыше 4 тыс. обращений, из них 70 % — от лиц, которые пострадали в результате действий мошенников. В свою очередь, среди мошенничеств, с которыми столкнулись пострадавшие, лидируют телефонные мошенничества и другие деяния, которые совершаются с использованием информаци-

онных технологий. Потерпевшие обращались в правоохранительные органы, но столкнулись там с отказами в возбуждении уголовных дел²¹. В большинстве случаев с участием юристов Фонда потерпевшим удалось добиться возбуждения уголовных дел, но обычно такие дела остаются нераскрытыми, что неудивительно — ведь время упущено; наибольшие шансы на раскрытие имеются тогда, когда работа оперативных сотрудников и следователей проводится по горячим следам, а не спустя месяцы и более.

Подробный анализ практики реагирования отечественных правоохранительных органов на сообщения о совершении киберпреступлений представлен в другой статье автора²².

IV. О высокой латентности киберпреступности и целесообразности учета этого обстоятельства в Проекте конвенции

С 1 по 10 октября 2024 г. один из крупнейших российских банков — ВТБ — провел опрос, в котором приняли участие 1,5 тыс. человек в возрасте от 18 до 65 лет в городах России с населением более 100 тыс. человек. Согласно результатам этого опроса, в 2024 г. около 60 % россиян столкнулись с мошенничеством по телефону или в Интернете, при этом 7 % россиян попались на уловки кибермошенников. Если экстраполировать полученные результаты на всё взрослое население страны²³, то можно обоснованно предположить, что жертвами кибер-

²⁰ Так, помимо изложенного, гражданин обнаружил, что те же злоумышленники активировали через его кабинет на портале «Госуслуги» три СИМ-карты, которые, по всей видимости, используют в преступных схемах (карты данного оператора связи продаются без предъявления документов, персональные данные пользователя запрашиваются лишь при активации карт). Все «левые» карты он аннулировал и теперь регулярно проверяет свой аккаунт.

²¹ См.: Русова С. Полный иммунитет // Совершенно секретно. 2024. 11 нояб. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/bezopasnost/polnyu-immunitet/> (дата обращения: 23.03.2025).

²² Скобликов П. А. Стратегия борьбы с киберпреступностью: должное и сущее // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22. № 1. С. 128–146.

²³ По данным Федеральной службы государственной статистики, взрослое население России на 1 января 2024 г. составило 119 305 000 человек (84 711 500 — трудоспособное население плюс 34 593 500 — лица старше трудоспособного возраста). См.: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 05.11.2024).

мошенничеств за девять месяцев 2024 г. стали более 8 350 тыс. россиян. Между тем, согласно статистике ГИАЦ МВД России, всего в России за девять месяцев 2024 г. зарегистрировано лишь около 282 тыс. кибермошенничеств²⁴, то есть в 30 раз меньше.

Сколько в действительности заявлений о кибермошенничествах принято правоохранительными органами России в 2024 г. и ранее, установить сложно, ГИАЦ МВД России эти данные в открытом доступе не публикует. Не публикуются и сведения о принятых заявлениях об иных киберпреступлениях, о вынесенных по ним процессуальных решениях.

Самая общая информация об отказах в возбуждении уголовного дела (их количестве в целом безотносительно к характеру совершенного деяния и тому, как деяние квалифицировал потерпевший либо его юрист) публиковалась в России до 2014 г. включительно. Тогда в целом за год было вынесено 6 665 368 таких решений²⁵. Затем эта статистика стала недоступной.

Проблема необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел — одна из самых серьезных и масштабных среди всех проблем, с которыми сталкиваются граждане при попытках получить уголовно-правовую защиту у государства от общественно опасных деяний. Проблема эта давняя, по некоторым причинам, описанным в юридической литературе, она приобрела массовое распространение в 1983 г. и обусловлена такими мотивами правоохранителей, как стремление снизить нагрузку, улучшить формальные показатели своей деятельности, а также коррупцией и рядом иных

соображений²⁶. Приемы и уловки, наработанные недобросовестными и злонамеренными правоохранителями при воспрепятствовании возбуждению уголовных дел о традиционных преступлениях, оказались востребованными при поступлении в правоохранительные органы сообщений об относительно новых преступных деяниях — киберпреступлениях, поскольку соответствующие мотивы появляются и в этих случаях, более того, они возникают чаще и могут становиться сильнее.

В 2023 г. в целом по России зарегистрировано 677 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что почти на 30 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года. В общем числе зарегистрированных киберпреступлений удельный вес увеличился за то же время с 26,5 % до 34,8 %²⁷. Эти данные показывают несостоятельность высказанного в 2020 г. прогноза, согласно которому прирост киберпреступности в России замедлится, «так как, исходя из зарубежного опыта, удельный вес киберпреступности в 30 % является на настоящее время предельным»²⁸. На самом деле очерченные пределы давно пройдены, латентная часть киберпреступности в десятки (возможно, даже в сотни) раз превышает ее регистрируемую часть, поэтому правильно говорить не о пределах распространения киберпреступности, а о пределах ее выявления и регистрации, а также о пределах того, на какой массив информации о преступности способны отреагировать правоохранительная и судебная системы в соответствии с

²⁴ См.: Состояние преступности в России за январь — сентябрь 2024 г. С. 28 // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/56672721/> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁵ См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2014 года. С. 4 // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 23.03.2025).

²⁶ См.: Скобликов П. А. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 68–74.

²⁷ См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 года. С. 3 // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁸ Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 6. С. 901.

действующим антикриминальным законодательством.

Принимая во внимание всё изложенное, предлагаем дополнить статью 34 «Помощь потерпевшим и их защита» Проекта конвенции двумя пунктами:

— «Каждое Государство-участник обеспечивает возможность быстрого и эффективного обжалования решения об отказе в открытии уголовного расследования по заявлению о совершенном киберпреступлении»;

— «Государства-участники рассматривают возможность публикации для сведения соответствующих международных организаций, неправительственных организаций, исследователей и других субъектов гражданского общества статистических данных относительно поступивших заявлений о киберпреступлениях и видах предполагаемых в них преступных деяний, о принятых решениях по таким заявлениям и о нарушении сроков рассмотрения заявлений, а также об обжаловании действий (бездействия) правоохранительных органов заявителями».

Точности ради заметим, что пункт 2 ст. 55 Проекта конвенции рекомендует государствам-участникам рассмотреть возможность накопления статданных, аналитических знаний и информации о киберпреступлениях для прямого и опосредованного обмена с целью выработки, насколько это возможно, общих определений, стандартов, методологий и оптимальных видов практики в деле предупреждения таких преступлений и борьбы с ними. Однако если по заявлению потерпевшего о киберпреступлении в возбуждении уголовного дела отказано со ссылкой на отсутствие события или состава преступления, то описанные в заявлениях деяния не

берутся на учет и не отражаются в уголовной статистике. Иными словами, пункт 2 ст. 55 Проекта конвенции здесь неприменим.

В завершение рассмотрения данного вопроса отметим, что, по результатам недавнего исследования, осуществленного группой специалистов под эгидой Оксфордского университета, Россия возглавила рейтинг стран с самым высоким индексом киберпреступности²⁹. Вывод для нас неоднозначный³⁰, но следует согласиться с другим, а именно: в России один из самых высоких в мире уровней цифровизации жизни (это относится и к государственному, и к частному секторам), что объективно благоприятствует распространению киберпреступности, и крайне высокий уровень преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. А коли так, то негативный опыт России по борьбе с киберпреступлениями должен быть учтен в положениях Проекта конвенции; то, с чем столкнулась наша страна, через некоторое время придет и в другие страны, для которых проблема киберпреступности пока не стоит столь остро.

V. О соблюдении равенства жертв киберпреступлений при получении защиты со стороны государственных органов

В преамбулу Проекта конвенции включено следующее положение: «...Признавая важность учета *гендерных факторов* (выделено нами. — П. С.) во всей соответствующей деятельности по предупреждению преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией, и борьбе с ними в соответствии с внутренним законодательством...

²⁹ Mapping the global geography of cybercrime with the World Cybercrime Index / M. Bruce [et al.] // PLOS One. April 10, 2024. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0297312> (дата обращения: 23.03.2025).

³⁰ Он вызывает сомнение по нескольким обстоятельствам: 1) авторы исследования трактуют киберпреступность очень узко — как деятельность хакеров; 2) авторы исследования понимают, что хакеры обычно используют специальные программы, дабы избежать обнаружения, замести цифровые следы, при этом многие действуют, организуя атаки не из стран своего происхождения или постоянного проживания; тем не менее исследователи доверяют мнениям опрошенных ими экспертов, полагая, видимо, что у последних есть некие точные и конфиденциальные источники относительно принадлежности неразоблаченных хакеров к той или иной стране; 3) в исследовании неявно предполагается, что главным образом хакеры

согласились о нижеследующем...». Вероятно, в развитие этого положения в п. h ст. 53 Проекта конвенции включена рекомендация применять такие меры предупреждения киберпреступлений, как «разработка, в соответствии с внутренним законодательством, стратегий и политики предотвращения и искоренения *гендерного насилия* (выделено нами. — П. С.), совершаемого с использованием информационно-коммуникационной системы, а также учет при разработке мер по предупреждению особых обстоятельств и потребностей лиц, находящихся в уязвимом положении».

Термин «насилие» в Проекте конвенции используется лишь единожды — в процитированном случае, и что он означает в этом документе, не разъясняется. Причем слова и выражения «убийство», «угроза убийством», «угроза причинения вреда здоровью», «угроза сексуального насилия» и их синонимы в Проекте конвенции не используются.

В российской правовой доктрине и правоприменительной практике под насилием подразумевается применение физической силы (физическое насилие) к жертве или высказывание угрозы применения таковой (психическое насилие)³¹. Если, допустим, кому-то высказывается угроза убийством в связи с его гендерной

принадлежностью и для доведения угрозы до жертвы используется информационно-коммуникационная система, то такая угроза не более опасна, чем аналогичная угроза, переданная человеку в связи с его расовой или национальной принадлежностью либо гражданством. Отсюда можно заключить, что в Проекте конвенции безосновательно проводится политика, направленная на установление неравенства потерпевших, которые пострадали (или могут пострадать) от тождественных преступлений. Предлагается усилить защиту одних потерпевших в ущерб другим: ведь ресурсы любой правоохранительной системы ограничены, и если повышенное внимание уделяется отдельной группе потерпевших, то меньшее внимание уделяется другим группам потерпевших.

Отсюда можно заключить, что рассматриваемые положения Проекта конвенции входят в противоречие с Всеобщей декларацией прав человека³², ее статьями 1, 2 и 8³³.

VI. Об удалении из Проекта конвенции ложного приоритета

Что понимают под термином «гендерное насилие» инициаторы внесения пункта h в ст. 53

направляют свои атаки не на страны своего происхождения или постоянного проживания, а за их пределы; 4) за публикацию в журнале PLOS One авторы платят 1 495 долл. США, что вызывает некоторый скепсис относительно беспристрастности исследователей.

³¹ Так, крупный советский и российский правовед Л. Д. Гаухман определял насилие как «общественно опасное, противоправное воздействие на организм человека, совершенное против его воли» (*Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами*. М. : Юрид. лит., 1969. С. 6). Другой видный отечественный правовед, Л. Л. Кругликов, полагает, что «насилие есть физическое воздействие (причинение вреда здоровью, удары, толчки, запирание и т.п.), а также угроза применения только физического воздействия» (*Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов*. М. : Бек, 1999. С. 84). Подобное понимание насилия представлено и в иных учебных курсах, научно-практических комментариях.

³² Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948.

³³ В статье 1 провозглашается равенство прав людей. В статье 2 указано, что каждый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными рассматриваемой Декларацией, без какого бы то ни было различия из-за расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или другого положения. И, как гарантия предыдущих положений, в ст. 8 закреплено, что каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом.

Проекта конвенции в рассматриваемой редакции? Почему они уклонились от раскрытия содержания данного понятия? Не смогли его сформулировать или по какой-то причине не захотели это делать? За ответами обратимся к некоторым документам ООН, отобранным нами в ходе целевого мониторинга.

Совещание группы экспертов, созданное подразделением ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, опиралось на определение, предложенное в 2018 г. специальным докладчиком по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях. Согласно ему, гендерное насилие с использованием технологий есть «любое действие, которое совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий или других цифровых инструментов, сопровождается или усугубляется их использованием или приобретает в связи с таким использованием большие масштабы, причиняя или потенциально причиняя физический, сексуальный, психологический, социальный, политический или экономический ущерб или приводя к иным нарушениям прав и свобод»³⁴.

При этом в докладе Генерального секретаря ООН, названном «Активизация усилий в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин и девочек: насилие в отношении женщин и девочек, совершаемое с использованием технологий» и представленном на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 8 октября 2024 г.,

отмечается, что у термина «насилие в отношении женщин и девочек в цифровых контекстах» (приводятся синонимы этого термина: «онлайн-насилие», «цифровое насилие», «кибернасилие» и др.) всё еще нет устоявшегося определения³⁵. Докладчик сообщил, что он ориентируется на определение, сформулированное в резолюции 77/193 Генеральной Ассамблеи ООН³⁶: «"насилие в отношении женщин и девочек" означает любой акт насилия³⁷, в частности сексуально или гендерно мотивированный, который причиняет или может причинить страдания женщинам и девочкам или нанести вред их физическому, сексуальному и психическому здоровью или материальному положению, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в публичной или частной сфере, в реальной жизни или в виртуальном пространстве», — и отмечает «экономический и социальный вред такого насилия».

Если обобщить приведенные определения и учесть пояснения, сделанные в процитированных документах, то можно заключить, что под *гендерным насилием*, совершаемым с использованием информационно-коммуникационной системы, инициаторы соответствующего дополнения к Проекту конвенции имели в виду любое действие, нацеленное на опорочивание³⁸, оскорбление или домогательство женщин и девочек, а равно их шантаж, злоупотребление доверием, принуждение к

³⁴ UN-Women. Technology-facilitated violence against women: towards a common definition. Report of the meeting of the expert group. New York. November 2022. P. 4.

³⁵ URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2024-10/a-79-500-sg-report-ending-violence-against-women-and-girls-2024-ru.pdf> (дата обращения: 23.03.2025).

³⁶ Резолюция озаглавлена «Активизация усилий в целях предотвращения и искоренения всех форм насилия в отношении женщин и девочек: гендерные стереотипы и негативные социальные нормы», принята 15 декабря 2022 г. URL: <http://gender.cawater-info.net/publications/pdf/n2275962.pdf> (дата обращения: 23.03.2025).

³⁷ Сразу заметим, что это определение является тавтологическим, оно демонстрирует распространенную логическую ошибку, порочный круг, когда определяющий термин есть повторение определяемого (насилие определяется через акт насилия).

³⁸ В упомянутом выше докладе Генерального секретаря ООН утверждается, что «наиболее распространенными формами направленного против женщин гендерного насилия в Интернете являются ложная информация и диффамация». Там же отмечается, что среди других наиболее распространенных форм — кибердомогательство, разжигание ненависти, выдача себя за другого, хакерство и преследование.

какому-либо действию или бездействию, причиняющие либо могущие причинить жертвам любой вред (психологический, сексуальный, экономический, политический и т.д.). Всевозможные действия, имеющие разную юридическую природу и порой диаметрально противоположные (насилие и обман, злоупотребление доверием и клевета, сексуально-виртуальное домогательство и экономическая эксплуатация) названы проводниками соответствующей идеи словом «насилие»; вероятно, это сделано для эмоционального воздействия на слушателей и читателей, успешной вербовки новых сторонников и последователей.

Таким образом, в отсутствие сколько-нибудь серьезных криминологических обоснований происходит смешение, отождествление и подмена юридических понятий, нарушение правил формальной логики, перенаправление правовой политики на ложные цели в ущерб актуальным задачам и вызовам времени.

В связи с изложенным предлагаем изъять из преамбулы Проекта конвенции указание на важность учета гендерных факторов, а из п. h ст. 53 удалить эксклюзивную рекомендацию по разработке стратегий и политики предотвращения и искоренения гендерного насилия.

Вполне достаточно того, что в п. 5 ст. 34 «Помощь потерпевшим и их защита» содержится следующее положение: «При применении положений пунктов 2–4 настоящей статьи каждое Государство-участник принимает во внимание возраст, пол и особые обстоятельства и потребности потерпевших, включая особые обстоятельства и потребности детей».

VII. О расширении круга лиц, обладающих повышенной уязвимостью для киберпреступлений, и усилении их защиты

Вместе с тем полагаем, что процитированный выше пункт 5 ст. 34 Проекта конвенции нуждается в дополнении: целесообразно после слова «детей» через запятую вставить словосочетание «а равно пожилых людей, прежде всего одиноких».

Данное предложение обусловлено повышенной уязвимостью указанной категории людей, которые, с одной стороны, по причине своей недостаточной цифровой грамотности, ослабленной памяти, интеллекта, повышенной внушаемости и прочего более уязвимы, чаще других страдают от мошенничеств и других хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных систем, а с другой — будучи в силу возраста ослабленными морально и физически, тяжело переживают последствия преступлений; не менее важно, что по причине утраты трудоспособности или ограничений в занятии трудом они не могут самостоятельно восстановить те имущественные потери, которые понесли³⁹.

Заключение

Бурное развитие цифровых устройств, информационно-коммуникационных технологий, их проникновение во все сферы жизни современного человека при многих достоинствах этих процессов имеет и обратную сторону: создается благодатная почва для такого же бурного развития, распространения и масштабирования новой формы общественно опасных деяний — киберпреступности. Киберпреступность имеет ярко выраженный транснациональный

³⁹ Указанные закономерности, к сожалению, проявляют себя по отношению к пожилым людям в любых странах, сколь бы благополучными и просвещенными они ни были. Так, по данным Федерального бюро расследований, в США в 2021 г. выявлено 92 тыс. пожилых людей, пострадавших от телефонных мошенничеств, которые потеряли таким образом 1,7 млрд долл. США; это на 74 % больше, чем в предыдущем году. См.: *Keiper A., Spunt D., Chiaramonte P. FBI raises flag on elder fraud after thousands of retirees are scammed out of \$1.7 billion // Fox29. October 11, 2022. URL: <https://www.fox29.com/news/fbi-raises-flag-elder-fraud-thousands-retirees-scammed-1-7-billion> (дата обращения: 25.03.2025).*

характер прежде всего потому, что осуществляется в глобальных электронных сетях. При совершении киберпреступлений соучастники могут располагаться в разных странах, орудия и средства совершения этих преступлений могут размещаться за пределами тех правопорядков, где пребывают преступники, их жертвы в то же время могут находиться в третьих странах и, наконец, отмывание и использование преступных доходов может происходить в местах, отличных от всего указанного выше.

При таком положении объективно требуется формирование эффективных международно-

правовых (глобальных и региональных) механизмов противодействия преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий. В основе данных механизмов должны лежать хорошо продуманные и выверенные международные договоры. Автор надеется, что высказанные и обоснованные в статье замечания, установки и предложения окажутся полезными как для осмысления и улучшения рассматриваемого Проекта конвенции, ее совершенствования после подписания заинтересованными странами, так и для разработки новых документов такой же направленности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами. — М. : Юрид. лит., 1969. — 120 с.
2. Горелик И. Б. Формирование международно-правовой системы противодействия киберпреступности: от терминологии до проекта универсальной конвенции // Международное право. — 2022. — № 4. — С. 60–71.
3. Дanelьян А. А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. — 2020. — № 1. — С. 261–269.
4. Зверьянская Л. П., Протосевич А. А. Борьба с киберпреступностью как актуальная задача современной науки // Криминологический журнал БГУЭП. — 2011. — № 3. — С. 28–33.
5. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. — № 6. — С. 898–913.
6. Скобликов П. А. Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел // Уголовный процесс. — 2013. — № 4. — С. 68–74.
7. Скобликов П. А. Противодействие правоохранителей возбуждению уголовных дел: система типичных приемов и уловок // Закон. — 2016. — № 7. — С. 92–105.
8. Скобликов П. А. Стратегия борьбы с киберпреступностью: должное и сущее // Сибирское юридическое обозрение. — 2025. — Т. 22. — № 1. — С. 128–146. — DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-1-128-146>.
9. Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. — М. : Бек, 1999. — 559 с.
10. Шестак В. А., Чеботарь А. С. Будапештская конвенция как основополагающий механизм противодействия киберпреступности: новации и перспективы международно-правового регулирования // Образование и право. — 2023. — № 8. — С. 305–310.
11. Шматкова Л. П. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступлениями: состояние и перспективы // Молодой ученый. — 2016. — № 28 (132). — С. 720–723.
12. Brenner S. W. Cyberthreats and the Decline of the Nation-State. — Routledge, 2014.
13. Mapping the global geography of cybercrime with the World Cybercrime Index / M. Bruce [et al.] // PLOS One. — April 10, 2024. — URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0297312> (дата обращения: 23.03.2025).

Материал поступил в редакцию 25 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gaukhman L. D. *Borba s nasilstvennymi posyagatelstvami*. — M.: Yurid. lit., 1969. — 120 s.
2. Gorelik I. B. *Formirovanie mezhdunarodno-pravovoy sistemy protivodeystviya kiberprestupnosti: ot terminologii do proekta universalnoy konventsii* // *Mezhdunarodnoe pravo*. — 2022. — № 4. — S. 60–71.
3. Danelyan A. A. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie kiberprostranstva* // *Obrazovanie i pravo*. — 2020. — № 1. — S. 261–269.
4. Zveryanskaya L. P., Protosevich A. A. *Borba s kiberprestupnostyu kak aktualnaya zadacha sovremennoy nauki* // *Kriminologicheskiy zhurnal BGUEP*. — 2011. — № 3. — S. 28–33.
5. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *Garmonizatsiya rossiyskogo ugovolnogo zakonodatelstva o protivodeystvii kiberprestupnosti s pravovymi standartami Soveta Evropy* // *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. — 2020. — T. 14. — № 6. — S. 898–913.
6. Skoblikov P. A. *Motivy neobosnovannykh i nezakonnnykh otkazov v vozbuzhdenii ugovolnykh del* // *Ugovolnyy protsess*. — 2013. — № 4. — S. 68–74.
7. Skoblikov P. A. *Protivodeystvie pravookhraniteley vozbuzhdeniyu ugovolnykh del: sistema tipichnykh priemov i ulovok* // *Zakon*. — 2016. — № 7. — S. 92–105.
8. Skoblikov P. A. *Strategiya borby s kiberprestupnostyu: dolzhnoe i sushchee* // *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. — 2025. — T. 22. — № 1. — S. 128–146. — DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-1-128-146>.
9. *Ugovolnoe pravo Rossii. Obshchaya chast / otv. red. prof. L. L. Kruglikov*. — M.: Bek, 1999. — 559 s.
10. Shestak V. A., Chebotar A. S. *Budapeshtskaya konventsiya kak osnovopolagayushchiy mekhanizm protivodeystviya kiberprestupnosti: novatsii i perspektivy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya* // *Obrazovanie i pravo*. — 2023. — № 8. — S. 305–310.
11. Shmatkova L. P. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v borbe s kiberprestupleniyami: sostoyanie i perspektivy* // *Molodoy uchenyy*. — 2016. — № 28 (132). — S. 720–723.
12. Brenner S. W. *Cyberthreats and the Decline of the Nation-State*. — Routledge, 2014.
13. *Mapping the global geography of cybercrime with the World Cybercrime Index* / M. Bruce [et al.] // *PLOS One*. — April 10, 2024. — URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0297312> (data obrashcheniya: 23.03.2025).

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.113-121

А. Н. Нугманова*

Защита прав человека в международных инвестиционных правоотношениях: поиск баланса интересов сторон

Аннотация. Статья посвящена защите прав человека в международных инвестиционных правоотношениях. Автор отмечает, что международное инвестиционное право сфокусировано в основном на защите иностранных инвестиций, в то время как вопросы соблюдения прав человека в широком смысле часто остаются на втором плане; акцентирует внимание на случаях, когда иностранные инвесторы действуют недобросовестно в отношении трудовых прав работников, нарушая трудовое законодательство принимающих стран. Такие нарушения ведут к конфликту интересов между иностранными инвесторами, стремящимися к максимизации прибыли, и принимающими государствами, заинтересованными в экономическом росте и создании качественных рабочих мест. В работе выявляются способы, с помощью которых государства пытаются сохранить равновесие между защитой иностранных инвестиций и соблюдением прав человека, такие как установление исключений из трудового законодательства, трудовое вето, защита от ответственности и встречные иски. Наряду с этим автор обращается к проблеме эволютивного толкования арбитражными трибуналами положений международных инвестиционных договоров. В качестве ключевого вывода выдвигается идея о необходимости поиска баланса между защитой прав человека и интересами иностранных инвесторов, что требует диалога, комплексного анализа и разработки гибких правовых механизмов. Подчеркивается важность дальнейших исследований и разработки новых правовых подходов для включения положений о правах человека в международные инвестиционные соглашения, что позволит обеспечить устойчивое развитие и соблюдение прав человека в условиях глобализации экономики.

Ключевые слова: международное инвестиционное право; международное право прав человека; международные инвестиционные правоотношения; права человека; трудовые права; международные инвестиционные соглашения; цели устойчивого развития; транснациональные корпорации; эволютивное толкование; иностранные инвестиции.

Для цитирования: Нугманова А. Н. Защита прав человека в международных инвестиционных правоотношениях: поиск баланса интересов сторон // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 113–121. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.113-121.

© Нугманова А. Н., 2025

* Нугманова Алия Наилевна, аспирант кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Большая Черемушкинская ул., д. 34, г. Москва, Российская Федерация, 117218
alyanug@icloud.com

Protecting Human Rights in International Investment Relations: Finding a Balance of Interests

Alia N. Nugmanova, Postgraduate Student, Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
alyanug@icloud.com

Abstract. The paper is devoted to the protection of human rights in international investment relations. The author notes that international investment law focuses primarily on the protection of foreign investments, while issues of respect for human rights in the broad sense often remain in the background. The author focuses on cases where foreign investors act in bad faith with respect to workers' labor rights, violating the labor laws of host countries. Such violations lead to a conflict of interest between foreign investors seeking to maximize profits and host countries interested in economic growth and the creation of quality jobs. The author identifies ways in which states try to maintain a balance between protecting foreign investment and respecting human rights, such as establishing exceptions to labor laws, labor vetoes, liability shields, and counterclaims. Along with this, the author focuses on the problem of the evolutive interpretation of the provisions of international investment treaties by arbitration tribunals. The key conclusion put forward is the need to find a balance between the protection of human rights and the interests of foreign investors, which requires dialogue, comprehensive analysis, and the development of flexible legal mechanisms to achieve a sustainable balance. The author also emphasizes the need for further research and the development of new legal approaches to incorporate human rights provisions into international investment agreements, which will ensure sustainable development and respect for human rights in the context of economic globalization.

Keywords: international investment law; international human rights law; international investment relations; human rights; labor rights; international investment agreements; sustainable development goals; transnational corporations; evolutionary interpretation; foreign investment.

Cite as: Nugmanova AN. Protecting Human Rights in International Investment Relations: Finding a Balance of Interests. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):113-121. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.113-121.

Одной из ключевых проблем защиты прав человека в широком смысле в международных инвестиционных правоотношениях является ограниченная сфера применения международного инвестиционного права. В международном праве в области прав человека государства обязаны уважать и защищать права человека, в то время как международное инвестиционное право сосредоточено на вопросах защиты иностранных инвестиций. Для формирования комплексной и завершенной картины защиты прав человека в международном инвестиционном праве необходимо изучить еще один аспект, помимо вышеупомянутых: положения относительно защиты прав

человека, принимаемые во внимание в двусторонних инвестиционных договорах (ДИД), часто выражаются в ограничении возможностей для их практической реализации международными трибуналами, несмотря на то что за ними закреплена ответственность по обеспечению соблюдения прав всех сторон международных инвестиционных правоотношений, в том числе прав человека в широком понимании¹.

Существуют прецеденты, когда иностранные инвесторы действуют недобросовестно в контексте соблюдения трудового законодательства государств — реципиентов иностранных инвестиций. В отдельных случаях речь идет даже о более серьезных нарушениях, таких как исполь-

¹ Juska K. Human Rights in Investment Treaty Arbitration: Challenges and Opportunities // Human Rights and International Legal Discourse. 2016. P. 145–167.

зование принудительного труда². В качестве примера можно привести использование принудительного труда в глобальной производственной цепочке, которые встречаются у таких крупных корпораций, как Tesla Inc.³ По данным Amnesty International, добыча кобальта часто ведется в условиях, при которых работники, не исключая детей и женщин, подвергаются жестокому обращению. Такое, в частности, наблюдается в Демократической Республике Конго, где трудовые права работников защищены особенно слабо⁴.

Кроме того, компания Tesla Inc привлекла внимание к условиям труда на предприятиях, расположенных в Калифорнии и Техасе. Расследования, проведенные The Guardian, свидетельствуют о значительных нарушениях прав работников (чрезмерная продолжительность рабочего дня и не соответствующие стандартам меры безопасности). Работники сообщали о сложных условиях труда и давлении, которое оказывается на них для того, чтобы обеспечить высокий уровень производительности⁵.

По версии самого предприятия Tesla Inc., оно, как и многие другие корпорации, стремится следовать принципам корпоративной социальной ответственности при осуществлении своей деятельности, хотя реальное выполнение этих принципов вызывает сомнения⁶.

Помимо всего прочего, интересы принимающего государства, иностранных инвесторов и населения часто не совпадают: принимающее

государство старается привлечь прямые иностранные инвестиции для экономического роста и создания рабочих мест, иностранные инвесторы озабочены максимизацией прибыли от осуществляемых капиталовложений, в то время как население заинтересовано в качественных рабочих местах и соблюдении своих трудовых прав⁷. Это, в свою очередь, неизбежно приводит к конфликтам упомянутых интересов, ухудшению стандартов защиты прав работников и охраны окружающей среды в стремлении принимающего государства привлечь иностранных инвесторов. Как указанный выше пример, так и понимание необходимости поиска баланса по преодолению конфликта вышеупомянутых интересов не являются исключениями, а потому наряду с увеличением числа региональных и двусторонних торговых соглашений растет число международных инвестиционных соглашений (МИС), которые включают положения о трудовых отношениях.

Первоначально МИС были направлены на защиту иностранных инвестиций и не затрагивали вопросы труда или занятости. Первое упоминание о повышении благосостояния работников и соблюдении их основных прав относится к 1994 г., когда вступил в силу ДИД между Соединенными Штатами и Польшей. С тех пор в МИС, в том числе в торговых соглашениях с инвестиционными подразделениями, всё чаще стали учитываться социальные вопросы.

² URL: <https://www.responsible-investor.com/investors-under-pressure-on-uyghur-forced-labour/> (дата обращения: 01.03.2025).

³ URL: <https://www.tesla.com> (дата обращения: 01.03.2025).

⁴ The Price of Cobalt is Going Up: The Booming Demand for Electric Cars and the Atrocities in the Supply Chain 2019 // Amnesty International. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099500001312236438/pdf/P1723770a0f570093092050c1bdd6a29df.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

⁵ Tesla sued for severe harassment of Black workers at California plant // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/sep/29/tesla-lawsuit-harassment-racism-black-employees-california> (дата обращения: 01.03.2025).

⁶ В отчетах о корпоративной социальной ответственности компании подчеркивается необходимость контроля условий труда среди поставщиков, однако независимые организации продолжают выявлять недостатки в этой области. См.: Tesla, Inc. Impact Report 2021: A Year of Progress // URL: https://www.tesla.com/ns_videos/2021-tesla-impact-report.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

⁷ Тарасов М. В. «Гонка уступок» и ее регулирование в двусторонних соглашениях о защите инвестиций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 4 (55). С. 299. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/297-306> (дата обращения: 01.03.2025).

В докладе Международной организации труда о мировой торговле и инвестициях 2023 г. отмечается, что почти 40 % МИС, подписанных к 2014 г., включали положения о защите трудовых прав (12 из 31), а к 2021 г. доля подошла к 50 %⁸. Большинство из этих соглашений заключено между странами Севера и Юга, но около трети ДИД, содержащих положения о трудовых отношениях, были заключены между партнерами по линии Юг — Юг. В рамках других МИС, таких как инвестиционные разделы торговых соглашений и соглашений об экономическом партнерстве, положения о трудовых отношениях также становятся всё более распространенными.

Значительная доля партнерств Юг — Юг может быть обусловлена тем фактом, что бóльшая часть прямых иностранных инвестиций поступает в развивающиеся страны (55 % мировых потоков прямых иностранных инвестиций). Они всё активнее инвестируют в другие страны, на их долю приходится треть мирового инвестиционного потока. Поэтому в сферу их интересов входит защита прав иностранных инвесторов и их капиталовложений, а также защита интересов принимающего государства, что стало причиной принятия соглашений, регулирующих как торговые, так и инвестиционные вопросы, в рамках таких региональных сообществ, как Сообщество развития Юга Африки (Southern African Development Community, SADC), Экономическое сообщество западноафриканских государств (Economic Community of West African States, ECOWAS), Общий рынок Восточной и

Южной Африки (Common Market for Eastern and Southern Africa, COMESA), Восточноафриканское сообщество (East African Community, EAC)⁹.

Например, глава 7 Договора о развитии Сообщества Юга Африки посвящена вопросам всестороннего сотрудничества его государств-участников по вопросам торговли, промышленности, финансов, инвестиций и горнодобывающей отрасли в целях содействия дальнейшему региональному развитию и более глубокой интеграции с акцентом на соблюдение баланса справедливости и взаимной выгоды сторон¹⁰. А Договор об учреждении Восточноафриканского сообщества не только устанавливает сотрудничество государств, входящих в число его участников, по общим вопросам, касающимся торговли, промышленности и инвестиций, но и особо подчеркивает необходимость сотрудничества относительно гармонизации и рационализации инвестиционной деятельности, особенно связанной с использованием местных материалов и рабочей силы¹¹.

Однако при урегулировании инвестиционных споров между государствами и инвесторами, на которых распространяются не региональные соглашения, а МИС, возникают вопросы о необходимости внедрения механизмов для обеспечения баланса между защитой иностранных инвестиций и сохранением политического пространства для принимающей страны.

Примером может служить дело «Форести и др. против Южной Африки»¹², где заявители утверждали, что Южная Африка нарушила свои обязательства согласно ДИД, заключенному

⁸ ILO. Integrating trade and decent work: The potential of trade and investment policies to address labour market issues in supply chains, 2023. P. 80 // URL: <https://www.ilo.org/publications/chapter-2-labour-rights-protection-international-investment-agreements> (дата обращения: 01.03.2025).

⁹ Региональные экономические сообщества Африки // URL: <https://www.integrate-africa.org/rankings/regional-economic-communities/> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁰ Treaty of the Southern African Development Community 1992 (in 2015 edition). Chapter 7. Art. 21 // URL: https://www.sadc.int/sites/default/files/202108/Consolidated_Text_of_the_SADC_Treaty_scanned_21_October_2015.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

¹¹ Treaty for the establishment of the East African Community 1999 (in 2007 edition). Chapter 12. Art. 79–80 // URL: <https://www.eac.int/documents/category/key-documents> (дата обращения: 16.03.2025).

¹² Piero Foresti, Laura de Carli & Others v. The Republic of South Africa, ICSID Case No. ARB(AF)/07/01. Award August 2010 // URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0337.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

между ней и Италией с Люксембургом, внедрив трудовые и социальные нормы, которые исключали работников, исторически находившихся в неблагоприятном положении, из перечня определенных должностей на предприятиях горнодобывающей отрасли. Эти правила были нацелены на расширение прав собственности для этих работников, но заявители утверждали, что это представляло собой косвенную экспроприацию и отсутствие надлежащей правовой процедуры. Они также утверждали, что при выполнении данных правил в отношении этих работников применялись меры дискриминационного характера. Принимающее государство в свою защиту заявляло, что такие меры были обусловлены исторически сложившимся контекстом. В конечном счете спор был урегулирован соглашением сторон.

Другой пример — дело «Веолия против Египта»¹³. Египетская коммунальная компания подала иск против Египта на сумму 82 млн евро частично из-за повышения минимальной заработной платы в Александрии. Трибунал решил спор в пользу государства, в обосновании указав, что в отказе принимающего государства изменить условия контракта в связи с ежегодным изменением уровня минимальной заработной платы отсутствует нарушение положений ДИД.

Конфликт между защитой инвестиций и политической автономией принимающего государства ярко выражен в деле «Noble Ventures, Inc. против Румынии»¹⁴. Американская компания подала жалобу, в которой утверждалось, что Румыния нарушила свои обязательства по ДИД с Соединенными Штатами, не обеспечив полную защиту имущества компании от незаконных забастовок, которые привели к краже или повреждению активов компании, а также к лишению свободы или причинению физического вреда сотрудникам. Трибунал решил, что истец (иностранный инвестор) не смог должным образом доказать, что причиненный ему материальный ущерб можно было бы предотвратить за счет

не предпринятых государством действий; указал на то, что обязательство принимающего государства осуществлять защиту имущества иностранных инвесторов, берущее свое начало из норм обычного международного права, не требует от государства конкретных действий в отношении мирных забастовок, а лишь является требованием должной осмотрительности при осуществлении своих обязательств в отношении иностранных инвесторов и их имущества.

Для решения подобных проблем был разработан ряд способов, с помощью которых государства могут сохранить свое право на соблюдение баланса между интересами инвесторов и принимающего государства в рамках МИС. К ним относятся исключения из трудового законодательства, трудовое вето, защита от ответственности и встречные иски.

Установление исключений из трудового законодательства позволяет выделить целые секторальные направления деятельности из-под общей защиты, предоставляемой иностранным инвесторам. Это, в свою очередь, дает принимающим государствам возможность достичь должного равновесия между целями и задачами по осуществлению социально-экономического регулирования и государственной политики, с одной стороны, и привлечению прямых иностранных инвестиций, с другой. Примечательно в данном контексте вышеупомянутое дело «Форести и др. против Южной Африки». Несмотря на то что спор был урегулирован соглашением между сторонами, он смог поспособствовать законодательным реформам в Южной Африке. В 2010 г. была одобрена поправка к Уставу горнодобывающей промышленности, согласно которой разрешалось передавать в собственность исторически угнетаемого трудового населения страны часть собственности предприятий горнодобывающей отрасли¹⁵.

Если говорить о трудовом вето, то в случае несоблюдения иностранным инвестором тру-

¹³ Veolia Propreté v. Arab Republic of Egypt, ICSID Case No. ARB/12/15.

¹⁴ Noble Ventures, Inc. v. Romania, ICSID Case No. ARB/01/11. Award October 2005. Para 164–166 // URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0565.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁵ Government Notice No. 838, 20.09.2010 // URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/33573838.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

довых норм, предусмотренных ДИД, компетентные национальные органы как принимающей страны, так и государства-инвестора или независимый международный орган могут заблокировать арбитражный процесс.

Здесь, однако, появляется другая проблема: в качестве защиты от ответственности государство может заявить, что инвестиции были сделаны с нарушением его законов. Как вариант, оно может сослаться на несоблюдение инвестором трудовых норм, используемых в качестве основания для оспаривания законных действий иностранного инвестора.

Что касается нарушения стандарта справедливого обращения, то он выступает важным аспектом международного инвестиционного права. Принимающее государство может выдвинуть свое трудовое законодательство в качестве встречного иска, но это должно быть осуществлено в рамках положения об урегулировании споров и вытекать непосредственно из основного иска или быть тесно связано с ним¹⁶.

Но основной проблемой в процессе модернизации является то, что инвестиционный договор представляет собой договор между двумя согласующимися сторонами, и арбитражный суд выводит свою юрисдикцию из этого соглашения¹⁷. Это в конечном счете означает, что трибуналы обязаны при разрешении спора отдавать приоритет тому договору, в силу наличия которого он и обладает юрисдикцией для его разрешения.

Здесь необходимо учитывать и факторы, влияющие на процесс включения специфических положений о защите прав человека в международные инвестиционные соглашения.

Во-первых, существует вопрос определения, как и какие именно стандарты и права человека должны быть включены в положения международных инвестиционных договоров исходя из фундаментальных ценностей прав человека и

основной цели инвестиционной деятельности — максимизации прибыли. Важно подчеркнуть, что усилия по защите прав человека должны быть согласованы с потребностью в обеспечении стабильности инвестиционной среды и защите интересов иностранных инвесторов. Этот баланс требует внимательной оценки различных интересов и потребностей, что в конечном счете может стать причиной трудностей в практической реализации. Важно стремиться к созданию механизмов, которые бы учитывали контекст интересов обеих сторон, то есть защищали бы права человека, одновременно предоставляя стабильную гарантию защиты прав и законных интересов иностранных инвесторов. Поиск компромисса между этими целями требует диалога, комплексного анализа и разработки гибких правовых механизмов для достижения и соблюдения устойчивого баланса между правами человека и исполнением инвестиционных обязательств. Иностранные инвесторы, как правило, сфокусированы не только на максимизации прибыли, о чем нами упомянуто выше, но и на минимизации рисков, что может привести к ситуациям, когда их действия противоречат правам человека. С другой стороны, принимающее государство и институты гражданского общества стараются обеспечить защиту прав человека в рамках инвестиционных проектов, что может стать непреодолимым фактором включения таких положений в международные инвестиционные соглашения¹⁸.

Во-вторых, конкретные положения о защите прав человека в международных инвестиционных соглашениях зачастую не могут быть включены в текст соглашения из-за разницы в возможностях государств. ТНК и международный бизнес в целом оказывают серьезное влияние на условия, в которых заключаются международные инвестиционные соглашения. Развивающиеся страны, стремящиеся к эконо-

¹⁶ *Watt H. M.* The Contested Legitimacy of Investment Arbitration and the Human Rights Ordeal // URL: <https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-00972976/document> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁷ См.: *Вельяминов Г. М.* Международное экономическое право и процесс. М., 2004. С. 402.

¹⁸ *Khadim N.* Is Spade always a Spade? The Protection of Basic Human Rights and Indigenous Rights under Investment Treaties // URL: <http://theartvocate.blogspot.com/2017/03/is-spade-always-spadeprotection-of.html?q=governance+gap> (дата обращения: 16.03.2025).

мическому развитию, могут столкнуться с необходимостью уступок в пользу ТНК, чтобы привлечь и удержать иностранные инвестиции, что создает сложности при включении конкретных положений о защите прав человека, поскольку страны могут быть не готовы или не способны обеспечить соблюдение высоких стандартов прав человека из-за давления со стороны ТНК или стремления привлечь инвестиции.

В-третьих, аргумент о том, что инвестиционные договоры должны уважать международное право в области прав человека, трудновыполнимы на практике. Эта проблема, по мнению Л. Г. Гарсиа, усугубляется тем, что международные институты по защите прав человека, в частности ООН, не в состоянии предотвращать нарушения прав человека¹⁹.

Важно упомянуть и эволютивное толкование, под которым следует понимать «форму, ориентированную на цель толкования»²⁰. Такие основополагающие термины международного инвестиционного права, как «инвестиции», «косвенная экспроприация», «национальный режим», «режим наибольшего благоприятствования» и «принцип справедливого и равноправного обращения», закрепленные в подавляющем большинстве ДИД, играют ключевую роль при эволютивном толковании международными инвестиционными арбитражами²¹.

Так, при эволютивном толковании положений международных инвестиционных договоров, основанном на принципах его добросовестности и современности, согласно Ю. Э. Ибрагимовой и М. Г. Мехтиеву, проблема заключается

в том, как арбитражные трибуналы должны интерпретировать используемые в вышеупомянутых договорах термины. Должны ли они придерживаться буквальных значений, актуальных на момент заключения договора, или же им следует прибегнуть к более гибкому толкованию, соответствующему современным реалиям?²² Очевидно, что адаптация толкования положений ДИД при рассмотрении споров иллюстрирует необходимость того, чтобы международное инвестиционное право реагировало на изменения в общественных ценностях, экономических условиях и правовых ориентирах. По мере того как глобальная инвестиционная сфера развивается в связи с техническим прогрессом, изменениями в нормативно-правовом регулировании и появлением концепций устойчивого развития, определения этих важнейших терминов также должны меняться.

На практике трибуналы при рассмотрении инвестиционных споров выходят за рамки буквальной интерпретации положений ДИД, активно используя эволютивный подход к их толкованию с учетом объекта, цели договора и его контекста²³. Хороший пример — дело *Hussein Nuaman Soufraki v. United Arab Emirates*, в котором суд МЦУИС указывает, что статью 52 Конвенции МЦУИС следует рассматривать в соответствии с принципами толкования договоров, являющихся частью общего международного права, которые предусматривают не ограничительное или расширительное толкование, а скорее интерпретацию в соответствии с объектом и целью договора²⁴.

¹⁹ *Garcia L. G.* The Role of Human Rights in International Investment Law // URL: <https://www.matrixlaw.co.uk/wp-content/uploads/2016/05/The-role-of-human-rights-in-international-investment-law.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

²⁰ United Nations International Law Commission's Report on the Work of its Sixty Third Session (26 April to 3 June and 4 July to 12 August 2011). P. 284.

²¹ *Ибрагимова Ю. Э., Мехтиев М. Г.* Эволютивное толкование норм, регулирующих международные финансовые механизмы в практике международных судебных органов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 129.

²² См.: *Ибрагимова Ю. Э., Мехтиев М. Г.* Указ. соч. С. 129–130.

²³ *Bjorge E.* The Means of Interpretation Admissible for the Establishment of the Intention of the Parties // University Press Scholarship Online. P. 48.

²⁴ *Hussein Nuaman Soufraki v. United Arab Emirates.* Decision of the ad hoc Committee on the Application for Annulment of Mr. Soufraki // ICSID Case No ARB/02/7. 5 June 2007. Para 21–22.

Исходя из вышесказанного, эволютивное толкование международных инвестиционных договоров может послужить компромиссом между правовой определенностью и устойчивостью МИС, с одной стороны, и развитием международного инвестиционного права, с другой. Арбитражные трибуналы должны ориентироваться на эти договоры, чтобы иностранные инвесторы могли использовать арбитражные процедуры для защиты своих интересов, потребовать компенсацию в случае ущерба и в то же время способствовать удовлетворению более широкого круга общественных интересов, в том числе как основание для возможного отказа от выполнения своих договорных обязательств государствами²⁵. Принятие такого подхода не только повышает доверие к трибуналам, но и усиливает его жизненно важную роль в содействии движению трансграничных инвестиционных потоков, которые стимулируют глобальный экономический рост.

Проведенный анализ показывает, что защита прав человека в международных инвестиционных правоотношениях является комплексной и многогранной проблемой, требующей тщательного изучения и взвешенного подхода.

Ограниченная сфера применения международного инвестиционного права, сосредоточенного в основном на защите иностранных инвестиций, создает серьезные препятствия для эффективной реализации прав человека. Зачастую интересы иностранных инвесторов, стремящихся к максимизации прибыли, вступают в противоречие с интересами принимающих государств, ориентированных на экономическое развитие и создание качественных рабочих мест, а также с интересами местного населения,

нуждающегося в соблюдении трудовых прав и охране окружающей среды.

Для преодоления этого конфликта интересов государства предпринимают различные меры, такие как установление исключений из трудового законодательства, применение трудового вето, использование защиты от ответственности и встречных исков. Однако эффективность этих механизмов ограничена, поскольку они зачастую противоречат основополагающим принципам международного инвестиционного права и сталкиваются с проблемой эволютивного толкования арбитражными трибуналами положений инвестиционных договоров.

Важнейший фактор, определяющий возможность включения положений о защите прав человека в международные инвестиционные соглашения, — баланс интересов различных сторон. С одной стороны, иностранные инвесторы заинтересованы в стабильной инвестиционной среде и защите своих интересов, с другой — принимающие государства и институты гражданского общества стремятся к обеспечению прав человека. Достижение компромисса между этими целями требует диалога, комплексного анализа и разработки гибких правовых механизмов.

Таким образом, решение проблемы защиты прав человека в международных инвестиционных правоотношениях лежит в плоскости поиска баланса между интересами иностранных инвесторов и принимающих государств, что позволит обеспечить как надежную защиту инвестиций, так и соблюдение фундаментальных прав человека. Это, в свою очередь, будет способствовать устойчивому экономическому развитию и укреплению доверия к международной инвестиционной системе.

²⁵ Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер [и др.]. М. : Норма, 2019. С. 28. ISBN: 978-5-91768-988-3. EDN: YUMFIL.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. — М., 2004. — 496 с.
2. Ибрагимова Ю. Э., Мехтиева М. Г. Эволютивное толкование норм, регулирующих международные финансовые механизмы в практике международных судебных органов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2017. — № 2 (63). — С. 127–133.
3. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / Т. Я. Хабриева, А. Я. Капустин, А. И. Ковлер [и др.]. — М.: Норма, 2019. — 416 с. — ISBN: 978-5-91768-988-3. — EDN: YUMFIL.
4. Тарасов М. В. «Гонка уступок» и ее регулирование в двусторонних соглашениях о защите инвестиций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2023. — № 4 (55). — С. 297–306. — DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/297-306>.

Материал поступил в редакцию 16 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Velyaminov G. M. Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i protsess. — M., 2004. — 496 s.
2. Ibragimova Yu. E., Mekhtiev M. G. Evolyutivnoe tolkovanie norm, reguliruyushchikh mezhdunarodnye finansovye mekhanizmy v praktike mezhdunarodnykh sudebnykh organov // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2017. — № 2 (63). — S. 127–133.
3. Implementatsiya resheniy Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v rossiyskoy pravovoy sisteme: kontseptsii, pravovye podkhody i praktika obespecheniya / T. Ya. Khabrieva, A. Ya. Kapustin, A. I. Kovler [i dr.]. — M.: Norma, 2019. — 416 s. — ISBN: 978-5-91768-988-3. — EDN: YUMFIL.
4. Tarasov M. V. «Gonka ustupok» i ee regulirovanie v dvustoronnikh soglasheniyakh o zashchite investitsiy // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2023. — № 4 (55). — S. 297–306. — DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/297-306>.

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.122-134

А. А. Наку*,
Р. Р. Амирасланов**

Правовые аспекты разноскоростной интеграции в ЕС и ЕАЭС: опыт и перспективы

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ правовых механизмов разноскоростной интеграции в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе. Авторы исследуют ключевые различия в подходах: в ЕС разноскоростная интеграция реализуется через наднациональные процедуры (например, продвинутое сотрудничество), тогда как в Евразийском экономическом союзе она основана на двусторонних соглашениях (например, более глубокий уровень интеграции предусматривается в ст. 114 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 г.). Особое внимание уделено историческому развитию этих механизмов, их практическому применению (на примере Шенгенской зоны, единого патента в Европейском союзе и транспортной политики в Евразийском экономическом союзе), а также вызовам, связанным с сохранением единства интеграционных объединений. Предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования в Евразийском экономическом союзе, включая возможность заключения многосторонних соглашений и усиления координации между государствами-членами.

Ключевые слова: ЕАЭС, ЕС, Союзное государство; разноскоростная интеграция; продвинутое сотрудничество; более тесное сотрудничество; гибкая интеграция; более глубокий уровень интеграции; интеграционное право; интеграционное взаимодействие.

Для цитирования: Наку А. А., Амирасланов Р. Р. Правовые аспекты разноскоростной интеграции в ЕС и ЕАЭС: опыт и перспективы // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 122–134. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.122-134.

© Наку А. А., Амирасланов Р. Р., 2025

* *Наку Антон Аркадьевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного права и прав человека Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО)
Вернадского просп., д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
a.naku@inno.mgimo.ru

** *Амирасланов Рашид Расулович*, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА — Российского технологического университета, аспирант кафедры интеграционного права и прав человека Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО)
Вернадского просп., д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
r_amiraslanov@inbox.ru

Legal Aspects of Multi-Speed Integration in the EU and the EAEU: Experience and Prospects

Anton A. Naku, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
a.naku@inno.mgimo.ru

Rashad R. Amiraslanov, Senior Lecturer, Department of Humanities and Social Sciences, Institute of Management Technologies, MIREA — Russian Technological University; Postgraduate Student, Department of Integration Law and Human Rights, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
r_amiraslanov@inbox.ru

Abstract. The paper provides a comparative analysis of the legal mechanisms of multi-speed integration in the European Union and the Eurasian Economic Union. The authors explore key differences in approaches: in the EU, multi-speed integration is implemented through supranational procedures (e.g., enhanced cooperation), whereas in the Eurasian Economic Union it is based on bilateral agreements (e.g., a deeper level of integration is provided for in Article 114 of the 2014 Treaty on the Eurasian Economic Union). Particular attention is given to the historical development of these mechanisms, their practical application (as in the example of the Schengen area, the unitary patent in the European Union, and transport policy in the Eurasian Economic Union), as well as the challenges associated with maintaining the unity of integration associations. Recommendations are proposed for improving legal regulation in the Eurasian Economic Union, including the possibility of concluding multilateral agreements and strengthening coordination between member states.

Keywords: EAEU; EU; Union State; multi-speed integration; advanced cooperation; closer cooperation; flexible integration; deeper level of integration; integration law; integration interaction.

Cite as: Naku AA, Amiraslanov RR. Legal Aspects of Multi-Speed Integration in the EU and the EAEU: Experience and Prospects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):122-134. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.122-134.

Введение

Современные интеграционные объединения, такие как Европейский союз и Евразийский экономический союз, сталкиваются с необходимостью балансировать между углублением сотрудничества и учетом разнообразия интересов государств-членов. Разноразностная интеграция, позволяющая странам с разным уровнем готовности участвовать в конкретных проектах, становится ключевым инструментом преодоления институциональных и политических разногласий. Однако ее правовое оформление и практическая реализация остаются сложными задачами, требующими анализа как исторического опыта, так и современных вызовов.

В ЕС механизмы разноразностной интеграции, такие как продвинутое сотрудничество, эволюционировали от неформализованных практик (Шенгенская зона) до их нормативного

закрепления в Амстердамском и Лиссабонском договорах. Это позволило сохранить единство Союза, несмотря на расширение и усиление разноразности участников. В ЕАЭС, напротив, разноразностная интеграция развивается преимущественно через двусторонние соглашения (например, Союзное государство России и Беларуси) и положения ст. 114 Договора о ЕАЭС, что отражает специфику постсоветского пространства с его многоуровневой интеграционной историей.

Цель статьи — провести сравнительно-правовой анализ разноразностной интеграции в ЕС и ЕАЭС, выявить ее институциональные особенности, проблемы и перспективы. Исследование охватывает историческую эволюцию правовых механизмов, их практическое применение (на примере Шенгена, Единого патента в ЕС; транспортной политики в ЕАЭС), а также потенциал адаптации европейского опыта к евразийским

реалиям. Особое внимание уделяется роли наднациональных элементов, балансу суверенитетов и рискам фрагментации.

Актуальность проблемы обусловлена необходимостью поиска оптимальных моделей интеграции в условиях геополитической нестабильности и разнообразия национальных интересов. Научная новизна заключается в комплексном сопоставлении двух региональных моделей разносторонней интеграции, что позволяет выделить ее универсальные принципы и контекстно зависимые ограничения. Результаты исследования могут послужить основой для совершенствования правовых механизмов ЕАЭС и, в перспективе, диалога между интеграционными объединениями.

Понятие разносторонней интеграции

Разносторонняя интеграция — это модель сотрудничества в рамках международных объединений, при которой государства-члены участвуют в интеграционных проектах с разной степенью интенсивности, сохраняя при этом общие институциональные рамки. Данная модель позволяет сочетать универсальность целей объединения с гибкостью в методах их реализации, учитывая различия в политических, экономических и правовых возможностях участников. Термин может использоваться как обобщающий для различных механизмов разносторонней интеграции, включая «продвинутое сотрудничество» в ЕС и «более глубокое сотрудничество» в ЕАЭС, но правовая природа и институциональ-

ное оформление этих механизмов существенно различаются. Целесообразность использования в русскоязычной литературе термина «разносторонняя интеграция» подтверждается его использованием в решениях органов ЕАЭС и СНГ, нормативных правовых актах РФ и других источниках¹.

В праве ЕС продвинутое сотрудничество (англ. enhanced cooperation) представляет собой формализованный механизм, закрепленный в ст. 20 Договора о Европейском союзе (ДЕС) и ст. 326–334 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС). Оно позволяет группе из не менее чем девяти государств-членов углублять интеграцию в конкретных сферах, не дожидаясь консенсуса всех членов Союза, при условии соблюдения *acquis communautaire* и отсутствия угрозы внутреннему рынку. Примеры включают Единый европейский патент и Европейскую прокуратуру. В отличие от обобщенной концепции разносторонней интеграции, продвинутое сотрудничество имеет строгие процедурные требования: инициатива должна быть «крайней мерой» (*last resort*), одобрена Советом ЕС и открыта для присоединения других стран.

В ЕАЭС аналогом выступает более глубокий уровень сотрудничества, предусмотренного статьей 114 Договора о ЕАЭС. Он разрешает двум государствам-членам заключать договоры, углубляющие интеграцию в отдельных областях, если такие двусторонние договоры не противоречат целям и принципам Договора о ЕАЭС, не препятствуют исполнению взаимных обязательств и не нарушают права членов

¹ Решение о Меморандуме Совета глав государств Содружества Независимых Государств «Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств» и Перспективном плане интеграционного развития Содружества Независимых Государств // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/364#text>; Указ Президента РФ от 14.09.1995 № 940 (ред. от 31.08.2005) «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств» // Российская газета. № 186. 23.09.1995; Особое мнение судьи Сейтимова В. Х. по делу № СЕ-2-1/2-17-БК от 20.11.2017 // Официальный сайт Суда ЕАЭС. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-4.17/; решение Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств — членов Евразийского экономического союза» 2016 г. // Официальный сайт ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/6e6/3eacfoztky3syiullqm6y5rovyl785t/scd_11042017_19_doc.pdf (дата обращения: 20.04.2025).

Союза. В отличие от ЕС, здесь отсутствует четкая процедура: углубленное сотрудничество реализуется через двусторонние договоры (например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единых правилах конкуренции 2022 г.), а не через наднациональные решения. Это отражает специфику ЕАЭС, где преобладают межправительственные методы, а гибкость достигается за счет меньшего числа участников и общей историко-правовой базы.

Таким образом, разнородная интеграция выступает родовым понятием, объединяющим различные правовые инструменты. Если в ЕС акцент сделан на наднациональных процедурах, то в ЕАЭС доминируют договорные механизмы, что обусловлено различиями в глубине интеграции и институциональном дизайне. Ключевая проблема состоит в поиске баланса между гибкостью и единством: чрезмерная дифференциация может ослабить общие цели, тогда как жесткая унификация — заблокировать прогресс.

Разнородная интеграция и продвинутое сотрудничество в ЕС

Как известно, впервые механизм разнородной (гибкой) интеграции в праве ЕС получил свое нормативное закрепление только в Амстердамском договоре 1997 г. Однако практика разнородной интеграции имела место между государствами — членами Европейских сообществ, а затем и ЕС задолго до Амстердамского договора. Так, согласно ст. 350 ДФЕС, положения ДЕС и ДФЕС не могут препятствовать деятельности союзов между Бельгией, Люксембургом и Нидерландами, если деятельность данных союзов направлена на достижение целей, кото-

рые не достигнуты в институциональных рамках ЕС. Эта оговорка была сделана для Бенилюкса, который выступал своеобразной «лабораторией» ЕС². Другими яркими примерами разнородной интеграции государств — членов Сообществ следует считать создание Шенгенской зоны, заключение Дублинской конвенции 1990 г. и формирование «пространства свободы, безопасности и правосудия».

Шенгенская зона была основана 14 июня 1985 г. заключением Соглашения между правительствами государств экономического союза Бенилюкс, Федеративной Республики Германии и Французской Республики «О постепенной отмене проверок на общих границах»³ (Шенгенское соглашение). Оно впоследствии было инкорпорировано в право ЕС при вступлении в силу Амстердамского договора и стало таким образом частью *acquis communautaire* (то есть совокупности правовых достижений ЕС).

В дальнейшем, в 1990 г., была заключена Конвенция о применении Шенгенского соглашения (Шенгенская конвенция), закрепившая действующие по сей день нормы в отношении перемещения граждан в пределах ЕС. Другим примером заключения государствами — членами международного договора вне рамок институциональной структуры Сообществ считается Конвенция об определении государства, ответственного за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища, поданных в одном из государств — членов Европейских сообществ, от 15.06.1990 (Дублинская конвенция)⁴. Основная цель Дублинской конвенции — установление критериев определения государства-члена, которое должно нести ответственность за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища в соответствии с Конвенцией о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28 июля

² Le Benelux, laboratoire pour l'Union européenne // Union Benelux. URL: <https://www.benelux.int/fr/info-citoyen/union-benelux/laboratoire-de-leurope/> (дата обращения: 23.04.2025).

³ Agreement between the Governments of the States of the Benelux Economic Union, the Federal Republic of Germany and the French Republic on the gradual abolition of checks at their common borders // Official Journal L 239. 22.09.2000. P. 0013–0018.

⁴ Convention determining the State responsible for examining applications for asylum lodged in one of the Member States of the European Communities — Dublin Convention // Official Journal C 254. 19.08.1997. P. 1–12.

1951 г.)⁵ и Протоколом, касающимся статуса беженцев, от 31.01.1967 (подписан в г. Нью-Йорке)⁶. В отношении отдельных государств — членов ЕС Дублинская конвенция вступила в силу только в 1997 г.

Формирование пространства свободы, безопасности и правосудия (ПСБП) стало главным элементом реализации целей Европейского союза, закрепленных в ст. 3 Договора о ЕС. ПСБП затрагивает вопросы, которые касаются во многом суверенных интересов государств-членов и делегирование которых на наднациональный уровень происходит довольно осторожно со стороны государств — членов ЕС. В этом смысле ПСБП имеет фундаментальное отличие от создания и функционирования единого рынка, который, как правило, несет экономические выгоды для государств-членов и потому не встречает серьезного сопротивления с их стороны. Тем не менее формирование единого рынка, равно как и создание Шенгенской зоны, способствовало интеграции в области ПСБП, так как достигнутые в этих областях результаты не только повлияли на упрощение передвижения в рамках ЕС товаров, услуг, рабочей силы, но и упростили деятельность криминальных сообществ, нелегальную миграцию. Не исключается, что это послужило мотивом для отдельных государств — членов ЕС углублять интеграцию в рамках ПСБП.

Важно заметить, что организационно-правовые основы осуществления политики в рамках ПСБП были заложены только в Маастрихтском договоре 1992 г., когда была создана система трех опор. До этого государства — члены ЕС осуществляли реализацию данной политики посредством использования договорно-правовых механизмов, то есть классическими механизмами международно-правового сотрудничества. Рассмотренные выше Шенгенское соглашение

и Дублинская конвенция также являются примерами подобных процессов.

Одним из наглядных примеров интеграции государств — членов ЕС в рамках ПСБП называют образованный в 1976 г. TREVI — форум представителей национальных министерств юстиции и внутренних дел государств-членов. Основной задачей Форума была провозглашена координация деятельности национальных правоохранительных органов государств-членов в борьбе с терроризмом, что было во многом вызвано событиями на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 г. В ходе деятельности Форума проводились ежегодные собрания национальных министров, действовали рабочие группы по отдельным вопросам, объединявшие в себе представителей различных правоохранительных органов (пенитенциарной системы, таможни, спецслужб). TREVI был расформирован в связи с созданием системы трех опор, а в 1998 г. в рамках институциональной системы ЕС был создан Европол.

В Амстердамском договоре впервые нашло свое нормативно-правовое закрепление продвинутое сотрудничество, которое в тексте Договора было обозначено термином «более тесное сотрудничество» (closer cooperation). Исследователи отмечают, что посредством Амстердамского договора «был осуществлен комплексный подход к правовому решению проблемы тесного сотрудничества». Но механизм «более тесного сотрудничества» так и не получил своего практического применения в период действия Амстердамского договора⁷.

Необходимые для применения продвинутого сотрудничества условия были сформулированы в Ницком договоре 2001 г. Договор установил, что акты и решения, принимаемые для имплементации продвинутого сотрудничества, не являются *acquis communautaire* и обязательны

⁵ Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 27.03.2025).

⁶ Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml (дата обращения: 27.03.2025).

⁷ *Войников В. В., Амирасланов Р. Р.* Институт продвинутого сотрудничества в праве Европейского союза: эволюция правового регулирования // *Московский журнал международного права.* 2024. № 3. С. 49–62. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-3-49-62>.

только для тех государств, которые принимают участие в продвинутом сотрудничестве⁸ (ст. 44 ДЕС в редакции Ниццкого договора). Однако ни одного практического результата продвинутого сотрудничества в соответствии с правилами, определенными в Ниццком договоре, не было достигнуто. В результате принципы функционирования продвинутого сотрудничества были сформулированы Лиссабонским договором 2007 г. (ст. 20 ДЕС в действующей редакции)

С момента формализации механизма более тесного сотрудничества в Амстердамском договоре одним из главных критериев выступало то, что соответствующий механизм должен был выступать «крайней мерой» (*last resort*). Как справедливо отмечается в некоторых исследованиях, потребность в осуществлении продвинутого сотрудничества не может возникнуть «из процедурного вакуума» (*procedure void*)⁹. Иными словами, эта процедура не может быть начата с пустого места, как если бы, например, Европейская комиссия предложила решение в рамках обычной законодательной процедуры. Фактически рассмотрение проекта продвинутого сотрудничества всегда представляет собой предварительное завершение обычной законодательной процедуры по причине отсутствия согласия по конкретному вопросу, то есть ситуации крайней необходимости, при которой допускается применение крайней меры.

В праве ЕС не определен момент, когда допустимо констатировать отсутствие соглашения. Здесь большие дискреционные полномочия предоставлены Совету ЕС. Из статьи 20 ДЕС следует единственный критерий правового характера, который может быть положен в основу ответа

на поставленные выше вопросы. В ней говорится о невозможности достижения целей такого сотрудничества в течение разумного периода (*reasonable period*). Такая формулировка оставляет широкий простор для толкования, и в связи с этим вполне предсказуемо, что оно стало предметом рассмотрения в практике Суда ЕС. Так, в решении по объединенным делам C-274/11 и C-295/11 (16 апреля 2013 г.)¹⁰ Суд ЕС указал на «неспособность» Совета ЕС прийти к соглашению, что указывает на невозможность «принять такое законодательство в обозримом будущем». Хотя эта «неспособность» должна быть определена самим Советом ЕС, Суд ЕС рассматривает вопрос только в том случае, если Совет «тщательно и беспристрастно» изучил ситуацию.

По состоянию на сегодня можно выделить следующие позитивные примеры осуществления продвинутого сотрудничества в практике ЕС: сотрудничество в области права применительно к бракоразводным процессам и разделению проживанию супругов по решению суда (которое, к слову, признается наиболее успешным с точки зрения эффективности случаев осуществления продвинутого сотрудничества ввиду отсутствия политического подтекста¹¹); вопрос применения права в сфере признания и исполнения решений по вопросам режима имущества супругов и имущественных последствий зарегистрированных партнерств (*registered partnership*); создание системы единой патентной охраны (*unitary patent protection*) европейских патентов; создание Европейской прокуратуры (*European Public Prosecution Office, EPPO*); введение налога на финансовые операции (*financial transaction tax*).

⁸ Войников В. В., Амирасланов Р. Р. Указ. соч.

⁹ Kroll D. A., Leuffen D. Enhanced cooperation in practice. An analysis of differentiated integration in EU secondary law // *Journal of European Public Policy*. 2015. Vol. 22. № 3. P. 353–373.

¹⁰ Более подробный анализ этих дел см.: Fabbrini F. Enhanced Cooperation under Scrutiny: Revisiting the Law and Practice of Multi-Speed Integration in Light of the First Involvement of the EU judiciary // *Legal Issues of Economic Integration*. 2013. Vol. 40. № 3. P. 197–224.

¹¹ Бабынина Л. О. Применение продвинутого сотрудничества — новый тренд развития Европейского союза // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 4 (37). С. 148–154. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-4-37-148-154> (дата обращения: 29.03.2025).

Правовые основы разноскоростной интеграции в рамках ЕАЭС

Одно из концептуальных различий ЕС и ЕАЭС состоит в том, что ЕС возник как союз отдельных европейских государств, который с течением времени расширялся, не основываясь на традиции общего государства, предыдущих интеграционных объединений, которые включали бы все государства — члены ЕС ранее, в то время как сотрудничество в рамках ЕАЭС строится во многом на истории совместного государства (бывшего СССР) и единого интеграционного процесса на евразийском пространстве.

Содружество Независимых Государств — это одно из первых международных объединений бывших республик СССР. В Уставе СНГ среди целей этой международной организации отмечалась интеграция (ст. 2 Устава СНГ). Но большинство соглашений, принятых в рамках СНГ, не было реализовано на практике. Наиболее успешный пример интеграционного взаимодействия в рамках СНГ — Союзное государство Республики Беларусь и Российской Федерации. Иные проекты интеграционного взаимодействия так и не получили своего реального практического развития (например, Центральноазиатский союз¹², Центральноазиатское экономическое сообщество¹³).

Со временем были предложены концепции многоуровневой и разноскоростной интеграции, суть которых заключается в создании более узких по составу участников интеграционных объединений, которые в меньшей степени подвержены влиянию дезинтегрирующих факторов. Так, в 1994 г. был принят Меморандум Совета глав государств СНГ «Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств», из которого следует, что «сохранение возможности разноскоростного

движения в Содружестве, многовариантность форм участия в его деятельности позволит гибко учитывать интересы партнеров, их возможные особые позиции, продвигаться по пути углубления интеграции между теми странами, которые готовы к более тесному взаимодействию в различных сферах».

Процессы разноскоростной интеграции на евразийском и постсоветском пространстве предлагается рассматривать именно через призму ЕАЭС, поскольку это интеграционное образование во многом продолжило и углубило сотрудничество в рамках СНГ в отношении его отдельных государств-членов. Сам ЕАЭС можно условно считать одним из проявлений концепции разноскоростной интеграции в рамках СНГ. Право ЕАЭС (за исключением ст. 114 Договора о ЕАЭС), как и правовое регулирование в рамках СНГ, в свою очередь, не предусматривает специального правового механизма, обеспечивающего возможность осуществления разноскоростной интеграции. Можно заметить, что право ЕАЭС в этом смысле гармонично соотносится с нормами международного права в части свободного выбора государств при решении вопроса об участии в том или ином международном объединении. Статья 114 Договора о ЕАЭС позволяет государствам-членам заключать международные договоры, предусматривающие более глубокий по сравнению с положениями Договора о ЕАЭС или других международных договоров в рамках Союза уровень интеграции или предоставляющие дополнительные преимущества в пользу их физических и (или) юридических лиц. Однако такие договоры могут заключаться не более чем двумя государствами-членами и, соответственно, применяться только в отношениях между ними и не должны затрагивать осуществление государствами-членами своих прав и обязательств по Договору о ЕАЭС

¹² Договор о создании Единого экономического пространства между Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан (г. Чолпон-Ата, 30 апреля 1994 г.) // Правовой портал Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30249342&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 16.04.2025).

¹³ Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС) (Справочная информация) // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1674318/ (дата обращения: 16.04.2025).

и другим международным договорам в рамках Союза. Тем самым статья 114 Договора о ЕАЭС легитимизирует возможность осуществления между государствами — членами ЕАЭС разноразностной интеграции и определяет ее базовые условия.

Практике ЕАЭС уже известны направления, в рамках которых государствами-членами реализуется возможность осуществления разноразностной интеграции. Так, представляет интерес опыт реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единых правилах конкуренции, вступившего в силу 23 января 2023 г., а также Соглашения между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой о применении порядка регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики, от 26.12.2016. Эти соглашения являются двусторонними международными договорами государств-членов, предполагающими более глубокий уровень интеграционного взаимодействия между ними и при этом не препятствующими реализации соответственно общих правил конкуренции и общей транспортной политики как в отношениях между сторонами, так и в их отношениях с другими государствами-членами. То есть данные соглашения можно считать практическими примерами реализации прав государств-членов по ст. 114 Договора о ЕАЭС.

Кроме того, разные скорости реализации государствами-членами интеграционных процессов в рамках отдельных сфер деятельности Союза предусмотрены в некоторых актах органов ЕАЭС. Пример такого акта — решение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 № 19 «Об Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств — членов Евразийского экономического союза», которое устанавливает разные скорости реализации планов и мероприятий по согласованной транспортной политике ЕАЭС, включая гармонизацию стандартов, развитие инфраструктуры и цифровизацию логистики. Фактически о разноразностной реализации говорится в п. 3 указанного Решения, согласно которому Евразийской

экономической комиссии (ЕЭК) надлежит совместно с государствами — членами ЕАЭС обеспечить последовательную поэтапную реализацию основных направлений на основе планов мероприятий (дорожных карт, утверждаемых Евразийским межправительственным советом на каждые три года, с учетом возможного внесения в них мероприятий, выходящих за пределы соответствующего трехлетнего периода, а также допускающих возможность разной скорости их реализации государствами-членами при создании общего рынка транспортных услуг).

Наконец, некоторые положения самого Договора о ЕАЭС устанавливают, по сути, разные скорости достижения целей интеграционных процессов отдельными государствами-членами. Подобные положения мы находим, например, в Протоколе о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору о ЕАЭС) и Протоколе о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24). Таким образом, можно выделить как минимум следующие направления интеграционного взаимодействия «на разных скоростях»: транспортную политику, общий рынок услуг, общие правила конкуренции.

Обращает на себя внимание то, что в праве ЕАЭС разноразностная интеграция не обладает определенной институциональной формой, как это имеет место в праве ЕС. Вместе с тем перспективы создания организационно-правового механизма продвинутого сотрудничества в рамках ЕАЭС по образцу соответствующего механизма ЕС и разработки соответствующего комплексного правового института зависят от ставящихся целей. Но прежде чем обозначить такие цели, необходимо определить потребность во внедрении механизма разноразностной интеграции в правовое поле ЕАЭС. Предпосылками разработки механизма продвинутого сотрудничества в ЕС выступали несколько обстоятельств. В первую очередь это значительное расширение количественного состава членов ЕС, которые имеют, помимо разных видений на перспективы интеграции, также разные политические системы и культурно-историческое наследие. Во вторую очередь, достигнутая глу-

бина интеграции сама по себе является фактором, вызывающим дополнительные различия, а порой и противоречия между государствами-членами, так как на текущей стадии европейской интеграции затрагиваются вопросы, крайне чувствительные для суверенных государств. В третью очередь, появилась необходимость в более продвинутых инструментах воздействия на государства-члены, которые по тем или иным причинам могут затормаживать необходимые для ЕС и поддержанные большинством государств-членов инициативы¹⁴.

На первый взгляд, вышеуказанные мотивы неприменимы к ЕАЭС, так как государств — членов ЕАЭС относительно немного, они не имеют четко обозначенных планов по расширению в ближайшие годы и их объединяет общая история, сходные правовые системы¹⁵. Тем не менее подходы государств — членов ЕАЭС и методы правового регулирования в сфере поставленных перед интеграционным объединением задач могут различаться, особенно с учетом происходящих в последние годы геополитических процессов. Фрагментация интеграционных процессов в рамках ЕАЭС может приводить к нежелательным последствиям, поэтому право Союза должно предусматривать возможность применения определенных механизмов гибкой, разноскоростной интеграции в отношении интеграционных намерений государств-членов.

В настоящее время неизвестно о проектах изменений в право ЕАЭС, которые бы говорили о движении в направлении имплементации механизма разноскоростной интеграции. Однако, учитывая опыт Союзного государства России и Беларуси, а также тесное взаимодействие стран ЕАЭС, необходимость в комплексном правовом механизме разноскоростной интеграции становится очевидной. Пример — Союзное государство, которое, хотя и было учреждено задолго до ЕАЭС, вполне может рассматриваться как проявление неформализованной формы разно-

скоростной интеграции на двусторонней основе между государствами — членами ЕАЭС. По этой причине представляется целесообразным разработать механизмы сопряжения, которые будут проявляться в том числе в непротиворечивости правовых норм ЕАЭС и Союзного государства и учитывать членство двух государств в ЕАЭС. В этих целях необходимо способствовать взаимодействию между институтами ЕАЭС и органами Союзного государства России и Беларуси. Примером взаимодействия институтов и органов управления двух названных объединений могут служить меморандумы, принимаемые между отраслевыми органами СНГ и ЕЭК (например, подписанный 7 июня 2013 г. Меморандум о сотрудничестве в области стандартизации и обеспечения единства измерений или Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Электроэнергетическим Советом СНГ, одобренный распоряжением Коллегии ЕЭК от 30.10.2018 № 167)¹⁶.

Очевидно, что слепое заимствование опыта ЕС по институционализации продвинутого сотрудничества для ЕАЭС неприемлемо. Это потребовало бы значительного расширения объема компетенций органов ЕАЭС, серьезной ревизии Договора о ЕАЭС и появления значимого наднационального элемента в интеграционной структуре Союза.

Более удачной альтернативой для организационно-правового механизма разноскоростной интеграции на евразийском пространстве представляется использование действующей организационной системы и права ЕАЭС. Из действующего регулирования наибольший интерес представляет то, что составной частью права ЕАЭС, согласно ст. 6 Договора о ЕАЭС, являются международные договоры в рамках Союза. При этом в соответствии с вышеупомянутой ст. 114 Договора о ЕАЭС государства-члены вправе заключать двусторонние договоры, устанавливающие более глубокий уровень интеграции при

¹⁴ См. подробнее: *Войников В. В., Амирасланов Р. Р.* Указ. соч. С. 49–62.

¹⁵ *Войников В. В., Амирасланов Р. Р.* Указ. соч. С. 49–62.

¹⁶ *Марышев А. А.* Сопряжение интеграционных потенциалов договорно-правовой базы ЕАЭС и СНГ: современное состояние и перспективы совершенствования // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2023. № 17 (1). С. 119–125. URL: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-119-125>.

условии, что такие договоры не противоречат целям и принципам Договора о ЕАЭС и не затрагивают осуществление государствами-членами прав и обязанностей, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза.

В целях дальнейшего интеграционного процесса представляется целесообразным внесение в организационно-правовую систему ЕАЭС изменений, усовершенствующих существующие механизмы разноскоростной интеграции или добавляющих новые механизмы, что может способствовать ускорению процессов интеграции. Подобные механизмы предоставляют государствам-членам возможность внедрять меры, к которым другие государства-члены не готовы, что позволяет накапливать важный опыт для последующего гармоничного применения этих мер в рамках всего ЕАЭС. Наиболее простым и эффективным подходом к совершенствованию правового регулирования разноскоростной интеграции могут стать предложения по доработке ст. 114 Договора о ЕАЭС:

1) предоставить государствам-членам возможность заключать многосторонние договоры для перехода на более глубокий уровень интеграции;

2) установить процедуру оценки со стороны органов ЕАЭС с приоритетом ЕЭК как наднационального органа, договоров, заключаемых отдельными государствами-членами, на предмет их соответствия целям и принципам ЕАЭС, а также определить порядок их согласования.

Опыт ЕС показывает, что внедрение продвинутого сотрудничества не имело последствий, которых от него ожидали или опасались. Во-первых, к нему не прибегали так часто, даже в областях, где его применение было прямо предусмотрено. Во-вторых, реализованные

проекты продвинутого сотрудничества не привели к фрагментации ЕС на субсоюзные группы. Представляется, что положительный опыт ЕС должен стать стимулирующим обстоятельством для государств — членов ЕАЭС. Тем не менее в настоящее время отсутствуют какие-либо проекты развития правового регулирования в данном направлении.

ЕАЭС, являясь относительно молодым интеграционным объединением, не имеет институционализированных форм разноскоростной интеграции. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве характеризуются многоуровневостью. Имеются достаточные основания считать ЕАЭС примером «продвинутой» интеграции в рамках СНГ, а Союзное государство России и Беларуси — примером более углубленного уровня интеграции между государствами — членами ЕАЭС¹⁷. Договор о ЕАЭС прямо предусматривает право государств-членов заключать между собой отдельные договоры, углубляющие интеграцию между ними, то есть, по сути, допускает использование методов разноскоростной интеграции. Однако данная возможность, закрепленная в ст. 114 Договора о ЕАЭС, распространяется только на двусторонние отношения государств-членов и не конкретизируется в актах органов ЕАЭС.

Необходимость развития правового регулирования разноскоростной интеграции в ЕАЭС обусловлена как положениями самого Договора о ЕАЭС, предусматривающими неравномерное достижение государствами-членами общих целей Союза (в частности, в сфере транспортной политики, общего рынка услуг и др.), так и существующими реалиями, затрудняющими консенсус всех пяти государств — членов ЕАЭС по всему спектру интеграционного взаимодействия.

¹⁷ Троицкий В. А. Формы экономической интеграции государств — участников Содружества Независимых Государств. СПб., 2008.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алиев М. Р.* Суд Союзного государства как часть политической интеграции России и Беларуси. Причины отсутствия и перспективы появления // *The Newman in Foreign policy*. — 2021. — Т. 4. — № 61 (105). — С. 22–26.
2. *Бабынина Л. О.* Применение продвинутого сотрудничества — новый тренд развития Европейского союза // *Вестник МГИМО-Университета*. — 2014. — № 4(37). — С. 148–154. — URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-4-37-148-154>.
3. *Баскакова И. А.* Причины неэффективности интеграционного сотрудничества государств Центральной Азии в 1990-е годы // *Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»*. — 2019. — № 1. — С. 33–43.
4. *Бахлова О. В., Бахлов И. В.* Сценарии эволюции Союзного государства Беларуси и России: ценности и прагматика // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. — 2022. — Т. 22. — № 1 (57). — С. 9–26.
5. *Войников В. В., Амирасланов Р. Р.* Институт продвинутого сотрудничества в праве Европейского союза: эволюция правового регулирования // *Московский журнал международного права*. — 2024. — № 3. — С. 49–62. — URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-3-49-62>.
6. *Гуляева К. В.* Становление интеграционных моделей Европейского союза и Содружества Независимых Государств: сравнительный анализ : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. — СПб., 2010.
7. *Джанталеева М. Ш.* Перспективы расширения и развития ЕАЭС // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. — 2022. — № 1 (70). — С. 91–97.
8. *Евдокимов М. А., Амирасланов Р. Р.* Правовые аспекты гибкой интеграции: потенциал ЕАЭС // *Право и управление. XXI век*. — 2024. — № 20 (2). — С. 11–18. — URL: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-2-71-11-18>.
9. *Марышев А. А.* Сопряжение интеграционных потенциалов договорно-правовой базы ЕАЭС и СНГ: современное состояние и перспективы совершенствования // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. — 2023. — № 17 (1). — С. 119–125. — URL: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-119-125>.
10. *Мирбобоев Р. М.* Роль торгово-экономической интеграции в развитии Центральной Азии // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. — 2023. — Т. 95. — № 2. — С. 94–103.
11. *Силкин А. Е.* Гармонизация законодательства о социальном обеспечении государств — участников Союзного государства России и Беларуси : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. — М., 2016. — 211 с.
12. *Спектор Е. А., Щанкина Л. Н.* Союзное государство Беларуси и России: историко-правовой аспект // *Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 19 января 2023 г.) / редкол.: Ж. В. Мурзина [и др.]*. — Чебоксары : ИД «Среда», 2023. — С. 345–346.
13. *Троицкий В. А.* Формы экономической интеграции государств — участников Содружества Независимых Государств. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. — 196 с.
14. *Шайхутдинова Г. Р.* Продвинутое сотрудничество государств в Европейском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. — Казань, 2007. — 360 с.
15. *Böttner R.* The constitutional framework for enhanced cooperation in EU law. — Leiden, The Netherlands : Koninklijke Brill NV, 2021. — 397 p.
16. *Evolution of Schengen / M. Piechowicz [et al.] // Polish Political Science Yearbook*. — 2017. — Vol. 46. — No. 1. — P. 121–137.
17. *Fabbrini F.* Enhanced Cooperation under Scrutiny: Revisiting the Law and Practice of Multi-Speed Integration in Light of the First Involvement of the EU judiciary // *Legal Issues of Economic Integration*. — 2013. — Vol. 40. — No. 3. — P. 197–224.

18. König F., Trauner F. From Trevi to Europol: Germany's role in the integration of EU police cooperation // Journal of European Integration. — 2021. — Vol. 43. — No. 2. — P. 175–190.
19. Kortenberg H. Closer cooperation in the Treaty of Amsterdam // Common Market Law Review. — 1998. — T. 35. — No. 4. — P. 833–854.
20. Kroll D. A., Leuffen D. Enhanced cooperation in practice. An analysis of differentiated integration in EU secondary law // Journal of European Public Policy. — 2015. — T. 22. — No. 3. — P. 353–373.

Материал поступил в редакцию 21 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aliev M. R. Sud Soyuznogo gosudarstva kak chast politicheskoy integratsii Rossii i Belarusi. Prichiny otsutstviya i perspektivy poyavleniya // The Newman in Foreign policy. — 2021. — T. 4. — № 61 (105). — S. 22–26.
2. Babynina L. O. Primenenie prodvnutogo sotrudnichestva — novyy trend razvitiya Evropeyskogo soyuza // Vestnik MGIMO-Universiteta. — 2014. — № 4(37). — S. 148–154. — URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-4-37-148-154>.
3. Baskakova I. A. Prichiny neeffektivnosti integratsionnogo sotrudnichestva gosudarstv Tsentralnoy Azii v 1990-e gody // Vestnik RGGU. Seriya «Evraziyskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya». — 2019. — № 1. — S. 33–43.
4. Bakhlova O. V., Bakhlov I. V. Stsenarii evolyutsii Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii: tsennosti i pragmatika // Gumanitariy: aktualnye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya. — 2022. — T. 22. — № 1 (57). — S. 9–26.
5. Voynikov V. V., Amiraslanov R. R. Institut prodvnutogo sotrudnichestva v prave Evropeyskogo soyuza: evolyutsiya pravovogo regulirovaniya // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 2024. — № 3. — S. 49–62. — URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-3-49-62>.
6. Gulyaeva K. V. Stanovlenie integratsionnykh modeley Evropeyskogo soyuza i Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv: sravnitelnyy analiz: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04. — SPb., 2010.
7. Dzhantaleeva M. Sh. Perspektivy rasshireniya i razvitiya EAES // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. — 2022. — № 1 (70). — S. 91–97.
8. Evdokimov M. A., Amiraslanov R. R. Pravovye aspekty gibkoy integratsii: potentsial EAES // Pravo i upravlenie. XXI vek. — 2024. — № 20 (2). — S. 11–18. — URL: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-2-71-11-18>.
9. Maryshev A. A. Sopryazhenie integratsionnykh potentsialov dogovorno-pravovoy bazy EAES i SNG: sovremennoe sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya // Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. — 2023. — № 17 (1). — S. 119–125. — URL: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-119-125>.
10. Mirboboev R. M. Rol torgovo-ekonomicheskoy integratsii v razvitiy Tsentralnoy Azii // Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk. — 2023. — T. 95. — № 2. — S. 94–103.
11. Silkin A. E. Garmonizatsiya zakonodatelstva o sotsialnom obespechenii gosudarstv — uchastnikov Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.05. — M., 2016. — 211 s.
12. Spektor E. A., Shchankina L. N. Soyuznoe gosudarstvo Belarusi i Rossii: istoriko-pravovoy aspekt // Aktualnye voprosy gumanitarnykh i sotsialnykh nauk: ot teorii k praktike: materialy Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Cheboksary, 19 yanvarya 2023 g.) / redkol.: Zh. V. Murzina [i dr.]. — Cheboksary: ID «Sreda», 2023. — S. 345–346.
13. Troitskiy V. A. Formy ekonomicheskoy integratsii gosudarstv — uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv. — SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. — 196 s.
14. Shaykhutdinova G. R. Prodvinutoe sotrudnichestvo gosudarstv v Evropeyskom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.10. — Kazan, 2007. — 360 s.

15. Böttner R. The constitutional framework for enhanced cooperation in EU law. — Leiden, The Netherlands: Koninklijke Brill NV, 2021. — 397 p.
16. Evolution of Schengen / M. Piechowicz [et al.] // Polish Political Science Yearbook. — 2017. — Vol. 46. — No. 1. — P. 121–137.
17. Fabbrini F. Enhanced Cooperation under Scrutiny: Revisiting the Law and Practice of Multi-Speed Integration in Light of the First Involvement of the EU judiciary // Legal Issues of Economic Integration. — 2013. — Vol. 40. — No. 3. — P. 197–224.
18. König F., Trauner F. From Trevi to Europol: Germany's role in the integration of EU police cooperation // Journal of European Integration. — 2021. — Vol. 43. — No. 2. — P. 175–190.
19. Kortenberg H. Closer cooperation in the Treaty of Amsterdam // Common Market Law Review. — 1998. — T. 35. — No. 4. — P. 833–854.
20. Kroll D. A., Leuffen D. Enhanced cooperation in practice. An analysis of differentiated integration in EU secondary law // Journal of European Public Policy. — 2015. — T. 22. — No. 3. — P. 353–373.

Трансформация производства в суде второй инстанции при осуществлении постсоциалистического транзита (на примере уголовного судопроизводства Республики Болгарии)

Аннотация. Исследование восполняет имеющийся в российской науке уголовно-процессуального права пробел в части изучения системы проверки судебных решений, не вступивших в законную силу, в народно-демократических странах и ее дальнейшего реформирования при осуществлении постсоциалистического транзита (на примере Республики Болгарии). В ходе трансформации производства в суде второй инстанции был осуществлен возврат к традиционным для болгарского судоустройства и уголовного судопроизводства институтам путем возрождения апелляционных судов и апелляционного производства, а также приведения уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство в суде второй инстанции, в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права. В статье выделяются общие положения (условия) построения и функционирования способов контроля судебных решений, выступающие критериями сравнения производства в суде второй инстанции с современным апелляционным производством. Некоторые из таких общих положений не претерпели существенных изменений в ходе судебной реформы. Институциональные трансформации произошли в юридико-фактической проверке судебного акта в апелляционной инстанции. Недостатки советской модели производства в суде второй инстанции преодолены посредством закрепления в апелляционном производстве отсутствия оснований отмены или изменения судебного решения, возможности проведения судебного следствия, права суда апелляционной инстанции постановить приговор и отсутствия института указаний вышестоящего суда при возвращении дела на новое рассмотрение. Современное апелляционное производство позволяет гарантировать право на справедливое правосудие, которое обеспечивает эффективное восстановление в правах. Необходимо реформирование действующего законодательства через его приведение в соответствие с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека, в том числе в части допроса свидетелей в суде апелляционной инстанции.

Ключевые слова: свобода обжалования; инстанционность; ревизионное начало; запрет поворота к худшему; обязательность указаний вышестоящего суда; юридико-фактическая проверка судебного акта; судебная реформа; апелляционное производство; производство в суде второй инстанции; уголовное судопроизводство.

© Панокин А. М., 2025

* Панокин Александр Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ampanokin@mail.ru

Для цитирования: Панокин А. М. Трансформация производства в суде второй инстанции при осуществлении постсоциалистического транзита (на примере уголовного судопроизводства Республики Болгарии) // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 135–146. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.135-146.

Transformation of Proceedings in the Court of Second Instance during the Post-Socialist Transition (as in the Case of Criminal Proceedings in the Republic of Bulgaria)

Alexander M. Panokin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Lupinskaya Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ampanokin@mail.ru

Abstract. The study fills a gap in Russian criminal procedure law science as to the study of the system of reviewing judicial decisions that have not entered into legal force in people’s democracies and its further reform during the post-socialist transition (using the Republic of Bulgaria as an example). During the transformation of proceedings in the second instance court, a return to the traditional institutions of the Bulgarian judicial system and criminal proceedings was carried out. This was achieved by reinstating appellate courts and appellate proceedings, as well as by aligning the criminal procedure legislation governing second instance court proceedings with the generally recognized principles and norms of international law. The paper highlights the general provisions (conditions) for the construction and operation of methods for monitoring judicial decisions, which serve as criteria for comparing proceedings in the second instance court with modern appellate proceedings. Some of these general provisions have not undergone significant changes in the course of judicial reform. Institutional transformations have occurred in the legal and factual review of judicial acts in the appellate court. The shortcomings of the Soviet model of proceedings in the court of second instance were overcome by establishing in appellate proceedings of the absence of grounds for overturning or amending a court decision; the possibility of conducting a judicial investigation; the right of the appellate court to render a verdict; and the elimination of the institution of directives from a higher court when remanding a case. Modern appellate proceedings ensure the right to a fair trial, which ensures effective restoration of rights. It is necessary to reform the current legislation by bringing it into line with the legal positions of the European Court of Human Rights, including in terms of the questioning of witnesses in the appellate court.
Keywords: freedom of appeal; instance; revision principle; prohibition of a turn for the worse; mandatory nature of instructions of a higher court; legal and factual review of judicial act; judicial reform; appellate proceedings; second instance court proceedings; criminal proceedings.

Cite as: Panokin AM. Transformation of Proceedings in the Court of Second Instance during the Post-Socialist Transition (as in the Case of Criminal Proceedings in the Republic of Bulgaria). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):135-146. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.135-146.

Социалистическое право как новая структурная общность (правовая семья), возникшая в результате Октябрьской революции 1917 г. в России, повлияло на формирование социалистического типа уголовного судопроизводства, в рамках которого действовала социалистическая модель пересмотра судебных решений, включавшая советскую систему проверки приговоров, постановлений и определений и систему проверки судебных решений народно-

демократических стран. Если советская система проверки судебных решений, которая реализовывалась в союзных республиках, входящих в состав СССР, достаточно подробно изучена в советской и отечественной науке уголовно-процессуального права, то системе проверки судебных решений народно-демократических стран посвящено значительно меньшее число научных исследований на русском языке. При этом модернизация проверки судебных решений

в бывших народно-демократических странах после распада СССР в 1991 г. остается вне поля зрения отечественных исследователей. Вместе с тем изучение трансформации проверки судебных решений в бывших народно-демократических странах позволяет оценить перспективы и определить основные направления развития российских контрольно-проверочных стадий уголовного судопроизводства. Одновременно для российской науки уголовно-процессуального права важно уяснить специфику развития проверки судебных решений в странах с близкой правовой культурой.

Под постсоциалистическим транзитом в данной статье понимается институциональное реформирование судоустройства как организационной основы судебной власти и уголовного судопроизводства, в том числе производства в суде второй инстанции, осуществляемое при переходе от социалистического к современному порядку расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел с целью обеспечения понимания прав и свобод человека и гражданина в качестве высших ценностей в государстве и обществе путем закрепления данных положений в национальном законодательстве и реализации их в правоприменении.

Ограниченный объем научной статьи не позволяет проанализировать трансформацию проверки судебных решений в условиях перехода от социалистического к современному уголовному судопроизводству на любых контрольно-проверочных стадиях и во всех бывших народно-демократических странах. В связи с этим в рамках настоящего исследования предполагается ограничиться изучением проверки судебных решений, не вступивших в законную силу, в Республике Болгарии.

Провозглашение в 1946 г. Болгарии народной республикой на несколько десятилетий опре-

делило развитие национальной правовой системы, включающей уголовно-процессуальное право. К моменту начала в Болгарии в 1989 г. перехода от социализма к рыночной экономике, сопровождавшегося существенными изменениями в государственной и правовой сферах жизни общества, действовал Уголовно-процессуальный кодекс, принятый в 1974 г.¹ (далее — УПК НРБ).

При формировании института производства в суде второй инстанции по пересмотру приговоров и определений в Народной Республике Болгарии как использовался советский опыт, так и осуществлялся поиск самобытной системы проверки судебных решений, пригодных для собственного государства. С. Павлов отмечал, что, «если новое производство в суде второй инстанции в корне отличается от буржуазных способов проверки не вступивших в силу приговоров и создано с широким использованием советского опыта, точнее по советскому образцу, это не значит, что между нашим и советским производством в суде второй инстанции не существует никаких отличий»².

В связи с этим важнейшим вопросом является определение природы производства в суде второй инстанции. В юридической литературе подчеркивается, что «исторически в процессуальных законах европейских стран выделяли два типа обжалования: апелляционное и контрольно-отменительное обжалование кассационно-ревизионного типа»³. Современное кассационное производство в болгарском уголовном процессе относится к контрольно-отменительному типу обжалования, а апелляционное — к контрольно-решающему⁴. Термин «контрольный» в данном случае означает, что суды вышестоящих инстанций осуществляют функцию последующего внутрисистемного процессуального контроля правосудности судебных

¹ Обн. «Държавен вестник», бр. 89 от 15 ноември 1974 г.

² Павлов С. Второинстанционното производство в българския народнодемократичен наказателен процес. София, 1954. С. 21.

³ Мингова А. Въззивно и касационно обжалване на съдебните решения. София, 1999. С. 48.

⁴ Троянов Б. Ж. Абсолютните съществени процесуални нарушения като касационни основания в българския наказателен процес : дисертационен труд за присъждане на образователна и научна степен «Доктор». София, 2024. С. 15.

решений. При контрольно-отменительном типе обжалования суд вышестоящей инстанции не вправе собирать доказательства, в законе закрепляются основания отмены или изменения судебного решения и при отмене судебного акта уголовное дело возвращается на предшествующие стадии уголовного судопроизводства, а при контрольно-решающем — суд вышестоящей инстанции вправе собирать доказательства, в законе отсутствуют основания отмены или изменения судебного решения и при отмене судебного акта закрепляется возможность разрешить уголовное дело по существу, постановив приговор, полностью заменяющий решение суда первой инстанции. Однако контрольно-отменительный и контрольно-решающий типы обжалования, которые полностью соответствуют всем перечисленным критериям, представляют собой идеальную модель, так как контрольно-проверочные стадии уголовного судопроизводства как фрагмент социальной и правовой реальности не являются данностью, а создаются в результате сознательной деятельности людей и отличаются многообразием.

В Народной Республике Болгарии апелляционное производство было отменено, что объяснялось как идеологическими причинами, так и неэффективностью данного института. В то же время производство в суде второй инстанции отграничивалось от пересмотра, существовавшего в царской Болгарии, и буржуазной апелляции⁵. Производство в суде второй инстанции относилось к контрольно-отменительному обжалованию кассационно-ревизионного типа с определенными отступлениями от идеальной модели. При этом производство в суде второй инстанции, характерное для «государств бывшего Советского Союза и стран народной демократии в Европе до конца XX века»⁶, носило сходный характер в разных странах.

В качестве признаков, характеризующих производство в суде второй инстанции, выделялись

следующие. Во-первых, суд второй инстанции вправе устанавливать фактические обстоятельства, но не может принять на их основе решение, а обязан вернуть уголовное дело на дополнительное расследование. Во-вторых, при изменении квалификации преступления судом второй инстанции объем нового обвинения может составлять лишь часть прежнего обвинения. В-третьих, при выявлении существенных процессуальных нарушений дело возвращается на предыдущие стадии уголовного судопроизводства⁷.

С точки зрения судоустройства в Народной Республике Болгарии судами второй инстанции выступали окружные суды, пересматривающие решения районных судов, и Верховный суд, пересматривающий решения окружных судов, вынесенные по первой инстанции. Состав суда второй инстанции включал трех судей (ст. 24, 38 УПК НРБ). Коллегиальный состав суда и организация судебной власти совпадали с судебной системой РСФСР, в которой два последних звена наделялись полномочиями суда второй инстанции.

Правовое регулирование производства в суде второй инстанции в Болгарии обладало рядом отличий от советского уголовно-процессуального законодательства. Например, в УПК НРБ производство в суде второй инстанции по пересмотру приговоров (гл. 15) и производство в суде второй инстанции по пересмотру определений (гл. 16) дифференцировалось в зависимости от вида судебного решения, притом что такое разграничение процедуры пересмотра в УПК РСФСР 1960 г. отсутствовало.

Для того чтобы проследить трансформацию производства в суде второй инстанции, необходимо определить критерии, которые позволят провести сравнение данного института уголовно-процессуального права с апелляционным производством до и после постсоциалистического транзита. Такими критериями

⁵ Павлов С. Второинстанционното производство в българския народнодемократичен наказателен процес. С. 5–12.

⁶ Митов Г. Същност на касационното производство по наказателни дела. София, 2011. С. 72.

⁷ Чинова М. Обща характеристика на въззивното производство по НПК // Съвременна пръво. 1999. № 4. С. 62–63.

могут выступать общие положения (условия) построения и функционирования способов контроля судебных решений: 1) свобода (широкая возможность) обжалования и опротестования судебных актов; 2) инстанционность; 3) ревизионное начало; 4) запрет поворота к худшему; 5) обязательность указаний вышестоящего суда при возвращении дела на новое рассмотрение; 6) юридико-фактическая проверка судебного акта⁸.

Свобода обжалования и опротестования судебных актов закреплялась в ст. 316 УПК НРБ максимально широко: правом опротестования судебного акта наделялся прокурор, а правом обжалования — стороны судебного разбирательства без применения перечневого подхода к перечислению всех субъектов уголовного судопроизводства, наделенных таким правом.

Инстанционность характеризовалась тем, что производство в суде второй инстанции осуществлялось исключительно вышестоящим судом. Одновременно существовал институт, способствовавший процессуальной экономии и не известный ни советскому, ни современному российскому уголовному судопроизводству, который заключался в том, что по частной жалобе или частному протесту суд первой инстанции был вправе самостоятельно отменить или изменить вынесенное определение без передачи их на рассмотрение суда второй инстанции.

В статье 313 УПК НРБ закреплялось ревизионное начало, в соответствии с которым суд второй инстанции полностью проверял правильность приговора независимо от оснований, указанных сторонами. При наличии оснований суд второй инстанции отменял или изменял приговор в части, которая не обжаловалась, а также в отношении лиц, которые не подавали жалоб. Правоведы утверждали, что ревизионное начало составляет сущность социалистической (советской) концепции судебного контроля не вступивших в законную силу приговоров, которое было заимствовано из советской теории

уголовно-процессуального права, закреплено в болгарском социалистическом уголовном судопроизводстве, а затем и в современном⁹.

Обязательность указаний вышестоящего суда при возвращении дела на новое рассмотрение носила ограниченный характер и касалась только определения стадии уголовного судопроизводства, на которой должно быть произведено повторное рассмотрение дела; применения закона, за исключением случаев, когда судом первой инстанции будут установлены иные фактические обстоятельства; обстоятельств, подлежащих установлению, и следственных действий, которые необходимо произвести.

При этом действовал запрет поворота к худшему, когда ухудшение положения допускалось исключительно по протесту прокурора или жалобе частного истца. Суд, которому дело возвращалось на новое рассмотрение, мог назначить более строгое наказание или применить закон о более тяжком преступлении, если приговор был отменен по протесту прокурора или жалобе частного истца в связи с необходимостью назначения более строгого наказания или применения закона о более тяжком преступлении. Суд, в который дело возвращалось на новое рассмотрение, мог вынести обвинительный приговор ранее оправданному, если приговор был отменен по протесту прокурора или жалобе частного истца.

Юридико-фактическая проверка судебного акта означала, что предмет производства в суде второй инстанции составляет правильность как применения закона, так и установления фактических обстоятельств. Приговор подлежал отмене или изменению в связи с неправильным установлением фактических обстоятельств, если при рассмотрении дела не выяснены обстоятельства, имеющие существенное значение, или когда фактические обстоятельства, признанные установленными, не подтверждаются доказательствами. Основаниями пересмотра в связи с неправильностью применения закона

⁸ Митов Г. Въззивно производство по наказателни дела. София, 2016. С. 45.

⁹ Цонков И. Ревизионното начало и правомощията на въззивната инстанция в българския наказателен процес (исторически, доктринални и практически ракурси). София, 2024. С. 107, 115–116.

выступали также нарушения материального закона¹⁰, существенные нарушения процессуальных норм и назначение явно несправедливого наказания.

В суде второй инстанции допускалось исследование *только* письменных и вещественных доказательств, что не соответствовало контрольно-отменительному типу обжалования. Ученые отмечали, что стороны вправе представлять *новые* материалы, которые приобщаются к уголовному делу судом в качестве письменных и вещественных доказательств; в случае если стороны не могут получить такие материалы, суд направляет соответствующие запросы; суд не вправе отказать в приеме и обсуждении новых материалов в связи с тем, что они не имеют значения для дела¹¹. В целом можно констатировать общие черты болгарской и советской правовой доктрины в части использования *материалов* в суде второй инстанции, за исключением отсутствия возможности представления вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве РСФСР.

Суд второй инстанции наделялся полномочиями по отмене приговора и возвращению дела на новое рассмотрение, изменению приговора, отмене приговора и признанию подсудимого невиновным, оставлению жалобы или протеста без удовлетворения, прекращению или приостановлению производства. Суд второй инстанции был вправе отменить приговор и признать подсудимого невиновным, постановив *оправдательный приговор*, но не мог в остальных случаях вынести судебное решение по существу дела, полностью заменяющее решение суда первой инстанции.

Такое нормативное правовое регулирование производства в суде второй инстанции действовало на момент начала в 1989 г. изменений. В качестве основных направлений трансфор-

мации производства в суде второй инстанции можно выделить, во-первых, возвращение к традиционным для болгарского судопроизводства и уголовного судопроизводства институтам, во-вторых, значительную модернизацию производства в суде второй инстанции, выразившуюся в приведении болгарского уголовно-процессуального законодательства в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Возвращение к традиционным для болгарского уголовного судопроизводства институтам заключалось в возрождении апелляции, которая впервые была введена в Болгарии в 1878 г. и с перерывами в 1922–1924 гг. и 1934–1935 гг. существовала до 1947–1948 гг. Отмена апелляции в 1920-х и 1930-х гг. не вызвала возражений ученых-процессуалистов. Например, согласно Н. Саранову, недостатки в организации апелляционного производства и не всегда его удовлетворительные результаты привели к большему или меньшему ограничению апелляционного рассмотрения в ряде законов. С его точки зрения, участие народного элемента в отправлении правосудия, приближающегося по форме к шеффенскому суду, создавало определенные гарантии, которые могли в значительной степени компенсировать отмену производства в суде апелляционной инстанции. Однако отмена апелляционного производства должна сопровождаться наличием хорошо продуманного предварительного следствия и обеспечением права на защиту с самого его начала¹².

Через 50 лет после отмены, в 1998 г., апелляционное производство было восстановлено в УПК НРБ. В дальнейшем правовое регулирование апелляции осуществлялось Уголовно-процессуальным кодексом Республики Болгарии 2005 г. (УПК РБ)¹³, принятием которого в целом завершился постсоциалистический транзит

¹⁰ Несмотря на то что в ч. 1 ст. 328, ст. 329 УПК НРБ речь идет о законе, а не о материальном законе, в юридической литературе находим, что имеется в виду именно последний (*Павлов С.* Наказателен процес на Народна република България. София, 1989. С. 582–583).

¹¹ *Павлов С.* Наказателен процес на Народна република България. С. 575–578.

¹² *Сарановъ Н.* Кратък курсъ по наказателно процесуално право. II поправено и допълнено издание. София, 1943. С. 145.

¹³ Обн. «Държавен вестник», бр. 86 от 28 октомври 2005 г.

путем перехода к современному уголовному судопроизводству.

Развернулась дискуссия о характеристике апелляционного производства. С одной стороны, высказывалось мнение, что суд апелляционной инстанции как «второй первой инстанции» позволяет характеризовать то, что в ст. 316 УПК НРБ закреплялось следующее: если в гл. 15 «Апелляционное производство» УПК НРБ не установлено особых правил, применяются правила производства в первой инстанции; суд апелляционной инстанции не только вправе постановить судебный акт на основе доказательств, собранных судом первой инстанции, но и наделен полномочиями по собиранию новых доказательств по ходатайству сторон или *ex officio*¹⁴. В пользу данной позиции говорит и то, что Верховный кассационный суд в решениях неоднократно называл суд апелляционной инстанции «второй первой инстанцией»¹⁵. С другой стороны, болгарскими учеными-процессуалистами отмечается, что «вторая первая инстанция», когда суд апелляционной инстанции обязан разрешить дело по существу без возвращения его на новое рассмотрение в суд первой инстанции, характерна для *полной* апелляции, которая не закрепляется в современном уголовно-процессуальном законе¹⁶. Характеристика суда апелляционной инстанции как «второй первой инстанции» соответствует правовому регулированию и судебной практике, а полномочия возвратить уголовное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции носят *исключительный* характер и связаны с тем, что суд апелляционной инстанции не может самостоятельно устранить выявленные нарушения.

В части правового регулирования свободы (широкой возможности) обжалования и опротестования судебных актов, ревизионного начала и инстанционности не произошло существенных

изменений при осуществлении постсоциалистического транзита.

Судебная власть в ходе реформы была организована таким образом, что судами второй инстанции выступали окружные суды, пересматривающие решения районных судов, и апелляционные суды (которые были упразднены в 1947 г., а теперь возрождены), пересматривающие решения окружных судов, вынесенные по первой инстанции. При этом высшая судебная инстанция — Верховный кассационный суд — правом апелляционного пересмотра не наделалась.

Претерпел частичные изменения запрет поворота к худшему: ограничения для суда, которому дело возвращено на новое рассмотрение, уголовно-процессуальным законом не устанавливались, но сохранялись требования, в соответствии с которыми ухудшение положения допускалось только по протесту прокурора или жалобе частного обвинителя и частного истца.

Институт указаний суда апелляционной инстанции при возвращении дела на новое рассмотрение отменялся, поскольку предполагалось, что суд апелляционной инстанции рассматривает уголовное дело по существу, а полномочия по возвращению уголовного дела в суд первой инстанции носят исключительный характер.

Наиболее существенные изменения претерпела юридико-фактическая проверка судебного акта апелляционной инстанцией. Изначально, при восстановлении апелляции в 1998 г., устанавливалось, что предметом апелляционной проверки выступают законность, обоснованность и справедливость не вступившего в законную силу приговора (ст. 312 УПК НРБ). Однако в 2003 г. предмет апелляционной проверки был изменен и закреплялся максимально широко — как проверка *правильности* не вступивших в силу приговоров. В юридической литературе

¹⁴ Доковска Д. Въззивното обжалване на присъдите // Адвокатски преглед. 2000. № 2. С. 3–4.

¹⁵ Решения Верховного кассационного суда от 18.04.2011 № 206 по уголовному делу № 1200/2011, от 16.04.2014 № 27 по уголовному делу № 2238/2013, от 23.06.2015 № 113 по уголовному делу № 93/2015 // Система деловой информации «Лакорда».

¹⁶ Чинова М. Указ. соч. С. 63–65.

отмечается, что термин «правильность приговора» в рассматриваемом случае включает проверку его законности, обоснованности и справедливости¹⁷.

Одновременно возвращалось традиционное для болгарского уголовного судопроизводства отсутствие законодательного закрепления *оснований* (поводов) апелляционного пересмотра, характерное для Закона об уголовном судопроизводстве 1897 г.¹⁸ Среди положительных сторон отсутствия оснований (поводов) апелляционного пересмотра необходимо выделить максимально широкое формулирование предмета апелляционного обжалования, которым может стать любое нарушение прав личности, допущенное судом первой инстанции, что увеличивает возможности участников уголовного судопроизводства по оспариванию судебного решения и защите прав и законных интересов в судах апелляционной инстанции путем предоставления им максимальных гарантий и т.д.

В то же время сохранялись кассационные основания, которые позволяли ограничивать разные контрольно-проверочные стадии уголовного судопроизводства. При характеристике таких оснований ученые констатировали: хотя они называются кассационными, это не означает, что они присущи только кассационному производству. Напротив, указанные основания проверяются и судом апелляционной инстанции. Различия заключаются в следующем: 1) апелляционный суд делает это *ex officio*; 2) в некоторых случаях установление одного и того же нарушения в апелляционном и кассационном производстве имеет различные правовые последствия¹⁹. На обязанность суда апелляционной инстанции выявить, например, такое кассационное основание, как существенное нарушение процессуальных правил, прямо указывает отсылочная норма, установленная в ч. 2 ст. 335 УПК РБ. Что касается различных

правовых последствий выявления одного и того же основания, то суд апелляционной инстанции вправе самостоятельно увеличить наказание, а суд кассационной инстанции обязан отменить приговор полностью или в части и вернуть уголовное дело на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции.

Разрывом с предыдущим этапом развития болгарского уголовного судопроизводства стало закрепление в ст. 315 УПК РБ положения о том, что в суде апелляционной инстанции допускаются *все* доказательства, которые могут быть собраны в порядке, предусмотренном УПК РБ. Г. Митов полагает, что данная норма «противоречива и нелогична... *de lege ferenda* этот текст следует отменить. Он уже сыграл свою роль в преодолении затруднений, которые возникли из рутины практики производства в суде второй инстанции»²⁰.

Суд апелляционной инстанции наделен правом устанавливать *новые* фактические обстоятельства. При проведении судебного следствия суд вправе использовать *все* способы собирания и проверки доказательств. При этом вопросы исследования доказательств *полностью* зависят от усмотрения суда апелляционной инстанции, который решает их в закрытом судебном заседании, а при необходимости — в распорядительном судебном заседании с вызовом сторон.

Суд *принимает* решение о необходимости допроса подсудимого. В литературе акцентируется внимание на двойственной процессуальной природе *объяснений* обвиняемого: с одной стороны, они представляют собой доказательственное средство — источник доказательственных фактов, с другой — *средство защиты* его прав и законных интересов, в том числе против выдвинутого обвинения²¹. Таким образом, лишение подсудимого права давать объяснения в суде апелляционной инстанции ограничивает его *право защищать себя лично* (пп. с п. 3 ст. 6

¹⁷ Митов Г. Въззивно производство по наказателни дела. С. 57.

¹⁸ Обн. «Държавен вестник», бр. 77 от 7 април 1897 г.

¹⁹ Троянов Б. Ж. Указ. соч. С. 41.

²⁰ Митов Г. Въззивно производство по наказателни дела. С. 52.

²¹ Вучков В. Доказателствени средства в наказателното производство. Същност и видове. София, 2006. С. 98–149.

Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.).

Используемая болгарским законодателем формулировка не в полной мере соответствует правовым позициям Европейского Суда по правам человека, который постановил, что, когда суд апелляционной инстанции призван рассмотреть дело с точки зрения *фактов* и права и дать полную оценку вопросу виновности или невиновности заявителя, он не может в рамках справедливого судебного разбирательства должным образом решить эти вопросы без прямой оценки показаний, данных лично обвиняемым, который утверждает, что не совершал деяния, предположительно составляющего уголовное преступление²². Недостатки законодательства компенсируются позитивной судебной практикой Верховного кассационного суда, который отмечает, что суд апелляционной инстанции не может лишить подсудимого права давать объяснения и *обязан* предоставить осужденному возможность давать объяснения в любом объеме по предъявленному ему обвинению²³.

В соответствии с ч. 3, 4 ст. 327 УПК РБ свидетели и эксперты, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в суде апелляционной инстанции, *если суд признает необходимым* их повторный допрос или если их показания или заключения будут касаться новых фактических обстоятельств. Новые свидетели и эксперты допускаются, *если суд сочтет*, что их показания или заключения будут иметь значение для правильного разрешения дела.

Несмотря на то что уголовно-процессуальным законом и Верховным кассационным судом

допрос свидетелей ставится в зависимость от усмотрения суда апелляционной инстанции²⁴, Европейский Суд по правам человека не считает, что вопросы, которые должен был решить вышестоящий суд при признании заявителя виновным и назначении ему наказания — и отмене его оправдательного приговора нижестоящих судов, — могли быть в рамках справедливого судебного разбирательства надлежащим образом рассмотрены *без прямой оценки* показаний, представленных свидетелями²⁵. В другом решении Европейский Суд по правам человека подчеркнул следующее: то, что суд апелляционной инстанции отказался заслушать показания свидетелей, о повторном допросе которых ходатайствовал заявитель до вынесения ему обвинительного приговора, значительно ограничило его права на защиту и сделало судебное разбирательство несправедливым²⁶. Принять решение об отмене оправдательного приговора и о вынесении обвинительного приговора суд апелляционной инстанции вправе только после допроса свидетелей, о вызове которых ходатайствует обвиняемый.

Согласно исследователям, «массовая практика — в основном в связи с соображениями быстроты уголовного судопроизводства и процессуальной экономии — апелляционные суды в Болгарии рассматривают уголовные дела без судебного следствия и новых допросов, основываясь только на протоколах судебных заседаний первой инстанции, оценивают как достоверные показания свидетелей и объяснения подсудимых, которые суд первой инстанции, который лично и непосредственно собрал и проверил

²² § 45 решения ЕСПЧ от 10.04.2012 *Popa and Tănăsescu v. Romania*.

²³ Решения Верховного кассационного суда от 04.03.2009 № 548 по уголовному делу № 553/2008, от 17.11.2009 № 359 по уголовному делу № 395/2009 // Система деловой информации «Лакорда».

Ранее Верховный кассационный суд высказывал противоположную позицию (изложена в решении от 01.07.2010 № 341 по уголовному делу № 254/2010 // Система деловой информации «Лакорда»), согласно которой суд апелляционной инстанции признает необходимость повторного допроса обвиняемого только в тех случаях, когда *считает* это необходимым для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию.

²⁴ Решения Верховного кассационного суда от 10.11.2011 № 431 по уголовному делу № 2192/2011, от 07.01.2014 № 600 по уголовному делу № 2123/2013, от 29.01.2014 № 58 по уголовному делу № 2157/2013 // Система деловой информации «Лакорда».

²⁵ § 64 решения ЕСПЧ от 16.12.2008 «*Năvoloacă v. Moldova*».

²⁶ Постановление ЕСПЧ от 18.05.2004 «*Destrehem v. France*».

рассматриваемые доказательственные материалы, оценил как недостоверные. Или наоборот — оценивает как недостоверные доказательственные материалы, оцененные как достоверные судом первой инстанции. Отсюда делаются выводы по фактическим обстоятельствам, противоположные сделанным судом первой инстанции. В конечном счете становится возможным существенное ухудшение положения подсудимого»²⁷.

Наравне с негативной оценкой такой практики можно встретить и утверждение, что «суд апелляционной инстанции, вопреки предоставленной статьей 327 УПК возможности, не повторяет полностью все процессуальные действия по собиранию и проверке доказательств, которые осуществлены судом первой инстанции. Это исключение из принципа непосредственности (ст. 18 УПК). Суд апелляционной инстанции выносит решение на базе доказательственного материала, который не собирал и не проверял лично. Он строит свое убеждение на основе собранных судом первой инстанции доказательств и доказательственных средств. Это еще одна особенность апелляционного производства»²⁸.

Вместе с тем невозможны эффективное устранение судебных ошибок и защита прав участников уголовного судопроизводства без полноценного непосредственного исследования и проверки доказательств судом апелляционной инстанции.

Ограниченные полномочия судов второй инстанции, действовавших до восстановления апелляции, не позволяли им отменить приговор и постановить новый приговор, кроме оправдательного, которым подсудимый признавался невиновным. Сегодня суд апелляционной инстанции, в отличие от советского периода развития уголовного судопроизводства, наде-

ляется правом отмены приговора суда первой инстанции и постановления нового приговора, что свидетельствует о переходе от контрольно-отменительного к контрольно-решающему типу обжалования.

Данные судебной статистики за 2024 г. показывают, что в Болгарии апелляционные суды рассмотрели всего 973 уголовных дела, из них в 288 (29,60 %) приговор подтвержден, в 192 (19,73 %) — изменен, в 72 (7,40 %) — отменен с возвращением уголовного дела на новое рассмотрение, в 60 (6,17 %) постановлен новый приговор²⁹. Такие статистические данные позволяют прийти к выводу, что апелляционные суды пересматривают более 2/3 поступивших уголовных дел, при отмене приговоров *редко* пользуются правом возвращения уголовного дела на предыдущие стадии уголовного судопроизводства, что говорит о преодолении практик, характерных для производства в суде второй инстанции и действовавших в советский период, обеспечивая эффективное устранение судебных ошибок и защиту прав участников уголовного судопроизводства.

Трансформация производства в суде второй инстанции при осуществлении постсоциалистического транзита характеризуется следующими институциональными изменениями: во-первых, возрождением традиционного для болгарского уголовного судопроизводства института апелляционного производства с такими присущими ему признаками, как отсутствие оснований отмены или изменения судебного решения, возможность проведения судебного следствия, право суда апелляционной инстанции постановить приговор и отсутствие института указаний вышестоящего суда при возвращении дела на новое рассмотрение; во-вторых, приведением правового регулирования апелляционного производства и право-

²⁷ Цонков И. Правото на справедлив съдебен процес по чл. 6 от Конвенцията за защита на правата на човека и основните свободи и някои особености на българския наказателен процес // Юридически свят. 2015. № 1. С. 68.

²⁸ Митов Г. Въззивно производство по наказателни дела. С. 150. В цитате имае в виду УПК РБ.

²⁹ Висш съдебен съвет: Съдебна статистика, регистри : Отчетни доклади : Обобщени статистически таблици за дейността на съдилищата за 2024 г. Приложение № 17 // URL: <https://vss.justice.bg/root/f/upload/44/total-tables-2024.pdf> (дата обращения: 11.08.2025).

применительной практики в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права; в-третьих, реформированием судоустройства как организационной основы судебной власти путем возрождения апелляционных судов. В целом в Республике Болгарии успешно преодолены недостатки советской модели производства в суде второй инстанции, что позволяет в современном

апелляционном производстве гарантировать право на справедливое правосудие, которое обеспечивает эффективное восстановление в правах. Однако требуется дальнейшее реформирование действующего законодательства путем приведения его в соответствие с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека, в том числе в части допроса свидетелей в суде апелляционной инстанции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вучков В. Доказателствени средства в наказателното производство. Същност и видове. — София : Феня, 2006. — 400 с.
2. Дюковска Д. Въззивното обжалване на присъдите // Адвокатски преглед. — 2000. — № 2. — С. 3–14.
3. Мингова А. Въззивно и касационно обжалване на съдебните решения. — София : СОФИ-Р, 1999. — 448 с.
4. Митов Г. Въззивно производство по наказателни дела. — София : Сиби, 2016. — 304 с.
5. Митов Г. Същност на касационното производство по наказателни дела. — София : Сиби, 2011. — 192 с.
6. Павлов С. Второинстанционното производство в българския народнодемократичен наказателен процес. — София : Издание на Българската академия на науките, 1954. — 356 с.
7. Павлов С. Наказателен процес на Народна република България. — София : Университетско Климент Охридски, 1989. — 665 с.
8. Сарановъ Н. Кратък курс по наказателно процесуално право. — II поправено и допълнено издание. — София : Печатница «Художник», 1943. — 164 с.
9. Троянов Б. Ж. Абсолютните съществени процесуални нарушения като касационни основания в българския наказателен процес : дисертационен труд за присъждане на образователна и научна степен «Доктор». — София, 2024. — 315 с.
10. Цонков И. Правото на справедлив съдебен процес по чл. 6 от Конвенцията за защита на правата на човека и основните свободи и някои особености на българския наказателен процес // Юридически свят. — 2015. — № 1. — С. 50–84.
11. Цонков И. Ревизионното начало и правомощията на въззивната инстанция в българския наказателен процес (исторически, доктринални и практически ракурси). — София : Сиела Норма АД, 2024. — 564 с.
12. Чинова М. Обща характеристика на въззивното производство по НПК // Съвременен пръво. — 1999. — № 4. — С. 62–73.

Материал поступил в редакцию 31 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vuchkov V. Dokazatelstveni sredstva v nakazatelnoto proizvodstvo. Sshchnost i vidove. — Sofiya: Feneya, 2006. — 400 s.
2. Dokovska D. Vzzivnoto obzhaltvane na prisdite // Advokatski pregled. — 2000. — № 2. — S. 3–14.
3. Mingova A. Vzzivno i kasatsionno obzhaltvane na sdebnite resheniya. — Sofiya: SOFI-R, 1999. — 448 s.
4. Mitov G. Vzzivno proizvodstvo po nakazatelni dela. — Sofiya: Sibi, 2016. — 304 s.
5. Mitov G. Sshchnost na kasatsionnoto proizvodstvo po nakazatelni dela. — Sofiya: Sibi, 2011. — 192 s.

6. Pavlov S. Vtoroinstantsionnoto proizvodstvo v blgarskiya narodnodemokratichen nakazatelen protses. — Sofiya: Izdanie na Blgarskata akademiya na naukite, 1954. — 356 s.
7. Pavlov S. Nakazatelen protses na Narodna republika Blgariya. — Sofiya: Universitetsko Kliment Okhridski, 1989. — 665 s.
8. Saranov N. Kratk kurs po nakazatelno protsesualno pravo. — II popraveno i doplneno izdanie. — Sofiya: Pечатnitsa «Khudozhnik», 1943. — 164 s.
9. Troyanov B. Zh. Absolyutnite sshchestveni protsesualni narusheniya kato kasatsionni osnovaniya v blgarskiya nakazatelen protses: disertatsionen trud za prizhdane na obrazovatelna i nauchna stepen «Doktor». — Sofiya, 2024. — 315 s.
10. Tsonkov I. Pravoto na spravedliv sdeben protses po chl. 6 ot Konventsiyata za zashchita na pravata na choveka i osnovnite svobodi i nyakoi osobenosti na blgarskiya nakazatelen protses // Yuridicheski svyat. — 2015. — № 1. — S. 50–84.
11. Tsonkov I. Revizionnoto nachalo i pravomoshchiyata na vzzivnata instantsiya v blgarskiya nakazatelen protses (istoricheski, doktrinalni i prakticheski rakursi). — Sofiya: Siela Norma AD, 2024. — 564 s.
12. Chinova M. Obshcha kharakteristika na vzzivnoto proizvodstvo po NPK // Svremenno prvo. — 1999. — № 4. — S. 62–73.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.147-156

Б. А. Шахназаров*

Особенности правового режима персональных данных и больших данных в КНР

Аннотация. Правовые подходы КНР к охране, использованию и обороту персональных данных и больших данных заслуживают особого внимания в контексте компаративистских исследований ввиду стремительного технологического развития, а также эволюции цифровых и экономических отношений в стране и активного развития внешнеэкономической деятельности китайских компаний на международных рынках товаров и услуг. В стране развивается система правового регулирования защиты персональных данных посредством специального регулирования на основе правил, закрепленных в нормативных правовых актах разного уровня. Система защиты персональных данных базируется на Законе о кибербезопасности (CSL) 2017 г., Законе о защите персональной информации (PIPL) 2021 г. и Законе о безопасности данных (DSL) 2021 г., что позволяет судить о комплексном разнонаправленном подходе к охране и использованию данных в КНР применительно к разным субъектам и областям общественных отношений, а также формам их реализации. Поскольку система защиты персональных данных всё еще развивается и ожидается, что в китайском праве будут появляться новые нормативные правовые акты в данной сфере, сопровождающие базовые законы PIPL и DSL, целесообразно осуществлять постоянный мониторинг правовой среды защиты данных в КНР. Отдельного внимания заслуживает и экстерриториальный характер действия китайского законодательства в сфере защиты персональных данных. Большие данные в современных условиях представляются важнейшим инструментом реализации экспортно-импортных отношений, они обладают потенциалом при проведении глубоких исследований товарных рынков, структуры экспорта и импорта в различных юрисдикциях, а также при осуществлении международного торгового комплаенса в целом.

Ключевые слова: Китай; большие данные; big data; персональные данные; пилотные зоны больших данных; правовое регулирование; кибербезопасность; безопасность данных; оборот больших данных; информация.

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Особенности правового режима персональных данных и больших данных в КНР // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 147–156. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.147-156.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Шахназаров Б. А., 2025

* Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993

ben_raf@mail.ru

Features of Personal Data and Big Data Legal Regime in the People's Republic of China (PRC)

Benjamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ben_raf@mail.ru

Abstract. China's legal approaches to the protection, use, and processing of personal data and big data deserve special attention in the context of comparative research given the country's rapid technological development, the evolution of digital and economic relations, and the active development of foreign economic activity by Chinese companies in international markets for goods and services. The country is developing a system of legal regulation for the protection of personal data through special regulations based on rules enshrined in regulatory legal acts at various levels. The personal data protection system is built on the Cybersecurity Law (CSL) of 2017, the Personal Information Protection Law (PIPL) of 2021 and the Data Security Law (DSL) of 2021. This foundation demonstrates the China's comprehensive and multi-facet approach to the protection and use of data in relation to different entities and areas of public relations, as well as the forms of their implementation. Since the personal data protection system is still evolving and new regulations in this area are expected to appear in Chinese law, accompanying the basic PIPL and DSL laws, it is advisable to continuously monitor the legal environment for data protection in the PRC. The extraterritorial nature of Chinese legislation in the area of personal data protection also deserves special attention. Big data, in today's environment, is a crucial tool for implementing export-import relations. It has the potential to conduct in-depth research into commodity markets, export and import structures in various jurisdictions, and facilitate international trade compliance in general.

Keywords: China; big data; personal data; big data pilot zones; legal regulation; cybersecurity; data security; big data processing; information.

Cite as: Shakhnazarov BA. Features of Personal Data and Big Data Legal Regime in the People's Republic of China (PRC). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):147-156. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.147-156.

Acknowledgements. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

Китайская Народная Республика, будучи государством с мощной цифровой экономикой и продвинутой системой экономики данных, а также стремительным и беспрецедентным развитием внешнеэкономической деятельности, уделяет особое внимание совершенствованию правовых подходов к защите, использованию и обороту разного рода данных, лежащих в фундаменте китайской экономики. Осознание собственных проблем, связанных с характером и объемом экономики страны, различного рода нарушениями в сфере информационно-правовых отношений, интеллектуальной собственности, заставляет китайское правительство ориентироваться на постоянный

мониторинг и модернизацию нормативного правового регулирования защиты, использования и оборота персональных и больших данных, представляющих собой основу социально-экономического развития страны.

Отсутствие в Китае единого законодательного акта, который систематизировал бы нормативные положения о защите данных, не является свидетельством отсутствия эффективной их защиты, поскольку китайский подход к защите данных выстроен путем формирования отдельных специальных нормативных актов разного уровня¹. Обозначенная система защиты персональных данных базируется на Законе о защите персональной информации (PIPL) 2021 г., Законе

¹ См.: Data protection laws in China // URL: <https://www.dlapiperdataprotection.com/index.html?c=CN&t=law> (дата обращения: 24.03.2025).

о кибербезопасности (CSL) 2017 г. и Законе о безопасности данных (DSL) 2021 г., что позволяет говорить о комплексном разнонаправленном подходе к охране и использованию данных в КНР применительно к разным субъектам и областям общественных отношений, а также формам их реализации.

В Китае действует система законодательных актов в сфере защиты данных, ориентированных на вопросы безопасности данных в цифровом пространстве (с усиленными мерами ответственности) и понимающих данные в широком смысле, а также направленных на защиту персональных данных инструментами, которые уже учитывают современный мировой опыт в этой сфере. Важно, что наблюдаются не разрозненные процессы принятия законодательных актов по принципу лоскутного одеяла, а последовательное нормотворчество исходя из мирового опыта, когда последующий акт усиливает меры охраны и дополняет предыдущий, формируя тем самым системные связи в соответствующем нормативном массиве.

Помимо PIPL, CSL и DSL, в КНР основу общей структуры защиты персональных данных составляют следующие документы: Решение об усилении защиты информации в сети Интернет 2012 г.; Меры по оценке безопасности исходящих передач данных 2022 г.; Меры по положениям стандартного договора на исходящую передачу персональных данных, вступившие в силу с 1 июня 2023 г.; Положение об упрощении и регулировании трансграничной передачи данных, 2024 г.; Регламент по управлению безопасностью сетевых данных, вступивший в силу с 1 января 2025 г.

В последние годы нормативные правовые акты в сфере защиты персональных данных были модернизированы и дополнены. К таким актам относятся, в частности, Национальный стандарт технологий информационной безопасности 2020 г.; Руководство по защите персональной информации в сети Интернет 2019 г.; Проект национального стандарта технологий безопасности данных «Требования к аудиту со-

ответствия требованиям по защите персональных данных», опубликованный для обсуждения 12 июля 2024 г.; Руководство по идентификации конфиденциальной личной информации, вступившее в силу с 18 сентября 2024 г., и многие другие.

Таким образом, в Китае действует широкая и детализированная система правовой охраны персональных данных.

Если давать общую характеристику приведенным выше актам, то отмечается, что «Решение об усилении защиты информации в сети Интернет имеет ту же юридическую силу, что и закон, и его целью является защита безопасности онлайн-информации, защита законных прав и интересов граждан, юридических лиц или других организаций, а также обеспечение национальной безопасности и общественных интересов»².

Хотя Национальный стандарт технологий информационной безопасности и другие Руководящие принципы являются только техническими руководствами (подробно охватывающими ключевые вопросы, такие как передача данных, конфиденциальная персональная информация и права субъектов данных) и, соответственно, не имеют обязательной юридической силы, они исторически были эффективными регуляторами. Несмотря на то что PIPL имеет приоритет над различными Руководящими принципами, будучи ключевым законом, положения которого обязательны, Национальный стандарт технологий информационной безопасности и Руководящие принципы по-прежнему полезны для целей дополнения законодательства, особенно в любой части, которая не была рассмотрена в PIPL, CSL или DSL.

Стоит обратить внимание и на смежное законодательство. Например, положения Закона о деликтной ответственности обычно использовались для толкования прав на защиту данных как права на репутацию или права на неприкосновенность частной жизни³. Однако такое толкование не является явным. Особое значение приобретают нормы Гражданского кодекса КНР

² См.: Data protection laws in China.

³ См.: Data protection laws in China.

2021 г., которые устанавливают принципы защиты данных, акцентируя внимание на неприкосновенности частной жизни физических лиц. Положения, содержащиеся в других законах и нормативных актах, также могут применяться в зависимости от отрасли или типа соответствующей информации (например, персональные данные, полученные финансовыми учреждениями и предприятиями в сфере электронной торговли, персональные данные, собранные поставщиками телекоммуникационных или интернет-услуг/контента, информация в сфере здравоохранения, генетическая информация и т.д.).

Учитывая, что система защиты персональных данных всё еще развивается и ожидается, что в китайском праве в рассматриваемой сфере будут появляться новые нормативные правовые акты, сопровождающие базовые законы PIPL и DSL, целесообразно осуществлять постоянный мониторинг правовой среды защиты данных в КНР.

Отдельного внимания заслуживает и экстерриториальный характер действия положения китайского законодательства в сфере защиты персональных данных. Так, ключевой Закон о защите персональной информации имеет экстерриториальное действие и распространяется на деятельность по обработке данных в КНР, по обработке данных резидентов КНР за пределами КНР, деятельность в целях предоставления продукции или услуг резидентам КНР, деятельность по аналитике или оценке поведения жителей КНР, любую другую деятельность, если это предусмотрено Законом или иными нормативными актами. PIPL распространяется как на государственные, так и на частноправовые отношения.

Таким образом, Китай признается государством, которое очень серьезно относится к конфиденциальности и суверенитету данных. Он прошел через несколько итераций, чтобы

разрешить трансграничную передачу данных для транснациональных компаний⁴. В марте 2024 г. Управление кибербезопасности Китая представило Положения о содействии и регулировании трансграничного потока данных (новые положения), которые смягчили строгие требования к трансграничной передаче данных. Это развитие позволяет транснациональным компаниям более эффективно управлять своими данными, осуществляя при этом деятельность в соответствии с требованиями законодательства, но имеется также много случаев, когда персональные данные должны оставаться в пределах Китая.

Что касается проблематики правового регулирования больших данных, то Китайское правительство старается действовать своевременно в контексте современных вызовов в этой сфере. Особого внимания в обозначенном контексте заслуживает План действий по содействию развитию больших данных (август 2015 г.), в рамках которого последовательно были сформированы и запущены национальные комплексные пилотные зоны больших данных с 2016 г., что является новой пилотной политикой больших данных, выпущенной китайским правительством для содействия развитию цифровой экономики⁵.

К таким пилотным зонам относятся: комплексная пилотная зона больших данных Гуйчжоу, две межрегиональные комплексные пилотные зоны (Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй и дельта реки Чжуцзян), четыре демонстрационные комплексные пилотные зоны (Шанхай, Хэнань, Чунцин и Шэньян) и одна комплексная пилотная зона для общего развития инфраструктуры больших данных (Внутренняя Монголия). В пилотных зонах проводились систематические эксперименты по семи основным задачам (управление открытыми ресурсами данных и их совместное использование, интеграция центров обработки данных, применение ресурсов данных, циркуляция элементов

⁴ См.: China's digital data sovereignty laws and regulations // InCountry Staff. URL: <https://incountry.com/blog/chinas-digital-data-sovereignty-laws-and-regulations/> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ См.: *Xinyun Hu, Yanling Jiang, Pengfei Guo, Mingming Li*. How does China's Big data policy affect the digital economy of cities? Evidence from national Big data comprehensive pilot zones // *Heliyon*. 2024. Vol. 10. Iss. 2. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844024006698> (дата обращения: 31.03.2025).

данных, промышленная агломерация больших данных, международное сотрудничество в области больших данных и инновации в системах больших данных) и в конечном итоге формировались демонстрационные эффекты путем постоянного обобщения практического опыта, который можно использовать для справки, тиражирования и продвижения. Национальная комплексная пилотная зона больших данных — это новая пилотная политика больших данных, выпущенная китайским правительством для адаптации к Индустрии 4.0.

Экспериментальный характер пилотных зон содержит возможный потенциал модернизации и правовых подходов к охране больших данных с учетом территориальной и отраслевой особенностей их распространения и использования.

Некоторые ученые обеспокоены тем, что влияние государственной политики в этой сфере недостаточно определено⁶ и многие страны смогут внести целевые корректировки в свою политику при меняющихся обстоятельствах. Отсутствуют верифицированные данные и достаточные научные исследования, которые позволили бы выявить закономерность влияния государственной политики в сфере больших данных на развитие цифровой экономики. Однако наличие соответствующей связи не вызывает сомнений, как и целесообразность модернизации правовых режимов больших данных с учетом появляющихся новых видов правонарушений, а также новых возможностей для их правомерного использования.

Введение национальной комплексной пилотной зоны больших данных в 2016 г. повысило уровень развития цифровой экономики на 2,8 %. Преимущества политики больших данных Китая очевидны. Последняя служит стимулом для китайского правительства к дальнейшему укреплению строительства пилотных зон. Если говорить об иных зарубежных подходах к рассматриваемой проблематике больших данных,

то, например, Инициатива США по исследованиям и разработкам больших данных, Стратегия австралийских государственных служб в области информационных и коммуникационных технологий и Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR) являются важными документами по стратегиям больших данных стран по всему миру. При этом стоит поддержать идею интеграции соответствующих документов на международном уровне для внедрения единой системы управления большими данными для разных стран и создания «процветающей экономики, основанной на данных»⁷.

Определяющим условием развития рассмотренных подходов к большим данным представляется и повышение уровня независимости и эффективности электронных форм обработки информации, электронных платформ и сервисов. Новейшие цифровые технологии и компетенции здесь опосредуют результативность пилотных зон, развитие соответствующих экономических процессов. Очевидна целесообразность мер стимулирования развития цифровых ресурсов и НИОКР в сфере базовых цифровых технологий. Результативный и последовательный трансфер последних в производственные и торговые процессы — крайне важное направление крупных проектов по использованию и защите данных. Между тем необходимо усилить формирование цифровых компетенций, в том числе посредством предоставления субсидий, предназначенных для формирования благоприятной инновационной среды.

Отмечая плановый подход к экономике в целом и экономике больших данных в частности, нужно сказать, что в специальных положениях 14-го пятилетнего плана, принятого в марте 2021 г., описывается стратегия Китая по развитию индустрии больших данных до 2025 г. Хотя план по большим данным содержит очень мало количественных целевых показателей для отрасли, он качественно описывает ближайшую

⁶ См.: *Bhattacharya U., Hsu P. H., Tian X., Xu Y.* What affects innovation more: policy or policy uncertainty? // *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. 2017. Aug. 29. Vol. 52. Iss. 5. P. 1869–1901. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85037971389&origin=inward&txGid=9b0dc939bd8abc45c7eeca825512803b> (дата обращения: 02.04.2025).

⁷ См.: *Xinyun Hu, Yanling Jiang, Pengfei Guo, Mingming Li.* Op. cit.

перспективу видения Коммунистической партией индустрии больших данных Китая, которая включает как обеспечение более широкого доступа к большим данным, так и повышение безопасности данных. Так, констатируется, что данные являются ключевым фактором производства в новую эпоху и позиционируются как национальный стратегический ресурс. Большие данные представляют собой набор данных, который в основном характеризуется большой емкостью, множественностью типов, высокой скоростью, высокой степенью точности и высокой ценностью. Они служат новой движущей силой для экономических преобразований и развития, предлагают новый способ улучшения потенциала государственного управления и открывают новейшие возможности для усиления конкурентных преимуществ страны. Как стратегическая развивающаяся отрасль экономики, экономика больших данных фокусируется на создании, сборе, хранении, обработке, анализе данных и услугах. Это незаменимая поддержка для активации потенциала факторов производства данных и ведущий двигатель для ускорения улучшений качества, эффективности и импульса в экономическом и социальном развитии.

Период 2021–2025 гг. в 14-м пятилетнем плане был отмечен как критический для перехода промышленной экономики Китая к цифровой экономике. В обозначенном контексте предъявлены новые требования к развитию индустрии больших данных, с тем чтобы позволить ей войти в новый этап интегрированных инноваций, быстрого развития, углубленных приложений и структурной оптимизации. В целях содействия высококачественному развитию индустрии больших данных Китая этот план подготовлен в соответствии с общими развертываниями Концепции 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочных целей на период до 2035 г.

Политика в сфере больших данных постепенно совершенствовалась. Центральный комитет

партии и Государственный совет провели ряд стратегических развертываний вокруг цифровой экономики, фактора данных рынка производства и макета национальных интегрированных центров больших данных и создали межведомственную совместную систему конференций для содействия развитию больших данных. Соответствующие министерства и комиссии выпустили более 20 документов политики больших данных, а различные населенные пункты — более 300 связанных политик. Одновременно 23 провинции, автономные районы и муниципалитеты, а также 14 городов с независимым статусом планирования в рамках национального плана экономического и социального развития и города субпровинциального уровня создали агентства по управлению большими данными для постепенного формирования регионально интегрированной системы разработки и продвижения больших данных.

Кроме того, система продуктов и услуг в сфере больших данных, сосредоточенная на «ресурсах данных, базовом оборудовании, программном обеспечении общего назначения, отраслевых приложениях и обеспечении безопасности», обрела форму с 338 значимыми продуктами и решениями в сфере больших данных, выбранными по всей стране, и 400 пилотными проектами в сфере больших данных. Интеграция отрасли постепенно углублялась, и приложения больших данных расширялись из областей с хорошими ресурсами данных, таких как Интернет, финансы и телекоммуникации, в интеллектуальное производство, цифровое общество и цифровое правительство⁸. Большие данные сыграли чрезвычайно важную роль в профилактике и контроле эпидемий, а также возобновлении производства.

При этом экосистема больших данных в Китае продолжает совершенствоваться. Региональная агломерация достигла значительных результатов: 8 национальных комплексных испытательных зон больших данных и 11 национальных демонстрационных баз новой индустриализации в области больших данных.

⁸ См.: «14th Five-Year» Plan for the Development of the Big data Industry // PRC Ministry of Industry and Information Technology. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/14th-five-year-plan-for-the-development-of-the-big-data-industry/> (дата обращения: 03.04.2025).

Говоря именно о законодательном подходе к большим данным в КНР, сто́ит отметить, что Закон КНР о безопасности данных 2021 г. в ст. 32 устанавливает правило, согласно которому организация или физическое лицо должны собирать данные законными и надлежащими способами и не должны приобретать данные путем присвоения или другими незаконными способами. Если законы или административные правила содержат положения о целях или масштабах сбора и использования данных, данные должны собираться и использоваться для целей и в масштабах, предусмотренных этими законами и административными правилами.

Такой векторный подход к формированию базового правила именно Закона о безопасности данных о возможной регламентации больших данных в отраслевом законодательстве и соответствующих подзаконных актах представляется справедливым и возможным к восприятию в России, поскольку может проявляться разного рода специфика охраны и использования больших данных в тех или иных общественных данных. В частности, речь может идти о различных режимах секретности (разного рода тайн) применительно к составным элементам больших данных, различных сроках хранения данных, различных формах обработки данных, различных подходах к оборотоспособности, к трансграничной передаче и т.д.

Здесь сто́ит указать на возможную коммерческую составляющую больших данных, на то, что вызывает интерес бизнеса и инвесторов. Анализ большого объема данных, безусловно, способствует формированию эффективных бизнес-решений, всеобъемлющих подходов к развитию знаний в той или иной области, что, в свою очередь, может форсировать и ускорять научно-технический прогресс и т.д. Но могут проявляться и негативные последствия манипулирования большими данными, связанные с рисками безопасности как самих данных, так и бизнес-процессов, а также сводящиеся к актам, практикам недобросовестной конкуренции. В обозначенном контексте нормативный

подход к большим данным и соответствующий правовой режим должны быть комплексными, междисциплинарными, направленными на реализацию и охрану разнородных общественных отношений, поскольку информация как объект гражданских прав всё чаще и в больших объемах присутствует в разнообразных правоотношениях.

В отдельную государственную функцию выведены создание надежных систем управления торговлей данными, стандартизация деятельности по торговле данными и поддержка развития рынка торговли данными.

Несмотря на описанные выше меры, конфиденциальность персональных данных в составе больших данных остается в Китае уязвимой, в том числе и для атак на трансграничном уровне; традиционные меры безопасности не полностью отвечают современным требованиям безопасности; необходимо улучшить механизм безопасности сетевых платформ, и в китайской науке отмечается важность принятия правительством Китая мер совершенствования нормативных актов и углубления сотрудничества в сфере глобальной цифровой экономики и разработки передовых технологий защиты данных⁹.

Наряду с этим происходит последовательная и перманентная модернизация системы управления безопасностью данных в Китае.

Соответствующие меры обусловлены и высоким уровнем правонарушений законодательства о защите данных, поскольку уже в 2021 г. миллиарды профилей личной информации были незаконно получены и проданы в даркнете, в результате чего пострадали и пожилые люди, и несовершеннолетние граждане, покупающие игровые аккаунты у мошенников. Уязвимость больших данных опосредуется и возможностью их незаконного использования в течение длительного периода времени. Полагаем, что и установление, и выявление неправомерного использования больших данных затрудняется ввиду массивного характера последних, компиляции данных мошенниками из разных источников одновременно.

⁹ См.: *Jingxuan Wang*. Research on Security of Big data in China // URL: <https://www.atlantispress.com/proceedings/stehf-22/125975550> (дата обращения: 04.04.2025).

Необходимо подчеркнуть, что трансграничный поток данных является особым атрибутом больших данных, а защита последних в трансграничных отношениях нуждается в отдельных мерах по согласованию и гармонизации государственных подходов к трансграничной передаче данных, уяснению их правовой природы. Риск утечки данных на международном уровне делает проблематику более объемной, требующей в том числе выработки автоматизированных решений, которые были бы интегрированы с национальными сервисами или имели бы некоммерческую, но в то же время наднациональную природу.

Отдельного внимания с учетом обозначенного заслуживает создание в Китае полной «трехкомпонентной системы управления» для трансграничной передачи данных, т.е. оценки безопасности исходящей передачи данных, сертификации защиты личной информации и стандартной системы подачи контрактов.

Кроме того, было создано Национальное бюро данных, которое совместно с Управлением киберпространства Китая, Министерством науки и технологий, Министерством промышленности и информационных технологий и 14 другими департаментами представило трехлетний план действий Data Factor X (2024–2026). Отмечается, что «эта инициатива предполагает стратегическое обязательство использовать преобразующую силу данных в различных секторах, включая промышленное производство, современное сельское хозяйство, коммерческий оборот товаров, транспортные услуги, финансовые услуги, научные инновации, культурный туризм, здравоохранение, управление чрезвычайными ситуациями, метеорологические службы, городское управление, а также зеленые и низкоуглеродные инициативы, а к концу 2026 г. планируется создать более 300 типичных сценариев применения системы с демонстративной значимостью и широким рекламным эффектом, а также реализовать

амбициозную цель для индустрии данных, сводящуюся к поддержке ежегодного темпа роста, превышающего 20 %»¹⁰.

Большие данные в современных условиях выступают важнейшим инструментом реализации экспортно-импортных отношений, поскольку обладают потенциалом проведения глубоких исследований товарных рынков, структуры экспорта и импорта в различных юрисдикциях, а также при осуществлении международного торгового комплаенса в целом.

Что касается международной торговли, надо понимать, что устройства Интернета вещей, используя геопространственное отслеживание, могут регистрировать в реальном времени процессы перемещения товаров и отклонения в этих перемещениях, а также обмениваться трансграничной электронной информацией в цифровом виде, предлагая более безопасный, эффективный, быстрый и экономичный способ сбора и обработки данных.

Использование больших данных, как уже сказано выше, позволяет оптимизировать и меры государственного контроля и надзора. Так, например, таможенно-акцизный департамент Гонконга начал генерировать большие наборы данных для сбора информации при принятии своевременных решений и долгосрочного планирования в рамках своих полномочий. Федеральная таможенная служба России также использует большие данные в своей деятельности, в том числе в рамках внедрения принципиально новой системы управления рисками (СУР). В частности, осуществляется переход к оценке каждой товарной партии в режиме онлайн. Модернизированная система предусматривает применение современных методов анализа больших данных, что позволяет оперативно выявлять факты несоответствия или искажения сведений, проводить обоснованные проверочные мероприятия¹¹.

Стоит отметить и рост коммерческих услуг в сфере международной торговли, базирую-

¹⁰ См.: *Jingxuan Wang*. Op. cit.

¹¹ См.: Владимир Булавин рассказал об основных результатах работы ФТС России в 2021 году и озвучил планы на следующий год // URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/319904> (дата обращения: 23.04.2025).

щихся на использовании больших данных (при исследовании товарных рынков, анализе конкурентного потенциала, особенностей местного законодательства в сфере торговли и др.).

К сожалению, даже несмотря на возможность успешной реализации, различные проекты big data терпят неудачу из-за отсутствия должного правового регулирования и правоприменения.

Использование и обработка больших данных при этом должны быть выстроены на основе четких, явных и согласованных целей и результатов. В обозначенном контексте необходимо учитывать особенности местного законодательства, специфику использования и оборота информации в конкретной юрисдикции, особенности законодательства о защите конкуренции, о рекламе и др.

Представляется важным развивать сотрудничество по выработке мер гармонизации в части систем трансграничного электронного документооборота, влияющего на уровень сотрудничества Китая и России и уровень внешнеторговых связей. Трансграничный оборот данных при электронном документообороте может сопровождаться нарушениями законодательства о персональных данных, правовых режимов использования больших данных по праву России и праву Китая, трансграничными утечками данных. Гармонизация соответствующих подходов может выражаться как в принятии отдельного межправительственного соглашения в целях обеспечения устойчивого двустороннего экономического сотрудничества, так и в выработке цифровых платформ, обеспечивающих единый формат обмена данными и их защиты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Bhattacharya U., Hsu P. H., Tian X., Xu Y.* What affects innovation more: policy or policy uncertainty? // *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. — 2017. — Aug. 29. — Vol. 52. — Iss. 5. — P. 1869–1901. — URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85037971389&origin=inward&txGid=9b0dc939bd8abc45c7eeca825512803b> (дата обращения: 02.04.2025).
2. *China's digital data sovereignty laws and regulations* // *InCountry Staff*. — URL: <https://incountry.com/blog/chinas-digital-data-sovereignty-laws-and-regulations/> (дата обращения: 25.03.2025).
3. *Data protection laws in China* // URL: <https://www.dlapiperdataprotection.com/index.html?c=CN&t=law> (дата обращения: 24.03.2025).
4. *Jingxuan Wang.* Research on Security of big data in China // URL: <https://www.atlantispress.com/proceedings/stehf-22/125975550> (дата обращения: 04.04.2025).
5. *Xinyun Hu, Yanling Jiang, Pengfei Guo, Mingming Li.* How does China's big data policy affect the digital economy of cities? Evidence from national big data comprehensive pilot zones // *Heliyon*. — 2024. — Vol. 10. — Iss. 2. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844024006698> (дата обращения: 31.03.2025).

Материал поступил в редакцию 17 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bhattacharya U., Hsu P. H., Tian X., Xu Y.* What affects innovation more: policy or policy uncertainty? // *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. — 2017. — Aug. 29. — Vol. 52. — Iss. 5. — P. 1869–1901. — URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85037971389&origin=inward&txGid=9b0dc939bd8abc45c7eeca825512803b> (data obrashcheniya: 02.04.2025).

2. China's digital data sovereignty laws and regulations // InCountry Staff. — URL: <https://incountry.com/blog/chinas-digital-data-sovereignty-laws-and-regulations/> (data obrashcheniya: 25.03.2025).
3. Data protection laws in China // URL: <https://www.dlapiperdataprotection.com/index.html?c=CN&t=law> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
4. Jingxuan Wang. Research on Security of big data in China // URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/stehf-22/125975550> (data obrashcheniya: 04.04.2025).
5. Xinyun Hu, Yanling Jiang, Pengfei Guo, Mingming Li. How does China's big data policy affect the digital economy of cities? Evidence from national big data comprehensive pilot zones // Heliyon. — 2024. — Vol. 10. — Iss. 2. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844024006698> (data obrashcheniya: 31.03.2025).

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.157-168

Л. А. Макарова*

Основные и дополнительные последствия неосновательного обогащения (на примере сферы теплоснабжения)

Аннотация. Результат защиты прав и законных интересов участников сферы теплоснабжения целиком зависит от наступивших в связи с применением конкретного способа защиты прав последствий. В статье анализируются основные и дополнительные последствия неосновательного обогащения применительно к одной из ключевых сфер энергетики — теплоснабжению. Демонстрируются проблемы применения кондикционных норм, подчеркивается дискуссионность вопроса о моменте начисления процентов за пользование чужими денежными средствами. Автор критикует подходы к распределению бремени доказывания и предлагает учитывать объективный критерий возможности использования присужденного в хозяйственной деятельности (с учетом специфики сферы теплоснабжения). В качестве дополнительного последствия кондикции рассматривается механизм индексации, интерес к которому объективно возрастает ввиду необходимости защиты денежных средств взыскателя от инфляционных процессов в условиях неопределенности применения процессуальных норм. Доказывается невозможность индексации денежных средств без учета экономического содержания и правовой природы требований, по результатам удовлетворения которых они были присуждены.

Ключевые слова: сфера теплоснабжения; неосновательное обогащение; кондикция; индексация; способ защиты; возмещение стоимости; убытки; компенсация; тепловая энергия; проценты.

Для цитирования: Макарова Л. А. Основные и дополнительные последствия неосновательного обогащения (на примере сферы теплоснабжения) // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 157–168. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.157-168.

© Макарова Л. А., 2025

* Макарова Лидия Анатольевна, ассистент кафедры энергетического права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
lamarova@msal.ru

Main and Additional Consequences of Unjust Enrichment (as in the Case of Heat Supply Sector)

Lidia A. Makarova, Assistant Professor, Department of Energy Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
lamakarova@msal.ru

Abstract. The outcome of protecting the rights and legitimate interests of participants in the heat supply sector depends entirely on the consequences that arise in connection with the application of a specific method of protecting rights. The paper examines the main and additional consequences of unjust enrichment in relation to one of the key areas of energy — heat supply. The problems of applying unjust enrichment rules are demonstrated, and the contentious nature of the issue regarding the moment of calculating interest for the use of other people's funds is emphasized. The author criticizes approaches to the allocation of the burden of proof and suggests considering an objective criterion for the possibility of using the awarded amount in economic activity (with due regard to the specifics of the heat supply sector). The indexation mechanism is considered an additional consequence of unjust enrichment (*condictio* claims), interest in which is objectively increasing due to the need to protect the claimant's funds from inflationary processes amid uncertainty in the application of procedural rules. It is argued that the indexation of funds is impossible without considering the economic substance and legal nature of the claims that led to their award.

Keywords: heat supply sphere; unjust enrichment; *condictio*; indexation; remedy; reimbursement of cost; damages; compensation; thermal energy; interest.

Cite as: Makarova LA. Main and Additional Consequences of Unjust Enrichment (as in the Case of Heat Supply Sector). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):157-168. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.157-168.

Результат защиты прав и законных интересов участников сферы теплоснабжения целиком зависит от последствий применения конкретного способа защиты прав. При удовлетворении кондикционных требований должны быть решены вопросы, касающиеся взаиморасчетов, исполнения обязанности по возврату имущества в натуре или восстановлению имущественных прав, определена величина произведенных затрат и компенсации убытков в связи с неосновательным обогащением. Только в этом случае будет достигнута главная цель указанного института защиты — справедливое восстановление нарушенных прав участников рассматриваемой сферы общественных отношений.

С учетом норм гл. 60 ГК РФ и в зависимости от обстоятельств состоявшегося обогащения, момента возврата и осведомленности (вины) приобретатель возвращает предмет обогащения (либо соответствующую ему стоимость), а также компенсирует иные имущественные лишения потерпевшему. Это позволяет рассматривать институт неосновательного обогащения в

качестве комплексного компенсационного средства гражданско-правовой защиты, включающего различные имущественные последствия, перечисленные в гл. 60 ГК РФ, — *основные* (бесспорные) и *дополнительные* (по результатам рассмотрения спора). Первые включают восстановительные механизмы: возврат имущества в натуре (п. 1 ст. 1104); возмещение действительной стоимости имущества или пользования им или услугами (ст. 1105); восстановление прежнего положения (ст. 1106). Вторые направлены на компенсацию: выплата денежных средств за недостачу или ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества (п. 2 ст. 1104); убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества (п. 1 ст. 1105); возмещение доходов от имущества (п. 1 ст. 1107); проценты за пользование чужими денежными средствами (п. 2 ст. 1107); возмещение затрат на имущество, подлежащее возврату (ст. 1108). Такие последствия призваны компенсировать факультативные расходы (затраты), связанные с событием обогащения. Их размер зависит не только от стоимости составляющего

предмет обогащения имущества, но и от срока, в течение которого не исполняется основное требование¹.

1. Возврат имущества в натуре. Основным последствием неосновательного обогащения является необходимость возврата имущества в натуре (ст. 1102, п. 1 ст. 1104 ГК РФ), вытекающая из принципа реального исполнения обязательств (ст. 309, 398, 1082 ГК РФ). Это позволяет говорить об институте неосновательного обогащения как о *восстановительном* способе защиты по возврату утраченного имущества без признака вины. В судебной практике делается весьма очевидный вывод, что возврат имущества в натуре возможен, если неосновательное обогащение имеет материальную форму и сохранилось у приобретателя². На наш взгляд, такого уточнения для современного гражданского оборота оказывается недостаточно. Возможность по возврату должна исходить в первую очередь из специфики объектов конкретной сферы общественных отношений, без чего может возникнуть неопределенность в защите прав. Следуя указанной логике, возврат неосновательного обогащения в натуре в сфере теплоснабжения должен учитывать наличие *потребительской ценности* объекта, позволяющей обеспечить баланс интересов и обосновать необходимость стоимостного возмещения в случае ее отсутствия.

Здесь стоит уточнить несколько аспектов. Потребительская ценность определяется на момент предъявления соответствующего требования и должна быть признана и потерпевшим, и приобретателем. В силу этого нельзя не обратить внимания на отмеченное в научной литературе противоречие п. 2 ст. 1104 ГК РФ действующей концепции права собственности, наделяющей собственника возможностью в

определенных границах осуществлять правомочия по своему усмотрению, когда в случае умысла или грубой неосторожности приобретатель отвечает за недостатки или ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества³. Это относится к актуальным для сферы теплоснабжения ситуациям, когда приобретатель пользуется имуществом в процессе осуществления хозяйственной деятельности, как если бы оно было передано ему на законных основаниях. С другой стороны, учитывая особое назначение имущества в сфере теплоснабжения, достаточно сложно представить себе ситуацию, когда приобретатель умышленно или неосторожно распоряжается имуществом как своим собственным. Здесь, на наш взгляд, присутствует проблема защиты прав потерпевшего в случае утраты интереса исходя из потребительской ценности объекта обогащения. Поспешным видится вывод о том, что отказ потерпевшего от истребования имущества по правилам ст. 1104 ГК РФ должен расцениваться как отказ от защиты посредством норм о неосновательном обогащении⁴. Возможность взыскания стоимости имущества, сохранившегося в натуре, должна исходить, с одной стороны, из субъективной оценки потерпевшим объекта обогащения (когда он заинтересован в его получении обратно), а с другой стороны, из объективной возможности исполнения кондикционного обязательства. Эта очевидная на первый взгляд оговорка должна учитывать специфику сферы теплоснабжения.

Например, при рассмотрении дела о взыскании в качестве неосновательного обогащения *стоимости* оборудования (по причине его износа) суд, указывая на неверный способ защиты права, отказал в иске, мотивируя решение отсутствием доказательств, свидетельствующих

¹ Перкунов Е. Неосновательное обогащение — место в Гражданском кодексе и практика Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 2. С. 172.

² Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 03.06.2004 по делу № КГ-А40/4214-04 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

³ Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. М. : Юрид. лит., 1991. С. 137.

⁴ Ушивцева Д. А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. Тюмень : Слово, 2006. С. 186.

о необходимости проведения работ по модернизации оборудования, предписаний контролирующих органов о необходимости замены устаревшего оборудования, не соответствующего требованиям безопасной эксплуатации, а также подтверждения, что оборудование нельзя демонтировать⁵. С указанным обоснованием нельзя согласиться, поскольку на потерпевшего была возложена обязанность доказывания не только наличия всех обстоятельств, связанных с эксплуатацией спорного оборудования, но и дополнительных условий его возможного использования. В рассматриваемой ситуации при наличии объекта обогащения или равноценного имущества, а также возможности исполнения ответчиком возложенных на него обязательств должны быть подвергнуты оценке два самостоятельных критерия: потребительская ценность объекта обогащения и возможность его использования в хозяйственной деятельности потерпевшего.

В пункте 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ об ответственности за нарушение обязательств отмечается, что при рассмотрении возможности исполнения обязательства в натуре нужно, с учетом конкретных обстоятельств дела, определить, является ли такое исполнение объективно возможным исходя из существа соответствующего обязательства⁶. Указанное замечание представляется весьма ценным. Возможность замены натурального исполнения денежной компенсацией в сфере теплоснабжения следует толковать расширительно, с учетом потребительской ценности и возможности дальнейшего использования объекта обогащения в хозяйственной деятельности потерпевшего. Иными словами, защита при помощи института кондикции должна исходить не только из субъективных предпосылок, но и из объективной возможности исполнения требований ответчиком, с учетом правовой

природы правоотношений в конкретной сфере общественных отношений.

Например, по договору на выполнение работ по переработке давальческого сырья ответчик не поставил предусмотренное количество топочного мазута, за счет которого истец осуществлял выработку и подачу тепловой энергии для отопления обслуживаемого ответчиком жилищного фонда. Истец был вынужден отапливать жилищный фонд за счет собственного мазута и обратился в суд с иском об обязанности ответчика передать мазут. По сути, спор касался возмещения разницы между количеством переданного и израсходованного топлива (мазута), использованного, помимо отопления, на разогрев источника — котельной, покрывающего потери в сетях теплоснабжения. Ответчик посчитал, что поставленного им количества мазута достаточно для отопления и он не должен нести затраты, связанные с переработкой мазута на технологические нужды. Суд применил нормы гл. 60 ГК РФ о возврате имущества в натуре и обязал ответчика возратить мазут. Поскольку ответчик в силу специфики своей деятельности не имел права закупать мазут (котельные, находящиеся у него в эксплуатации, работали на каменном угле и дровах), он обратился с заявлением об изменении способа исполнения судебного акта. Способ исполнения был изменен, взыскана стоимость мазута с учетом количества и объема отапливаемых помещений, режима котельной, а также расходы на его доставку⁷. Рассмотренный пример демонстрирует, что невозможность возврата неосновательного обогащения в натуре в сфере теплоснабжения вытекает из специфики правового режима самих объектов и осуществляемой по поводу них деятельности.

В целом судебной практикой учитывается достаточное количество оснований, исходя из которых оценивается невозможность применения норм ст. 1104 ГК РФ: случаи гибели, отсут-

⁵ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.08.2011 № ВАС-3549/11 по делу № А45-5834/2010.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5. С. 3–15.

⁷ Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 30.12.2011 по делу № А43-10418/2011; определение Арбитражного суда Нижегородской области от 29.08.2013 по делу № А43-10418/2011.

ствия у должника индивидуально-определенной вещи или имущества, принятия органом государственной власти или органом местного самоуправления акта, которому будет противоречить такой способ исполнения обязательств, практическая утрата хозяйственного назначения вследствие полного износа или невозможности использования по первоначальному назначению (иными словами, отсутствие потребительской ценности).

Поскольку, как уже говорилось ранее, положения ст. 1104, 1105 ГК РФ не содержат указаний, кто должен доказывать обстоятельства, связанные с невозможностью возврата неосновательного обогащения в натуре, в судебной практике преобладает подход, согласно которому в соответствии со ст. 65 АПК РФ обязанность доказывания обстоятельств, связанных с наличием либо отсутствием у приобретателя неосновательного обогащения в натуре, на момент исполнения кондикционного обязательства лежит на приобретателе⁸. Вместе с тем встречаются судебные акты, в которых потерпевшему отказывают в удовлетворении его требований о выплате стоимости неосновательного обогащения, так как он не доказал невозможность возвратить ему утраченное в натуре⁹. Такая позиция дает возможность приобретателю, не представившему информации о наличии либо отсутствии у него имущества, избежать исполнения кондикционного обязательства в натуре. Это, в свою очередь, ведет к существенному нарушению прав потерпевшего, если возмещение стоимости неосновательного обогащения с сохранением за собой определенного имущества для ответчика более выгодно (например, постепенно возрастающая потребительская ценность объекта обогащения).

Указанную проблему можно решить с помощью справедливого распределения бремени доказывания, с возложением на потерпевшего доказывания возможности/невозможности

использования объекта обогащения в своей хозяйственной деятельности, на приобретателя — отсутствия потребительской ценности для лица, заявляющего требование о взыскании неосновательного обогащения в натуре.

2. Возмещение стоимости. Согласно п. 1 ст. 1105 ГК РФ в случае невозможности возвратить в натуре неосновательно полученное или сбереженное имущество приобретатель должен возместить потерпевшему действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения. В юридической литературе высказывается мнение, что правило о стоимостном возмещении при невозможности возврата имущества в натуре на момент приобретения соответствует существованию *реального ущерба* в части расходов, которые потерпевший должен будет понести для восстановления нарушенного права, то есть для приобретения аналогичного утраченному имущества¹⁰.

На наш взгляд, аналогия не может считаться верной. Убытки представляют собой самостоятельный способ защиты нарушенных гражданских прав, если они возникли не в связи с неосновательным обогащением. Кроме того, далеко не всегда потерпевшая сторона заинтересована в приобретении аналогичного имущества, которое на момент возникновения права на возмещение может не соответствовать ее экономическим целям и интересам (в частности, это может быть связано с прекращением осуществления определенного рода деятельности). И самое главное, размер реального ущерба не соответствует правилу о стоимостном возмещении, установленному статьей 1105 ГК РФ. Это хорошо прослеживается на примере *стоимости тепловой энергии*, которая в приоритетном порядке рассчитывается на основании тарифа.

Согласно п. 1 ст. 424 ГК РФ тариф — это регулируемая государством цена, складывающаяся из затрат, включающих себестоимость

⁸ См.: постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26.08.2002 по делу № А28-1505/02-25/7 ; постановление ФАС Уральского округа от 07.06.2000 по делу № А76-11727/99-6-13 ; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 21.02.2008 по делу № А67-8924/06.

⁹ См.: постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.12.2002 по делу № А05-6310/02-324/23.

¹⁰ Суханов Е. А. Указ. соч. С. 89.

производства тепловой энергии, теплоносителя (основные затраты на топливо, электроэнергию, воду, зарплату персонала и амортизацию оборудования), расходы на транспортировку и распределение (затраты на обслуживание и ремонт тепловых сетей, потери тепла при транспортировке и прочие операционные расходы), налоговые обязательства, прибыль поставщиков и производителей тепловой энергии. С учетом требований индивидуализации, тарифная цена устанавливается исходя из условий экономической обоснованности затрат регулируемой организации и доступности ресурсов для потребителей, в целях соблюдения баланса публично-частных интересов. Применение тарифа не должно приводить к возникновению убытков на стороне субъекта регулирования, а фактический дисбаланс доходов и расходов последнего выравнивается мерами последующего тарифного регулирования. Таким образом, тарифная цена как заранее определенные затраты теплоснабжающей организации подлежит возмещению независимо от наличия вины в ненадлежащем исполнении (неисполнении) обязательств участниками правоотношений.

Возмещение стоимости тепловой энергии не может являться реальным ущербом, под которым понимаются расходы на восстановление имущества. Оно представляет собой требование, вытекающее из неосновательного пользования чужими услугами (п. 2 ст. 1105 ГК РФ). Рассматриваемый способ защиты соответствует природе указанных правоотношений, позволяя компенсировать расходы теплоснабжающей организации на производство и доставку тепловой энергии. То есть объектом неосновательного обогащения выступают денежные средства, составляющие стоимость поставленной тепловой энергии, а не сам ресурс. Однако до настоящего времени практикой не выработано единой позиции по поводу того, чем, по сути, является взыскание стоимости тепловой энергии, в соответствии с которым будет решен вопрос применения к указанным спорам положений п. 1 или п. 2 ст. 1105 ГК РФ, влекущего за собой различия

в возмещении. С одной стороны, материальная природа тепловой энергии позволяет относить ее к имущественному объекту гражданского права (тем более и на уровне доктрины этот вопрос не решен, а в законодательстве отсутствует специально установленный правовой режим). Включение договора энергоснабжения в раздел о купле-продаже не позволяет уверенно говорить о природе услуг (а значит, о возможности возмещения сбереженного вследствие пользования тепловой энергией в соответствии с п. 2 ст. 1105 ГК РФ). В случае применения п. 1 ст. 1105 ГК РФ возмещению подлежит действительная стоимость тепловой энергии на момент приобретения, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости. С другой стороны, в п. 2 ст. 542 ГК РФ прямо говорится о взыскании стоимости того, что абонент сберег вследствие использования некачественной энергии на основании п. 2 ст. 1105 ГК РФ (по цене, существовавшей в то время, когда закончилось пользование, и в том месте, где оно происходило).

Ситуация неосновательного обогащения в результате пользования услугами (п. 2 ст. 1105 ГК РФ) представляется наиболее близкой по направленности правового регулирования и взысканию стоимости потребленной тепловой энергии по цене, когда закончилось пользование, и в том месте, где оно происходило. Стоимость тепловой энергии складывается из фактического количества тепловой энергии и теплоносителя, потребленных ответчиком в спорный период, и тарифа, утвержденного уполномоченным органом¹¹. В пользу выбора данной нормы свидетельствует и то обстоятельство, что пассивная позиция теплоснабжающей организации, оказывающей услугу, в споре по взысканию стоимости тепловой энергии приводит к отказу в удовлетворении заявленных требований.

Вместе с тем подходы к взысканию стоимости тепловой энергии различаются в зависимости от обстоятельств режима потребления. В качестве наиболее яркого примера остановимся на бездоговорном потреблении. Зако-

¹¹ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.04.2012 № ВАС-3000/12 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации».

ном о теплоснабжении¹² установлено правило о том, что стоимость тепловой энергии, теплоносителя, полученных в результате бездоговорного потребления, определяется в соответствии с действующими на дату взыскания тарифами на тепловую энергию, теплоноситель для соответствующих категорий потребителей, с учетом стоимости услуг по передаче тепловой энергии (п. 9, 10 ст. 22). Отсутствие добровольной оплаты влечет за собой установленный этим Законом судебный порядок взыскания, который не только не соответствует правилу определения стоимости на основании п. 2 ст. 1105 ГК РФ, но и закладывает принцип сверхвозмещения (убытки в разы превышают реальный ущерб, элементы которого проявляются через комбинацию компенсационных и штрафных механизмов). Другое несоответствие — взыскание стоимости бездоговорно потребленной тепловой энергии по правилам о возмещении убытков, а не о неосновательном обогащении.

Анализ соответствующей судебной практики показывает, что суды склонны применять ст. 1105 ГК РФ к требованиям о взыскании стоимости бездоговорно потребленной тепловой энергии, а не общие положения о взыскании убытков. Возможно, это следует из логики, что неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода), не соответствуют полукратному размеру возмещения, установленному пунктом 10 ст. 22 Закона о теплоснабжении.

Однако определение подлежащей взысканию теплоснабжающей организацией с потребителя в качестве неосновательного обогащения общей стоимости бездоговорного потребления тепловой энергии без разделения на плату за фактически полученный ресурс и имущественную санкцию за нарушение установленных правил пользования энергией не может считаться справедливым. В силу п. 1 ст. 541 и п. 1 ст. 544 ГК РФ абонент не может быть лишен права относимыми и допустимыми доказательствами подтвердить фактическое потребление энергии в спорном периоде в меньшем объеме. В этом

случае разница между стоимостью расчетного объема неучтенного потребления и стоимостью доказанного абонентом объема фактического потребления составит величину ответственности абонента за нарушение правил пользования энергией, которая может быть снижена судом на основании ст. 333, 404 ГК РФ. Таким образом, взыскание бездоговорного потребления, исходя из принципа справедливости гражданского оборота, должно быть обосновано объемом фактического потребления, с применением штрафных санкций пропорционально нарушению.

3. Возмещение убытков в связи с неосновательным обогащением. Когда речь идет о взыскании убытков в связи с неосновательным обогащением, вопрос о *расходах*, которые потерпевший должен будет произвести для восстановления нарушенного права (ст. 15 ГК РФ), как правило, не ставится. Очевидно, это объясняется тем, что их определение заложено в реальный ущерб, составляющий убытки (п. 2 ст. 15 ГК РФ), с той лишь разницей, что материальное благо было перемещено (то есть выбыло из имущественной сферы потерпевшего). На наш взгляд, законодатель выделил единственный случай прямых расходов, которые могут быть вызваны неосновательным обогащением по причине натурального характера исполнения (п. 2 ст. 1104 ГК РФ). И правило о том, что приобретатель отвечает перед потерпевшим за всякие, в том числе и за всякие случайные, недостачу или ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, произошедшие после того, как он узнал или должен был узнать о неосновательном обогащении, а до этого момента — только за умысел или грубую неосторожность, исходит из логики несения расходов в отношении объектов, требующих определенных физических затрат.

С учетом специфики отношений в сфере теплоснабжения, убытки могут состоять в функциональном изменении имущества (переработка, переоборудование, реконструкция и иные подобные действия), когда оно утрачивает свои первоначальные свойства и признаки и приобретает новые. Поэтому возврат такого имуще-

¹² Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении».

ства может лежать за пределами хозяйственных, экономических интересов потерпевшего как по причине необходимости возмещения значительного объема вложений приобретателя (по правилам ст. 1108 ГК РФ), так и в связи с отсутствием специальных знаний (навыков), лицензий на право осуществления соответствующей деятельности, необходимой для использования имущества по назначению.

Учитывая широкие возможности возврата имущества (или стоимости), имущественных прав, компенсационная составляющая института неосновательного обогащения включает различные правовые последствия, устанавливающие принципы возмещения неполученных доходов, необходимых затрат и взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами.

Неполученные доходы (ст. 1107 ГК РФ), в отличие от стоимостного возмещения (ст. 1105 ГК РФ), направлены на прибавление в имущественной сфере потерпевшего — своего рода сверхкомпенсацию. Право потерпевшего истребовать не только доходы, которые приобретатель фактически извлек, но и доходы, которые он должен был извлечь из имущества, в юридической литературе находит критику как не соответствующее природе рассматриваемого средства защиты. В качестве аргумента приводится довод, что имущество, составляющее неосновательное обогащение, может не использоваться приобретателем или даже выбыть из его владения¹³. В этой связи абстрактный подсчет того, что приобретатель мог бы извлечь в качестве доходов, поставит потерпевшего в явно привилегированное положение по сравнению с приобретателем. В результате делается вывод, что доходы, полученные от использования приобретенного имущества, должны соответствовать размеру фактически полученного. Изложенный подход отражает позицию Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (п. 8 Обзора практики по неосновательному обогащению¹⁴),

в котором указывается, что возможность извлечения и размер доходов от использования ответчиком неосновательно приобретенного имущества должны быть доказаны истцом.

Полагаем, что правило о неполученных доходах в сфере теплоснабжения нуждается в уточнении на уровне разъяснений высшей судебной инстанции. Необходимо, чтобы суды устанавливали возможность извлечения должником дохода или иного блага из удерживаемых сумм. Так, лишение статуса теплосетевой организации прекращает возможность извлечения ею дохода от осуществления деятельности по передаче тепловой энергии, теплоносителя. Как может показаться, это подтверждает мысль о том, что объем доходов, взыскиваемых в соответствии со ст. 1107 ГК РФ, полностью зависит от объективных характеристик приобретателя, свидетельствующих о его возможностях по получению дохода; действие или бездействие приобретателя на объем взыскиваемых доходов не влияет¹⁵.

В первом приближении видится, что объективные факторы, такие как расчетный объем потребления тепловой энергии, действующие тарифы и технические возможности системы теплоснабжения, действительно формируют базовую сумму взыскания (например, при бездоговорном потреблении расчет ведется исходя из нормативов или проектной мощности объекта, согласно п. 1 ст. 541 ГК РФ). В то же время, если потребитель активно скрывал потребление (например, не допускал проверку счетчиков, осуществлял технические манипуляции приборами учета), суд может увеличить объем взыскания, расценив эти действия в качестве злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Если же потребитель докажет, что фактически потребил меньше энергии (данные независимых замеров), сумма взыскания будет снижена до разницы между доказанным объемом и расчетным (ст. 544 ГК РФ). Бездействие (например, игнорирование требований установить счетчик) также должно учитываться. В этом случае суд может признать

¹³ Перкунов Е. Указ. соч. С. 172.

¹⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3. С. 20.

¹⁵ Ушивцева Д. А. Указ. соч. С. 193.

вину потребителя на основании ст. 404 ГК РФ. И даже если сумма рассчитана верно, суд вправе уменьшить ее на основании ст. 333 ГК РФ (если штрафные санкции явно превышают реальный ущерб) и вины сторон (ст. 404 ГК РФ), когда теплоснабжающая организация не приняла мер для предотвращения нарушений (например, не провела своевременную проверку).

Таким образом, объем взыскания по ст. 1107 ГК РФ должен определяться не только объективными параметрами, но и поведением сторон. Добросовестность или попытки скрыть потребление тепловой энергии влияют на итоговую сумму взыскания, поскольку законодательство и судебные органы нацелены на баланс между интересами поставщика и справедливостью по отношению к потребителю.

Что касается начисления *процентов за пользование чужими денежными средствами* на сумму неосновательного денежного обогащения (п. 2 ст. 1107, ст. 395 ГК РФ), в доктрине также нет единства мнений по поводу их расчетов. Это прослеживается начиная с практики Высшего Арбитражного Суда РФ, в 1997 г. указавшего, что отсутствие у приобретателя возможности пользоваться неосновательно полученными денежными средствами приводит к невозможности применить нормы ст. 395 ГК РФ (это характерно, например, для случаев банкротства) и, так как в п. 2 ст. 1107 ГК РФ такое уточнение отсутствует, последние подлежат приоритетному применению при защите нарушенного права¹⁶. Позднее, в 2014 г., Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ отметил, что предусмотренный статьей 395 ГК РФ порядок исчисления процентов и полученных доходов имеет приоритет перед ст. 1107 ГК РФ (п. 5)¹⁷. В результате ряд авторов отстаивали мнение, что проценты должны начисляться с даты необ-

основанного получения ответчиком денежной суммы (ст. 395 ГК РФ)¹⁸. Мы присоединяемся к позиции, согласно которой начисление процентов в требованиях о неосновательном обогащении должно подчиняться положениям п. 2 ст. 1107 ГК РФ, то есть проценты подлежат начислению с того времени, когда ответчик узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения соответствующих денежных средств¹⁹. Исходя из специфики сферы теплоснабжения, в которой потребитель не может не знать, что расходы, понесенные на обеспечение его теплом, составляют денежные средства и подлежат оплате, суды прямо указывают на ошибочность неначисления процентов за пользование чужими денежными средствами на сумму неосновательного обогащения за весь период получения тепловой энергии.

Принцип полного возмещения имущественных потерь (убытков) определяет, как мы считаем, слабость положений ст. 1108 ГК РФ, закрепляющих право ответчика требовать от потерпевшего возмещения необходимых *затрат* (например, затраты на охрану, ремонт, вызванный необходимостью, обусловленной требованиями, предъявляемыми контролирующими органами, и состоянием самого имущества) на содержание и сохранение имущества с того времени, с которого он обязан возратить доходы (п. 1 ст. 1107 ГК РФ). Поскольку произведенные затраты могут существенно увеличить доходность имущества, они должны возмещаться с зачетом реально полученных ответчиком выгод. Принимая во внимание специфику теплоснабжения, очевидно, что затраты в этой сфере должны обладать *хозяйственным смыслом*: иметь прямое отношение к хозяйственной деятельности компании, направленной на получение дохода; отвечать целям, задачам организа-

¹⁶ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.05.1997 № 3529/96 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. № 8. С. 19–27.

¹⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 8. С. 7–18.

¹⁸ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М.: Статут, 1998. С. 597; Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб., доп. М.: Статут, 2020. С. 934.

¹⁹ Ем В. С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство. 1999. № 7. С. 17.

ции; соответствовать обоснованным расходам; иметь потенциальный экономический эффект (увеличение прибыли, снижение издержек, поддержание текущего уровня операционной деятельности); быть направленными на выполнение обязательных требований законодательства (проведение технического учета и приборного оснащения, страхование имущественных рисков, связанных с эксплуатацией объектов теплоснабжения, наличие резервных мощностей для бесперебойного снабжения потребителей; закрепление права на земельные участки, на которых расположены тепловые сети, источники тепловой энергии и другие объекты теплоснабжения); быть документально обоснованными, в том числе учетными бухгалтерскими документами, подтверждающими необходимость произведенных затрат и их связь с возможностью осуществления хозяйственной деятельности.

Несмотря на то что глава 60 ГК РФ устанавливает исчерпывающий перечень кондикционных последствий, в случае выбора соответствующего способа защиты прав необходимо учитывать «процессуальное» дополнительное последствие удовлетворения заявленных требований. Речь идет о закрепленном в ст. 208 ГПК РФ, 183 АПК РФ, 189.1 КАС РФ механизме *индексации* присужденных денежных сумм в результате несвоевременного исполнения должником судебного акта.

В настоящее время возникает всё больший интерес к данному правовому инструменту, вызванный прежде всего необходимостью защиты денежных средств взыскателя от инфляционных процессов в условиях неопределенности применения процессуальных норм. Только за 2024 г. к нему дважды обращались высшие судебные инстанции: сначала Конституционный Суд РФ²⁰, затем — Президиум Верховного Суда РФ, занимая однозначную позицию, рас-

сматривая нормы ч. 1 ст. 208 ГПК РФ, ч. 1 ст. 183 АПК РФ и ч. 1 ст. 189.1 КАС РФ в качестве процессуальных гарантий защиты имущественных интересов взыскателя и должника от инфляционных процессов в период с момента вынесения решения суда до его реального исполнения, направленных на поддержание покупательной способности присужденной суммы²¹.

Конституционным Судом РФ неоднократно высказывалось мнение об отнесении *индексации* к *процессуальным* правовым институтам. Сторонники такого подхода приводят доводы о том, что инфляционные процессы одинаково воздействуют на покупательную способность денег вне зависимости от субъекта и от сферы их использования, то есть упрощенный порядок финансового возмещения потерь является институтом процессуального права и не подменяет собой материально-правовые механизмы защиты²². В Обзоре судебной практики по вопросам, связанным с индексацией присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда, Президиум Верховного Суда РФ развивает данную мысль, указывая, что по своей правовой природе индексация присужденных денежных сумм есть упрощенный порядок возмещения взыскателю финансовых потерь, вызванных несвоевременным исполнением должником решения суда, когда взысканные суммы обесцениваются в результате экономических явлений. При этом подчеркивается, что имеет значение не правовая природа присужденных судом сумм (основной долг, убытки, неустойка, финансовая санкция, штраф, проценты), а их экономическая составляющая — сумма, подлежащая индексации (п. 2 Обзора).

Между тем присуждаемые по кондикционному требованию денежные средства представляют собой имущественную компенсацию, ввиду чего нет оснований говорить о дальнейшем

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2024 № 31-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 27. Ст. 3914.

²¹ П. 9 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с индексацией присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2024 г.

²² Дьяконова М. О. Значение постановлений Конституционного Суда РФ для развития института индексации присужденных денежных сумм // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. С. 86.

восстановлении их покупательной способности. В свою очередь, индексация является компенсационным правовым механизмом, связанным с несвоевременным получением присужденных денежных средств, в результате чего потерпевший вынужден был нести имущественные лишения (невозможность распоряжения присужденными денежными суммами с целью включения их в денежный оборот и получения дохода). Поэтому более справедливым видится противоположное суждение — о том, что индексация денежных средств без учета экономического содержания и правовой природы требований, по результатам удовлетворения которых они были присуждены, невозможна²³. Например, в денежных обязательствах деньги выступают самостоятельным благом, стоимость которого изменяется в результате инфляции, как следствие, возникает субъективный интерес в компенсации инфляционных потерь.

В то же время если деньги присуждаются не во исполнение денежного обязательства (пред-

мет спора), а по спору, в котором они выступают предметом другого обязательства (например, стоимость неосновательного обогащения), то говорить об инфляционном обесценивании как таковом оснований нет. Выход из такой ситуации — взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами (п. 2 ст. 1107 ГК РФ), что является самостоятельным гражданско-правовым требованием.

Указанную проблему необходимо решать включением индексации в ст. 12 ГК РФ в качестве самостоятельного способа гражданско-правовой защиты. Это позволит избежать случаев неосновательного обогащения в результате применения процессуальных норм без учета результатов материально-правовой защиты в споре. Оставление положений об индексации в процессуальном законодательстве будет нарушать принципы добросовестного поведения участников, фактически заинтересованных в увеличении размера присужденных по результатам основного спора денежных сумм.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. — М. : Статут, 1998. — 681 с.
2. Дьяконова М. О. Значение постановлений Конституционного Суда РФ для развития института индексации присужденных денежных сумм // Вестник гражданского процесса. — 2021. — № 6. — С. 77–94.
3. Ем В. С. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в современном российском гражданском праве // Законодательство. — 1999. — № 7. — С. 7–23.
4. Перкунов Е. Неосновательное обогащение — место в Гражданском кодексе и практика Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2004. — № 2. — С. 99–123.
5. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. — 5-е изд., перераб., доп. — М. : Статут, 2020. — 1017 с.
6. Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. — М. : Юрид. лит., 1991. — 240 с.
7. Ушивцева Д. А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. — Тюмень : Слово, 2006. — 296 с.
8. Шварц М. З. К вопросу об индексации денежных сумм, присужденных решением суда // Арбитражные споры. — 2023. — № 3 (103). — С. 13–27.

Материал поступил в редакцию 24 марта 2025 г.

²³ Шварц М. З. К вопросу об индексации денежных сумм, присужденных решением суда // Арбитражные споры. 2023. № 3 (103). С. 23.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. — M.: Statut, 1998. — 681 s.
2. Dyakonova M. O. Znachenie postanovleniy Konstitutsionnogo Suda RF dlya razvitiya instituta indeksatsii prisuzhdennykh denezhnykh summ // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2021. — № 6. — S. 77–94.
3. Em V. S. Obyazatelstva vsledstvie neosnovatel'nogo obogashcheniya v sovremennom rossiyskom grazhdanskom prave // Zakonodatelstvo. — 1999. — № 7. — S. 7–23.
4. Perkunov E. Neosnovatel'noe obogashchenie — mesto v Grazhdanskom kodekse i praktika Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. — 2004. — № 2. — S. 99–123.
5. Sklovskiy K. I. Sobstvennost v grazhdanskom prave. — 5-e izd., pererab., dop. — M.: Statut, 2020. — 1017 s.
6. Sukhanov E. A. Lektsii o prave sobstvennosti. — M.: Yurid. lit., 1991. — 240 s.
7. Ushvtseva D. A. Obyazatelstva vsledstvie neosnovatel'nogo obogashcheniya: voprosy teorii i praktiki. — Tyumen: Slovo, 2006. — 296 s.
8. Shvarts M. Z. K voprosu ob indeksatsii denezhnykh summ, prisuzhdennykh resheniem suda // Arbitrazhnye spory. — 2023. — № 3 (103). — S. 13–27.

Трансформация высшего юридического образования в условиях цифровой экономики и внедрения искусственного интеллекта

Аннотация. В статье исследуется влияние цифровых компетенций на формирование профессиональных навыков студентов юридических направлений высших учебных заведений. Установлена взаимосвязь между владением технологиями искусственного интеллекта студентами-юристами, качеством их профессиональной подготовки и конкурентоспособностью на рынке труда в условиях цифровой экономики. Потребность государства в социально-экономическом и технологическом развитии порождает необходимость перехода от традиционной гуманитарной модели высшего юридического образования к гибридной, сочетающей отечественные образовательные традиции, фундаментальные правовые дисциплины с развитием навыков работы с системами искусственного интеллекта, пониманием особенностей машинного обучения и созданием баз данных для формирования запросов к нейросетям. Автором подчеркивается значение интеграции цифровых компетенций в образовательную программу студентов-юристов для развития таких профессиональных компетенций, как юридический анализ, юридическое письмо и решение правовых задач. Анализ федеральных государственных образовательных стандартов выявил несоответствие содержания учебных программ современному уровню цифровизации и автоматизации юридической деятельности. Для повышения конкурентоспособности выпускников юридических направлений вузов предлагается внедрение цифровых модулей с первого курса обучения, развитие цифровых кафедр и актуализация образовательных стандартов с учетом потребностей общества и государства. При реформировании высшего юридического образования необходимо учитывать когнитивные особенности студентов, такие как визуальное мышление и высокая цифровая грамотность, что способствует развитию их заинтересованности в будущей профессиональной деятельности. Предлагается оценивать влияние цифровых навыков на формирование профессиональных компетенций студентов-юристов через таксономию Блума, принимая во внимание их когнитивные особенности. Сделан вывод о необходимости пересмотра образовательных программ с привлечением международного опыта для повышения качества подготовки юристов и их востребованности в условиях цифровой экономики и широкого внедрения искусственного интеллекта в юридическую деятельность.

Ключевые слова: искусственный интеллект; высшее образование; юриспруденция; компетенции; машинное обучение; цифровая экономика; автоматизация; реформа; студенты; цифровизация; юридическая наука; международный опыт; когнитивные особенности; право; актуальные проблемы.

Для цитирования: Босык О. И. Трансформация высшего юридического образования в условиях цифровой экономики и внедрения искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 169–183. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.169-183.

© Босык О. И., 2025

* Босык Ольга Игоревна, старший преподаватель кафедры частного и предпринимательского права Института государства и права Сургутского государственного университета
Ленина ул., д. 1, г. Сургут, Российская Федерация, 628412
bosykolga@yandex.ru

Transformation of Higher Legal Education in the Context of the Digital Economy and the Introduction of Artificial Intelligence

Olga I. Bosyk, Senior Lecturer, Department of Private and Business Law, Institute of State and Law, Surgut State University, Surgut, Russian Federation
bosykolga@yandex.ru

Abstract. The paper examines the influence of digital competencies on the development of professional skills of students majoring in law at higher education institutions. A correlation has been established between law students' proficiency in artificial intelligence technologies, the quality of their professional training, and their competitiveness in the labor market within the digital economy. The state's need for socio-economic and technological development necessitates a transition from the traditional humanities model of higher legal education to a hybrid model that combines domestic educational traditions and fundamental legal disciplines with the development of skills in working with artificial intelligence systems, an understanding of the specifics of machine learning, and the creation of databases for generating queries to neural networks. Particular attention is given to the integration of digital competencies into the educational program of law students to develop professional competencies such as legal analysis, legal writing, and legal problem solving. An analysis of federal state educational standards revealed a discrepancy between the content of the curricula and the current level of digitalization and automation of legal activities. To improve the competitiveness of law school graduates, it is proposed to introduce digital modules from the first year of study, develop digital departments, and update educational standards to reflect the needs of society and the state. When reforming higher legal education, it is necessary to take into account the cognitive characteristics of students, such as visual thinking and high digital literacy, which contributes to the development of their interest in future professional activities. It is proposed to assess the influence of digital skills on the formation of professional competencies of law students using Bloom's taxonomy, taking into account their cognitive characteristics. It is concluded that there is the need to revise educational programs, drawing on international experience, to improve the quality of legal training and their relevance in the context of the digital economy and the widespread introduction of artificial intelligence into legal practice.

Keywords: artificial intelligence; higher education; jurisprudence; competencies; machine learning; digital economy; automation; reform; students; digitalization; legal science; international experience; cognitive characteristics; law; topical issues.

Cite as: Bosyk OI. Transformation of Higher Legal Education in the Context of the Digital Economy and the Introduction of Artificial Intelligence. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):169-183. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.169-183.

Введение

На протяжении всей истории мировой цивилизации, начиная с античного общества, профессия юриста считается одной из наиболее значимых и авторитетных¹.

Высшее юридическое образование служит фундаментом формирования национальной правовой системы и профессионального правосознания специалистов в современном обществе². Оно аккумулирует правовую культуру и обеспечивает ее преемственность через

¹ Зайцев О. В., Новик Д. С. Направления совершенствования юридического образования // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 1 (123). С. 87.

² Sergeeva A. A., Gorbatova M. A., Efremova I. A. High-quality legal education as a source for the formation of legal culture and professional legal awareness of lawyers // Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales. 2019. № 20. С. 1160.

систему высших учебных заведений³. Содержательная структура высшего юридического образования определяется совокупностью федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), образовательными программами и иными нормативными документами⁴. ФГОС разрабатываются и утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по формированию государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования⁵.

Цель высшего образования — обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем ключевым направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями государства и общества⁶.

На протяжении последних десяти лет специальность «юриспруденция» стабильно входит в число наиболее востребованных среди абитуриентов направлений подготовки, что подтверждается статистическими данными Минобрнауки России⁷.

Тем не менее вопрос о востребованности юристов как специалистов остается предметом активных дискуссий. Так, в начале 2018 г. представитель Рособнадзора заявил, что российские вузы выпускают чрезмерное количество юристов, причем именно на выпускников юридических направлений приходится значительная доля тех, кто не смог трудоустроиться по специальности⁸. В 2021 г. Всероссийский научно-исследовательский институт труда сообщил о переизбытке специалистов с высшим юридическим образованием⁹. 2 февраля 2022 г. на форуме «Научная аттестация: Вчера. Сегодня. Завтра» председатель Ассоциации юристов России С. В. Степашин отметил, что количество выпускников юридических факультетов существенно превышает потребности рынка¹⁰.

6 февраля 2025 г. Президент РФ поручил Правительству разработать меры, направленные на повышение качества платного приема в высшие учебные заведения и ограничение набора абитуриентов на юридические направления подготовки¹¹.

³ Горбатова М. Н., Домнина А. В. Тенденции формирования профессионального правосознания студентов-юристов в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2-2-tendentsii-formirovaniya-professionalnogo-pravosoznaniya-studentov-yuristov-v-sovremennoy-Rossii> (дата обращения: 06.04.2025).

⁴ Неверов А. Я. О месте и роли юридического образования в образовательной системе Российской Федерации // Российская юстиция. 2024. № 6. С. 56.

⁵ Постановление Правительства РФ от 12.04.2019 № 434 «Об утверждении Правил разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904160055>. 16.04.2019 (дата обращения: 03.04.2019).

⁶ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 апреля 2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 30.12.2012 (дата обращения: 04.04.2025).

⁷ Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 04.04.2025).

⁸ Искусственный интеллект начнет менять юридическую профессию уже в ближайшие годы // РИА Новости. 29.01.2018. URL: <https://ria.ru/20180129/1513503677.html> (дата обращения: 04.04.2025).

⁹ Маганова В. В России наблюдается переизбыток юристов и экономистов // ОTR. 20.10.2021. URL: <https://otr-online.ru> (дата обращения: 04.04.2025).

¹⁰ Официальный сайт общероссийской общественной организации «Российское профессорское собрание». URL: <https://profsobranie.ru/230.html> (дата обращения: 04.04.2025).

¹¹ Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76222> (дата обращения: 04.04.2025).

4 апреля 2025 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, регламентирующий порядок платного приема в вузы. Целью законопроекта является устранение кадрового дисбаланса и снижение напряженности на рынке труда. Законопроект предполагает наделение Правительства РФ полномочиями по установлению лимитов на количество мест с внебюджетной формой обучения¹².

Таким образом, дискуссия о востребованности выпускников юридических направлений вузов имеет устойчивый характер и обусловлена предполагаемой невостребованностью их на рынке труда. Однако аналитические данные сервисов по поиску работы демонстрируют иную тенденцию. Так, в июле 2024 г. сервис SuperJob провел исследование рынка труда в сфере юриспруденции, результаты которого показали рост спроса на юристов по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.¹³

Портал «РосНавык», созданный для мониторинга профессиональных компетенций и анализа рынка труда¹⁴, по состоянию на 1 марта 2025 г. зафиксировал более 100 тыс. актуальных вакансий в юридической сфере. Работодатели среди ключевых профессиональных компетенций выделяют информационную грамотность, умение использовать правовые программные решения, а также навыки работы с системами искусственного

интеллекта (далее — ИИ)¹⁵. Отсутствие подобных навыков у выпускников вузов снижает их конкурентоспособность и ограничивает возможности трудоустройства по специальности¹⁶, что связано с текущим уровнем цифровизации и автоматизации труда. Соответственно, можно предположить, что проблема предполагаемой невостребованности выпускников юридических направлений во многом обусловлена недостаточным уровнем их цифровых компетенций, в частности работы с системами ИИ.

Владение технологиями ИИ способствует развитию основных профессиональных компетенций студентов — юридического анализа, юридического письма и решения правовых задач, — что соответствует требованиям, предусмотренным ФГОС по юридическим направлениям подготовки¹⁷.

Ввиду этого перед высшим юридическим образованием стоят две приоритетные задачи: во-первых, интеграция технологий ИИ в образовательный процесс в качестве инструмента развития профессиональных компетенций, во-вторых, формирование у студентов умений эффективно использовать системы ИИ в профессиональной деятельности.

В последние годы дискуссии о перспективах развития юридического образования приобрели особую актуальность. Проблема практической

¹² Законопроект № 884102-8 «О внесении изменения в статью 55 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/884102-8> (дата обращения: 04.04.2025).

¹³ Юриспруденция — обзор рынка труда // SuperJob. URL: <https://www.superjob.ru/pro/5850/> (дата обращения: 04.04.2025).

¹⁴ Анализ актуальности программы с помощью сервиса «РосНавык» / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // URL: <https://www.hse.ru/aup/addedu/rosnav> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁵ Мониторинг рынка труда с помощью сервиса «РосНавык» // URL: <https://rosnavyk.ru/> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁶ Терников А. А., Бляхер М. Л. Вопрос о знаниях, умениях и навыках в вакансиях: кого готовит университет? // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 2. С. 77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spros-na-znaniya-umeniya-i-navyki-v-vakansiyah-kogo-gotovit-universitet> (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁷ Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавра по подготовке 40.03.01 Юриспруденция» (зарег. в Минюсте России 7 сентября 2020 г., № 59673) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009070039> (дата обращения: 20.03.2025).

направленности юридической подготовки была обозначена еще Д. И. Мейером, который подчеркивал необходимость усиления практико-ориентированного подхода к обучению юристов¹⁸. Практическая составляющая выступает одной из важнейших характеристик современного высшего юридического образования, направленного на формирование у студентов компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности¹⁹.

Среди таких компетенций целесообразно выделить развитие навыков работы с системами ИИ через решение конкретных правовых задач, что соответствует требованиям рынка труда и запросам государства.

Соответственно, возникает необходимость в формулировании научных выводов о роли навыков работы с системами ИИ в развитии профессиональных компетенций студентов юридических направлений вузов.

Существующие подходы к проблеме и ее решению можно условно разделить на две группы.

Представители первой группы считают необходимым усиление фундаментальной юридической подготовки, полагая, что технические навыки требуются юристу лишь в минимальном объеме.

Преподаватели и студенты-юристы, согласно данной позиции, должны вырабатывать новое

отношение к знаниям — не потребительское, а творческое, что возможно только на основе прочного фундаментального юридического образования²⁰.

По мнению М. А. Рожковой, для юриста приоритетным является получение качественного базового образования, способствующего развитию профессиональных качеств, а технические познания нужны на элементарном уровне²¹. Ключевую роль в становлении студента как профессионального юриста играет недопустимость снижения уровня теоретической подготовки по основным правовым дисциплинам, даже в условиях цифровизации, направленной на автоматизацию рутинных задач²².

Таким образом, сторонники данного подхода исходят из того, что интеграция ИИ в юридическое образование должна осуществляться без ущерба для фундаментальных знаний.

В зарубежной научной литературе поддерживается позиция о приоритетности формирования у студентов фундаментальных знаний, навыков и способностей, согласно которой основную часть образовательной программы должны составлять общепрофессиональные дисциплины, а навыки работы с ИИ — выполнять вспомогательную функцию²³. Речь идет о развитии фундаментальных аналитических

¹⁸ Мейер Д. И. О рассмотрении практики в системе современного юридического образования. Казань : Тип. Казанского университета, 1855. С. 34. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003572771/ (дата обращения: 04.04.2025).

¹⁹ Кузакбурдиев С. С. Проблемы реализации практико-ориентированного подхода к подготовке юристов и пути их решения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 142. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 04.04.2025).

²⁰ Лаптинская С. Гуманистическая составляющая в образовании юристов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 5. С. 119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanisticheskaya-sostavlyayuschaya-v-obrazovanii-yuristov> (дата обращения: 06.04.2025).

²¹ «Новые юристы»: какие специалисты нужны цифровой экономике : интервью с членом экспертного совета Комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи, профессором БФУ имени И. Канта М. А. Рожковой // РИА Новости. 2019. 28 июня. URL: <https://na.ria.ru/20190628/1555973745.html> (дата обращения: 04.04.2025).

²² Нарутто С. В. Профессиональная компетентность будущих юристов: теоретический, практический и личностный аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2 (75). С. 32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-kompetentnost-buduschih-yuristov-teoreticheskii-prakticheskii-i-lichnostnyy-aspekty> (дата обращения: 04.04.2025).

²³ Howarth J. W. What Law Must Lawyers Know? (2019) // Scholarly Works. № 1286. URL: <https://scholars.law.unlv.edu/facpub/1286> (дата обращения: 04.04.2025).

способностей, необходимых для формирования юридического мышления, что является одной из задач высшего образования. При нерациональном подходе к развитию навыков работы с системами ИИ существует риск снижения когнитивных способностей студентов²⁴.

Второй подход, представленный в научной дискуссии, заключается в признании важности развития навыков работы с ИИ посредством его интеграции в юридическое образование как инструмента практико-ориентированного подхода к обучению. Вместе с тем, несмотря на позитивные стороны внедрения ИИ, отмечаются трудности, связанные с необходимостью переквалификации юристов, и потенциальные риски частичной замены специалистов цифровыми системами²⁵.

Зарубежные исследователи, занимающиеся вопросами интеграции ИИ в юридическое образование, Y. Zhao и G. Liu полагают, что трансформация юридического образования — не только вызов традиционной образовательной системе, но и возможность ее изменения. Масштабное внедрение ИИ в образовательный процесс будет способствовать переходу от преподавания как трансляции знаний и информации (с чем успешно справляется ИИ) к образованию, ориентированному на формирование у студентов заинтересованности в будущей профессии²⁶.

Именно такой подход соответствует ожиданиям современных студентов, стремящихся к участию в создании нового, а навыки работы с

ИИ позволяют удовлетворить эту потребность с пользой для профессиональной деятельности.

Теоретический анализ научной литературы, посвященной интеграции ИИ в образовательный процесс юридических направлений с учетом развития высшего юридического образования в России и за рубежом, позволил выявить научную проблему, решение которой приведет к совершенствованию юридического образования с учетом интересов студентов, потребностей общества и задач, стоящих перед государством.

Реформирование высшего юридического образования с учетом потребностей цифровой экономики

В условиях стремительной цифровизации общества и экономики Президент РФ В. В. Путин акцентирует внимание на необходимости включения дисциплин, связанных с изучением ИИ, в образовательные программы всех вузов страны²⁷. Соответствующие поручения главы государства направлены на формирование у студентов базовых компетенций в области ИИ с целью повышения их конкурентоспособности на рынке труда. Интеграция модулей по ИИ в учебные планы вузов предполагает следующее: освоение теоретических основ ИИ, приобретение студентами практических навыков работы с системами ИИ, развитие информационной грамотности и цифровых компетенций²⁸.

²⁴ Van Patten J. K. Skills for Law Students // S. D. L. Rev. 2016. Vol. 61. No. 2. P. 165. URL: <https://red.library.usd.edu/sdlrev/vol61/iss2/5/> (дата обращения: 04.04.2025).

²⁵ Северин В. А. Междисциплинарный подход подготовки юристов для цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 2. С. 255. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistiplinarnyy-podhod-podgotovki-yuristov-novogo-pokoleniya-dlya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 06.04.2025).

²⁶ Zhao Y., Liu G. How do teachers face educational changes in artificial intelligence era // 2018 International Workshop on Education Reform and Social Sciences (ERSS 2018). Atlantis Press, 2019. P. 48. URL: https://www.researchgate.net/publication/331339105_How_Do_Teachers_Face_Educational_Changes_in_Artificial_Intelligence_Era (дата обращения: 04.04.2025).

²⁷ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110001> (дата обращения: 20.02.2025).

²⁸ Игнатьева Э. А., Келдибекова А. О. Педагогические подходы, основанные на применении искусственного интеллекта в образовательном процессе вуза // Вестник ЧГПУ имени И. Я. Яковлева, 2024.

Поручения Президента РФ реализуются в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», основной целью которого является развитие ключевых компетенций студентов, включая навыки коммуникации в цифровой среде, управления информацией, креативного и критического мышления²⁹. Одним из механизмов реализации проекта стало создание цифровых кафедр, обеспечивающих получение дополнительных профессиональных квалификаций в сфере цифровой экономики³⁰.

Образовательные программы «Цифровая юриспруденция», реализуемые на цифровых кафедрах Томского государственного университета³¹, Новосибирского государственного университета³² и Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского³³, сочетают классические правовые дисциплины с современными информационными технологиями. Программы нацелены на подготовку юристов нового типа — профессионалов, владеющих цифровыми инструментами и обладающих навыками взаимодействия с IT-специалистами. Студенты осваивают основы алгоритмизации при разработке

программного обеспечения, предназначенного для автоматизации юридической деятельности, а также методы работы с корпоративными информационными системами.

Цифровые кафедры — уникальный образовательный проект, реализуемый в России, ориентированный на удовлетворение потребностей студентов, соответствующий приоритетам государственной политики и способствующий повышению уровня цифровой грамотности населения. Отличительные особенности цифровых кафедр — бесплатное обучение и дистанционный формат.

Зарубежный опыт подтверждает актуальность интеграции компетенций работы с ИИ в высшее юридическое образование. Так, Юридическая школа Гарварда и Центр Беркмана — Кляйна создали Институт Кемпнера по изучению естественного и искусственного интеллекта. Основные направления Института — исследование воздействия технологий ИИ на правовую систему и разработка элективных курсов для будущих юристов по автоматизированной обработке правовой информации³⁴.

Институт финансируется предпринимательским сообществом³⁵, что, с одной стороны,

№ 2 (123). С. 105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-podhody-osnovannye-na-primenenii-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovatelnom-protssesse-vuza> (дата обращения: 09.04.2025).

²⁹ Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2025).

³⁰ Постановление Правительства РФ от 13.05.2021 № 729 (ред. от 29.11.2023) «О мерах по реализации программы академического лидерства “Приоритет-2030”» (вместе с Правилами подготовки образовательных организаций высшего образования..., Правилами предоставления грантов...) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105210006> (дата обращения: 20.02.2025).

³¹ Цифровые кафедры. Проект Национального исследовательского Томского государственного университета // URL: <https://itkaftsu.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

³² Цифровая кафедра. Проект Новосибирского государственного университета // URL: <https://education.nsu.ru/digital-section/> (дата обращения: 04.04.2025).

³³ Цифровая кафедра. Проект Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (ННГУ) // URL: <https://digital-chairs.unn.ru/> (дата обращения: 04.04.2025).

³⁴ Berkman Klein Center & Harvard Law School. Kempner Institute // Harvard University. Cambridge. 2024. URL: <https://kempnerinstitute.harvard.edu/> (дата обращения: 20.02.2025).

³⁵ *Waisberg N., Hudek A. Artificial Intelligence for Lawyers: How AI Adds Value, Amplifies Expertise, and Transforms Legal Careers.* 1st ed. Hoboken, NJ : Wiley, 2021. P. 56. URL: <https://books.google.ru/books?id=RAUPEAAAQBAJ> (дата обращения: 04.04.2025).

способствует развитию профессиональных навыков, а с другой — может повлечь за собой риски лоббирования частных интересов в ущерб государственным приоритетам в сфере образования.

В Университете Эдинбурга реализуется образовательная программа LLM in Innovation, Technology and the Law, целью которой является изучение юридических дисциплин с использованием цифровых инструментов, включая системы ИИ³⁶. Однако дисциплины, предназначенные для развития компетенций с ИИ, имеют элективный характер, что ограничивает их доступность для всех желающих студентов юридических направлений.

Зарубежный опыт подтверждает, что навыки работы с ИИ становятся неотъемлемой частью современного высшего юридического образования. Выпускники российских вузов, обладающие соответствующими компетенциями, смогут успешно конкурировать на международном рынке труда, что подтверждает высокий уровень отечественного юридического образования.

Для достижения данной цели изучение дисциплин, связанных с ИИ, целесообразно начинать уже с первого курса, что позволит рассматривать обучение на цифровых кафедрах как неотъемлемый элемент профессиональной подготовки, дополняющий основное юридическое образование.

В 2023 г. Президент РФ В. В. Путин инициировал масштабную реформу высшего образования³⁷. На заседании Совета по науке и образованию в 2025 г. глава государства подчеркнул необходимость адаптации образовательных программ вузов к современным требованиям рынка труда³⁸. Президент РФ поставил перед профессорско-преподавательским сообществом стратегическую задачу — обеспечить соответствие высшего образования экономическим потребностям страны³⁹.

Высшее юридическое образование основывается на ФГОС, включающих такие профессиональные компетенции, как юридический анализ, юридическое письмо, решение правовых задач и владение информационными технологиями. Однако цифровой компонент во ФГОС недостаточно развит, что не отвечает современным потребностям общества и государства. Отдельные вузы с целью подготовки специалистов, удовлетворяющих потребностям рынка, разрабатывают специализированные программы юридического образования.

Например, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) реализует программу «Цифровое право (IT Law)», сочетающую классические юридические дисциплины с современными IT-технологиями, что способствует подготовке юристов, ориентированных на работу в цифровой среде⁴⁰. Выпускники, обучавшиеся по этой программе, обладают компетенциями, позволяющими

³⁶ University of Edinburgh. LLM in Innovation, Technology and the Law. Edinburgh Law School. Edinburgh, 2024 // URL: <https://www.law.ed.ac.uk/study/masters-degrees/llm-innovation-technology-and-the-law> (дата обращения: 20.02.2025).

³⁷ Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 (ред. от 26.06.2023) «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2025).

³⁸ Стенограмма заседания Совета по науке и образованию при Президенте РФ от 06.02.2025 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76222> (дата обращения: 20.02.2025).

³⁹ Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2025).

⁴⁰ Магистерская программа «Цифровое право (IT Law)» / Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) // URL: <https://msal.ru/programs/vysshee-obrazovanie/magistratura/magisterskaya-programma-tsifrovoe-pravo-it-law/> (дата обращения: 20.03.2025).

эффективно решать правовые задачи с использованием современных технологических инструментов. Опыт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в подготовке юристов может служить основой для формирования современной модели высшего юридического образования.

Другим примером адаптации юридического образования цифровой экономики является образовательная программа «Юрист для цифровых компаний и проектов», реализуемая в Государственном академическом университете гуманитарных наук⁴¹. Программа ориентирована на удовлетворение актуальных потребностей рынка труда, в частности на правовое сопровождение цифровых организаций. По завершении обучения студенты обладают как знаниями и пониманием теоретических основ в области электронной коммерции, так и практическими навыками работы в сфере информационных технологий.

Цифровизация оказывает значительное влияние на подготовку юристов, поскольку их профессиональная деятельность будет осуществляться в условиях автоматизации и технологического развития⁴². В связи с этим применение цифровых технологий, в особенности развитие навыков работы с системами ИИ, должно стать неотъемлемой частью ФГОС юридических программ. В противном случае будущие юристы могут оказаться неконкурентоспособными на рынке труда, поскольку ключевые профессиональные навыки требуют компетенций по взаимодействию с системами ИИ.

Современное юридическое образование должно отвечать вызовам времени, государ-

ственным приоритетам и потребностям цифровой экономики.

Развитие профессиональных компетенций студентов-юристов с помощью технологий искусственного интеллекта

Стремительное развитие систем ИИ ставит перед юридической наукой, образованием и практикой новые вызовы, требующие осмысления правового регулирования промптов (запросов к нейросетям) и перспектив их изучения в контексте взаимодействия права и технологий⁴³. Формирование у студентов-юристов компетенций грамотного использования промптов особенно актуально в условиях цифровизации и автоматизации юридической деятельности. Искусственный интеллект должен быть воспринят профессорско-преподавательским сообществом как инструмент образовательной деятельности, повышающий эффективность подготовки юристов.

Правоприменительный аспект интеграции ИИ в высшее юридическое образование приобретает особую значимость, поскольку ряд юридических задач, включая выявление ошибок в договорах, формирование ответов на типовые запросы, разработку шаблонных документов и анализ судебной практики, поддаются автоматизации⁴⁴. Юрист в условиях цифровизации профессиональной деятельности должен обеспечивать корректное применение и интерпретацию результатов, полученных с использованием технологий ИИ.

⁴¹ Рабочий учебный план по программе магистратуры 40.04.01 «Юриспруденция», направленность (профиль) «Юрист для цифровых компаний и проектов» (одобрен Учебно-методическим советом вуза, протокол от 07.06.2022 № 2) / ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» // URL: <https://gaugn.ru/obrazovanie/faculties/law/direction-of-preparation/Law/> (дата обращения: 26.02.2025).

⁴² Ершова И. В., Енькова Е. Е. «Цифровые» компетенции юристов: концепция, практика, проблемы формирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 230.

⁴³ Кирпичёв А. Е. Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2024. Т. 28. № 4. С. 910. URL: <https://journals.rudn.ru/law/article/view/41937> (дата обращения: 20.03.2025).

⁴⁴ Timmer I. Contract automation: experiences from dutch legal practice // LegalTech, Smart Contracts and Blockchain, 2019. 8 Febr. P. 150. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-13-6086-2_6 (дата обращения: 04.04.2025).

Например, навыки формулирования корректных запросов (промптов) тесно связаны с юридическим анализом, поскольку без понимания правовой проблемы невозможно составить релевантный запрос к ИИ. Ошибки в запросах могут привести к некорректным ответам, что в юридической деятельности чревато правовыми последствиями.

Знание основ машинного обучения позволяет создавать датасеты (базы данных для обучения и тестирования моделей машинного обучения) с целью более эффективного поиска, анализа и интерпретации правовой информации.

Развитие профессиональных компетенций студентов-юристов через освоение работы с технологиями ИИ способствует сокращению времени на выполнение рутинных задач при условии развития юридического мышления⁴⁵.

По поводу использования ИИ в системе образования существуют разные мнения в научном сообществе. С одной стороны, имеется скептическое отношение, обусловленное потенциальными рисками, сопровождающими применение ИИ. Один из таких аргументов — опасение, что студенты будут использовать ИИ для получения готовых ответов, что может породить академическую лень⁴⁶.

Так, А. Е. СЕРЕЖКИНА выделяет несколько проблем, связанных с интеграцией ИИ в образование: вопросы безопасности данных, достоверность генерируемой информации и риск

снижения мотивации студентов к самостоятельному обучению⁴⁷. В качестве дополнительных рисков ученые указывают на некорректную интерпретацию правовых норм, предвзятость решений, отсутствие прозрачности работы ИИ и проблемы юридической ответственности⁴⁸.

Иностранные исследователи активно участвуют в дискуссии об использовании ИИ в юридическом образовании. Например, L. Peoples полагает, что ИИ не обладает юридическим мышлением⁴⁹, которое является ключевым профессиональным навыком юристов. Ученый предупреждает о рисках чрезмерной зависимости от ИИ, которые могут привести к снижению логического мышления, аргументации и критического анализа и, как результат, к профессиональной непригодности.

С другой стороны, скептическое отношение к использованию ИИ в образовании нередко обусловлено недостаточным пониманием его потенциала, а также отсутствием у профессорско-преподавательского состава необходимых навыков работы с этим инструментом.

А. С. ДАНИЕЛЯН предлагает системный подход к совершенствованию юридического образования в условиях цифровизации, подчеркивая необходимость пересмотра содержания образовательных программ. Он считает, что интеграция информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс будет способствовать развитию необходимых цифровых компетенций студентов⁵⁰.

⁴⁵ Долматов А. В., Долматова Л. А. Возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1. С. 47.

⁴⁶ Selelo M. E. The perpetuation of lazy thinking by exploiting writing artificial intelligence tools: perceptions from students in the University of Limpopo // Journal of English Education and Technology. 2024. Vol. 4. No. 4. P. 355. URL: <https://www.jeet.fkdp.or.id/index.php/jeet/article/view/115> (дата обращения: 04.04.2025).

⁴⁷ СЕРЕЖКИНА А. Е. Применение искусственного интеллекта в образовании // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024) : сборник статей V Международной научно-практической конференции (14–15 ноября 2024 г.). М. : Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. С. 748. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/dhte2024/contents/> (дата обращения: 20.02.2025).

⁴⁸ Репин Д. А. Технологии искусственного интеллекта как фактор совершенствования государственного управления: вызовы и угрозы // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 2. С. 30.

⁴⁹ Peoples L. Artificial Intelligence and Legal Analysis: Implications for Legal Education and Practice // Law Library Journal. 2025. № 1. P. 125. URL: <https://arxiv.org/abs/2502.03487> (дата обращения: 20.02.2025).

⁵⁰ Даниелян А. С. К вопросу о преимуществах и рисках применения искусственного интеллекта в юриспруденции // Образование и право. 2024. № 2. С. 474.

Среди иностранных исследователей также есть сторонники интеграции ИИ в юридическое образование. Так, R. Susskind и D. Susskind утверждают, что ИИ меняет юридическую профессию, делая традиционные образовательные модели менее эффективными. Они уверены, что автоматизация рутинных задач позволит высвободить время для развития уникальных профессиональных компетенций, в частности стратегического мышления, креативности и эмоционального интеллекта⁵¹.

Следовательно, навыки работы с ИИ повышают конкурентоспособность будущих юристов, делая их востребованными специалистами, которые в состоянии внести вклад в социально-экономическое развитие страны.

Внедрение ИИ в юридическое образование должно осуществляться постепенно, с учетом индивидуальных траекторий обучения студентов и их образовательных потребностей. Навыки работы с ИИ должны стать неотъемлемой частью профессиональной подготовки студентов юридических направлений, обеспечивая соответствие выпускников требованиям современного рынка труда⁵².

Однако индивидуализация образовательных траекторий может привести к существенным

различиям в подготовке юристов, что отрицательно скажется на их профессиональной реализации. Поэтому необходимо разработать единый набор цифровых навыков, умений и знаний и внести их во ФГОС.

Юридическая деятельность стремительно развивается под влиянием ИИ, который способен анализировать большие данные, интерпретировать тенденции и риски разрешения споров, а также генерировать аргументы⁵³.

Иностранные исследователи отмечают, что ИИ уже частично заменяет юристов в США и Европе, особенно в части предоставления простых консультаций⁵⁴ и генерации типовых исковых заявлений⁵⁵. Юристы, не владеющие навыками работы с системами ИИ, рискуют потерять рабочие места, в то время как ценность специалистов, способных эффективно взаимодействовать с ИИ, возрастает⁵⁶.

Современное юридическое образование должно соответствовать государственным запросам и потребностям цифровой экономики, поэтому профессорско-преподавательскому сообществу необходимо сочетать традиционные методы обучения с использованием ИТ-технологий.

Взаимосвязь между развитием навыков работы с ИИ и формированием профессиональ-

⁵¹ Susskind R., Susskind D. *The Future of the Professions: How Technology Is Transforming the Work of Human Experts*. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 35. URL: <https://books.google.ru/books?id=q4ImCgAAQBAJ&hl=ru> (дата обращения: 20.02.2025).

⁵² Sidorkin A. M. *Embracing Chatbots in Higher Education: The Use of Artificial Intelligence in Teaching, Administration, and Scholarship*. New York : Routledge, 2024. P. 45. URL: <https://www.amazon.com/Embracing-Chatbots-Higher-Education-Administration-ebook/dp/B0CW5SQ63C> (дата обращения: 20.03.2025).

⁵³ Ashley K. D. *Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Legal Practice in the Digital Age*. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 45. URL: <https://archive.org/details/artificialintell0000ashl> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵⁴ Waisberg N., Hudek A. *AI for lawyers: how artificial intelligence is adding value, amplifying expertise, and transforming careers*. John Wiley & Sons, 2021. P. 15. URL: https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=wm4ZEEAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=Artificial+intelligence+replace+lawyers&ots=9z6cQLeU3b&sig=9376XYx9JM6h-EyjFbsNP563uao&redir_esc=y#v=onepage&q=Artificial%20intelligence%20replace%20lawyers&f=false (дата обращения: 20.03.2025).

⁵⁵ Davis A. E. *The future of law firms (and lawyers) in the age of artificial intelligence* // *Revista Direito GV*. 2020. T. 16. № 1. P. 1945. URL: <https://www.scielo.br/j/rdgv/a/xfgFQHzLQbJBhtPGGTzVpLc/?lang=en> (дата обращения: 20.03.2025).

⁵⁶ McGinnis J. O., Pierce R. G. *The Great Breakthrough: How Machine Intelligence Will Change the Role of Lawyers in the Delivery of Legal Services* // *Fordham Law Review*. 2014. Vol. 6. P. 3045. URL: https://www.rusjel.ru/jour/article/view/25/25?locale=en_US (дата обращения: 20.03.2025).

ных компетенций можно проиллюстрировать с помощью таксономии Блума — концепции, классифицирующей уровни когнитивного обучения⁵⁷.

Во-первых, формулирование промптов для юридической деятельности помогает запоминать базовую правовую терминологию и фундаментальные принципы, понимать различия между закрытыми и открытыми запросами к ИИ и применять теоретические знания для создания промптов, ориентированных на решение конкретных правовых задач.

Во-вторых, создание и использование датасетов — ключ к пониманию процессов сбора, структурирования и систематизации юридических данных, а также применению знаний для разработки небольших баз данных и их использования в обучении моделей ИИ.

В-третьих, работа с моделями машинного обучения позволяет анализировать влияние различных факторов на работу модели ИИ, оценивать точность предсказаний и интерпретации результатов ИИ-анализа.

Таким образом, развитие навыков работы с ИИ способствует формированию у студентов таких профессиональных компетенций, как юридический анализ, юридическое письмо и решение правовых задач.

Заключение

В результате исследования сделаны следующие выводы.

Во-первых, освоение навыков работы с системами ИИ в целях развития профессиональных компетенций повышает заинтересованность студентов в обучении.

Во-вторых, федеральные государственные образовательные стандарты высшего юридического образования нуждаются в пересмотре с учетом необходимости включения компетенций, связанных с использованием систем ИИ.

В-третьих, развитие навыков работы с ИИ способствует формированию ключевых профессиональных компетенций студентов юридических направлений высших учебных заведений, таких как юридический анализ, юридическое письмо и решение правовых задач.

Таким образом, интеграция ИИ в систему высшего юридического образования повысит качество подготовки специалистов и окажет положительное влияние на технологическое развитие правовой системы страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбатова М. Н., Домнина А. В. Тенденции формирования профессионального правосознания студентов-юристов в современной России // Пробелы в российском законодательстве. — 2010. — № 1. — С. 50–55.
2. Даниелян А. С. К вопросу о преимуществах и рисках применения искусственного интеллекта в юриспруденции // Образование и право. — 2024. — № 2. — С. 472–476.
3. Долматов А. В., Долматова Л. А. Возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2020. — № 1. — С. 44–49.
4. Ершова И. В., Енькова Е. Е. «Цифровые» компетенции юристов: концепция, практика, проблемы формирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6 (115). — С. 225–236.
5. Зайцев О. В., Новак Д. С. Направления совершенствования юридического образования // Государственная служба. — 2020. — Т. 22. — № 1 (123). — С. 85–91.

⁵⁷ Anderson L. W., Krathwohl D. R. A Taxonomy for Learning, Teaching and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives. New York : Longman, 2001. P. 27. URL: https://www.researchgate.net/publication/235465787_A_Taxonomy_for_Learning_Teaching_and_Assessing_A_Revision_of_Bloom's_Taxonomy_of_Educational_Objectives (дата обращения: 20.03.2025).

6. *Игнатъева Э. А., Келдибекова А. О.* Педагогические подходы, основанные на применении искусственного интеллекта в образовательном процессе вуза // Вестник ЧГПУ имени И.Я. Яковлева. — 2024. — № 2 (123). — С. 105–115.
7. *Кирпичёв А. Е.* Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2024. — Т. 28. — № 4. — С. 906–918. — URL: <https://journals.rudn.ru/law/article/view/41937> (дата обращения: 20.03.2025).
8. *Кузакбирдиев С. С.* Проблемы реализации практико-ориентированного подхода к подготовке юристов и пути их решения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2019. — Т. 5. — № 2. — С. 137–154.
9. *Лаптинская С.* Гуманистическая составляющая в образовании юристов // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2005. — № 5. — С. 117–121.
10. *Мейер Д. И.* О рассмотрении практики в системе современного юридического образования. — Казань : Тип. Казанского университета, 1855. — 50 с.
11. *Нарутто С. В.* Профессиональная компетентность будущих юристов: теоретический, практический и личностный аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 2 (75). — С. 29–36.
12. *Неверов А. Я.* О месте и роли юридического образования в образовательной системе Российской Федерации // Российская юстиция. — 2024. — № 6. — С. 54–61.
13. *Северин В. А.* Междисциплинарный подход подготовки юристов для цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. — 2019. — № 2. — С. 252–257.
14. *Серержкина А. Е.* Применение искусственного интеллекта в образовании // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024) : сборник статей V Международной научно-практической конференции (14–15 ноября 2024 г.). — М. : Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. — С. 743–755.
15. *Репин Д. А.* Технологии искусственного интеллекта как фактор совершенствования государственного управления: вызовы и угрозы // Экономика и управление. — 2025. — Т. 31. — № 2. — С. 27–35.
16. *Терников А. А., Бляхер М. Л.* Вопрос о знаниях, умениях и навыках в вакансиях: кого готовит университет? // Мир России. Социология. Этнология. — 2023. — Т. 32. — № 2. — С. 70–85.
17. *Anderson L. W., Krathwohl D. R.* A Taxonomy for Learning, Teaching and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives. — New York : Longman, 2001. — 352 p.
18. *Ashley K. D.* Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Legal Practice in the Digital Age. — Cambridge : Cambridge University Press, 2017. — 426 p.
19. *Davis A. E.* The future of law firms (and lawyers) in the age of artificial intelligence // Revista Direito GV. — 2020. — Т. 16. — № 1. — P. 1945–1967.
20. *Howarth J. W.* What Law Must Lawyers Know? // Scholarly Works. — 2019. — № 1286. — URL: <https://scholars.law.unlv.edu/facpub/1286> (дата обращения: 04.04.2025).
21. *McGinnis J. O., Pearce R. G.* The Great Disruption: How Machine Intelligence Will Transform the Role of Lawyers in the Delivery of Legal Services // Actual Problems of Economics and Law. — 2019. — Vol. 13. — No. 2. — P. 1230–1250.
22. *Peoples L.* Artificial Intelligence and Legal Analysis: Implications for Legal Education and Practice // Law Library Journal. — 2025. — № 1. — P. 115–130.
23. *Selelo M. E.* The perpetuation of lazy thinking by exploiting writing artificial intelligence tools: perceptions from students in the University of Limpopo // Journal of English Education and Technology. — 2024. — Vol. 4. — № 4. — P. 350–363.
24. *Sergeeva A. A., Gorbatova M. A., Efremova I. A.* High-quality legal education as a source for the formation of legal culture and professional legal awareness of lawyers // Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales. — 2019. — No. 20. — P. 1156–1163.
25. *Sidorkin A. M.* Embracing Chatbots in Higher Education: The Use of Artificial Intelligence in Teaching, Administration, and Scholarship. — New York : Routledge, 2024. — 456 p.

26. *Susskind R., Susskind D.* The Future of the Professions: How Technology Is Transforming the Work of Human Experts. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 460 p.
27. *Timmer I.* Contract automation: experiences from dutch legal practice // LegalTech, Smart Contracts and Blockchain. — 2019. — 8 Febr. — P. 147–171.
28. *Waisberg N., Hudek A.* Artificial Intelligence for Lawyers: How AI Adds Value, Amplifies Expertise, and Transforms Legal Careers. — 1st ed. — Hoboken, NJ : Wiley, 2021. — 256 p.
29. *Waisberg N., Hudek A.* AI for lawyers: how artificial intelligence is adding value, amplifying expertise, and transforming careers. — John Wiley & Sons, 2021. — 506 p.
30. *Van Patten J. K.* Skills for Law Students // S. D. L. Rev. — 2016. — Vol. 61. — No. 2. — P. 160–175.
31. *Zhao Y., Liu G.* How do teachers face educational changes in artificial intelligence era // 2018 International Workshop on Education Reform and Social Sciences (ERSS 2018). — Atlantis Press, 2019. — P. 47–60.

Материал поступил в редакцию 9 апреля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gorbatoва M. N., Domnina A. V. Tendentsii formirovaniya professionalnogo pravosoznaniya studentov-yuristov v sovremennoy Rossii // Probely v rossiyskom zakonodatelstve. — 2010. — № 1. — S. 50–55.
2. Danielyan A. S. K voprosu o preimushchestvakh i riskakh primeneniya iskusstvennogo intellekta v yurisprudentsii // Obrazovanie i pravo. — 2024. — № 2. — S. 472–476.
3. Dolmatov A. V., Dolmatova L. A. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v yurisprudentsii // Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii. — 2020. — № 1. — S. 44–49.
4. Ershova I. V., Enkova E. E. «Tsifrovye» kompetentsii yuristov: kontseptsiya, praktika, problemy formirovaniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 6 (115). — S. 225–236.
5. Zaytsev O. V., Novak D. S. Napravleniya sovershenstvovaniya yuridicheskogo obrazovaniya // Gosudarstvennaya sluzhba. — 2020. — T. 22. — № 1 (123). — S. 85–91.
6. Ignateva E. A., Keldibekova A. O. Pedagogicheskie podkhody, osnovannye na primenenii iskusstvennogo intellekta v obrazovatelnom protsesse vuza // Vestnik ChGPU imeni I.Ya. Yakovleva. — 2024. — № 2 (123). — S. 105–115.
7. Kirpichev A. E. Prompty (zaprosy) dlya generativnogo iskusstvennogo intellekta v yuridicheskom diskurse // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2024. — T. 28. — № 4. — S. 906–918. — URL: <https://journals.rudn.ru/law/article/view/41937> (data obrashcheniya: 20.03.2025).
8. Kuzakbirdiev S. S. Problemy realizatsii praktiko-orientirovannogo podkhoda k podgotovke yuristov i puti ikh resheniya // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. — 2019. — T. 5. — № 2. — S. 137–154.
9. Laptinskaya S. Gumanisticheskaya sostavlyayushchaya v obrazovanii yuristov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2005. — № 5. — S. 117–121.
10. Meyer D. I. O rassmotrenii praktiki v sisteme sovremennoy yuridicheskoy obrazovaniya. — Kazan: Tip. Kazanskogo universiteta, 1855. — 50 s.
11. Narutto S. V. Professionalnaya kompetentnost budushchikh yuristov: teoreticheskiy, prakticheskiy i lichnostnyy aspekty // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2017. — № 2 (75). — S. 29–36.
12. Neverov A. Ya. O meste i roli yuridicheskogo obrazovaniya v obrazovatelnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskaya yustitsiya. — 2024. — № 6. — S. 54–61.
13. Severin V. A. Mezhdistsiplinarnyy podkhod podgotovki yuristov dlya tsifrovoy ekonomiki // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. — 2019. — № 2. — S. 252–257.

14. Serezhkina A. E. *Primenenie iskusstvennogo intellekta v obrazovanii // Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2024): sbornik statey V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (14–15 noyabrya 2024 g.)*. — M.: Izd-vo FGBOU VO MGPPU, 2024. — S. 743–755.
15. Repin D. A. *Tekhnologii iskusstvennogo intellekta kak faktor sovershenstvovaniya gosudarstvennogo upravleniya: vyzovy i ugrozy // Ekonomika i upravlenie*. — 2025. — T. 31. — № 2. — S. 27–35.
16. Ternikov A. A., Blyakher M. L. *Vopros o znaniyakh, umeniyakh i navykakh v vakansiyakh: kogo gotovit universitet? // Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. — 2023. — T. 32. — № 2. — S. 70–85.
17. Anderson L. W., Krathwohl D. R. *A Taxonomy for Learning, Teaching and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives*. — New York: Longman, 2001. — 352 p.
18. Ashley K. D. *Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Legal Practice in the Digital Age*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — 426 p.
19. Davis A. E. *The future of law firms (and lawyers) in the age of artificial intelligence // Revista Direito GV*. — 2020. — T. 16. — № 1. — P. 1945–1967.
20. Howarth J. W. *What Law Must Lawyers Know? // Scholarly Works*. — 2019. — № 1286. — URL: <https://scholars.law.unlv.edu/facpub/1286> (data obrashcheniya: 04.04.2025).
21. McGinnis J. O., Pearce R. G. *The Great Disruption: How Machine Intelligence Will Transform the Role of Lawyers in the Delivery of Legal Services // Actual Problems of Economics and Law*. — 2019. — Vol. 13. — No. 2. — P. 1230–1250.
22. Peoples L. *Artificial Intelligence and Legal Analysis: Implications for Legal Education and Practice // Law Library Journal*. — 2025. — № 1. — P. 115–130.
23. Selelo M. E. *The perpetuation of lazy thinking by exploiting writing artificial intelligence tools: perceptions from students in the University of Limpopo // Journal of English Education and Technology*. — 2024. — Vol. 4. — № 4. — P. 350–363.
24. Sergeeva A. A., Gorbatova M. A., Efremova I. A. *High-quality legal education as a source for the formation of legal culture and professional legal awareness of lawyers // Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales*. — 2019. — No. 20. — P. 1156–1163.
25. Sidorkin A. M. *Embracing Chatbots in Higher Education: The Use of Artificial Intelligence in Teaching, Administration, and Scholarship*. — New York: Routledge, 2024. — 456 p.
26. Susskind R., Susskind D. *The Future of the Professions: How Technology Is Transforming the Work of Human Experts*. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 460 p.
27. Timmer I. *Contract automation: experiences from dutch legal practice // LegalTech, Smart Contracts and Blockchain*. — 2019. — 8 Febr. — P. 147–171.
28. Waisberg N., Hudek A. *Artificial Intelligence for Lawyers: How AI Adds Value, Amplifies Expertise, and Transforms Legal Careers*. — 1st ed. — Hoboken, NJ: Wiley, 2021. — 256 p.
29. Waisberg N., Hudek A. *AI for lawyers: how artificial intelligence is adding value, amplifying expertise, and transforming careers*. — John Wiley & Sons, 2021. — 506 p.
30. Van Patten J. K. *Skills for Law Students // S. D. L. Rev.* — 2016. — Vol. 61. — No. 2. — P. 160–175.
31. Zhao Y., Liu G. *How do teachers face educational changes in artificial intelligence era // 2018 International Workshop on Education Reform and Social Sciences (ERSS 2018)*. — Atlantis Press, 2019. — P. 47–60.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.



KUTAFIN LAW REVIEW

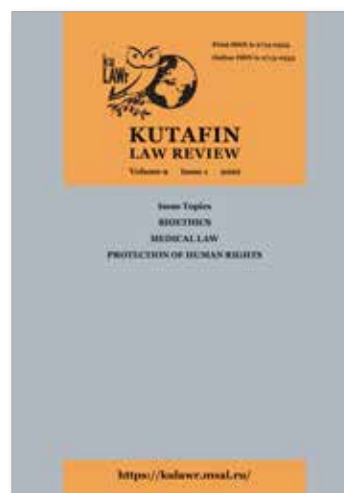
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!



Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 11 (180) ноябрь 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 194-1471



9 771994 147002